

С Е М Ь Я

И

ГОСУДАРСТВО.

В. А. Краинскаго.

К І Е В Ъ.

Типографія К. Н. Милевскаго, на Крещатику, въ домѣ Виска № 11-й.
1876.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ сочиненіи я настаиваю на той мысли, что нельзя ни опознать, ни опредѣлить современнаго состоянія европейскаго общества безъ сравнительнаго изученія двухъ цивилизацій, взаимно объясняющихъ одна другую: — языческой, греко-римской и христіанской первыхъ вѣковъ нашей церкви. Если мы все познаемъ въ природѣ чрезъ сравненіе, то какъ же, не имѣя его, можемъ мы опредѣлить куда стрѣмится современное чело-вѣчество — къ самосовершенствованію или къ самоуничтоженію? Если же сопоставить исторію обѣихъ цивилизацій вмѣстѣ, то вѣчная истина, безъ которой немислима никакая разумная жизнь чело-вѣка на землѣ, выдѣлится сама собою, какъ логическій выводъ изъ одного непре-ложнаго начала. Это кратчайшій путь отъ заблужденій къ заключеніямъ здраваго ума, согласнымъ со всѣми прирожденными потребностями чело-вѣческой природы. Желаю, чтобы книга моя могла въ рукахъ матерей семействъ послужить имъ для вразумленія ихъ дѣтей, если послѣднія станутъ повторять со слуха давно знакомыя заблужденія, уже неимѣющія никакого научнаго значенія. Мнѣ случалось вмѣсто спора съ молодымъ чело-вѣкомъ, горячо отстаивавшимъ свои убѣжденія, попросить его только снять съ этажерки ту или другую книгу и раз-вернуть указанную мною страницу, на которой находи-лось научное возраженіе противъ всего, что онъ утвер-ждалъ. Съ моей стороны не было сказано ни одного слова ни *за*, ни *противъ*; но молодой чело-вѣкъ никогда

уже впоследствии не защищалъ тезиса, однажды имъ дурно избраннаго. Каждая мать можетъ сдѣлать для своего сына то же самое, и я почту себя счастливымъ, если мой опытъ и мои изслѣдованія принесутъ пользу юношамъ, на которыхъ такъ часто и такъ губельно дѣйствуютъ отважные въ своемъ невѣжествѣ пропогандисты безвѣрія и безначалія.

Авторъ.

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО.

ГЛАВА I.

Первобытный семейный союзъ по указаніямъ библейскимъ.

Слава, могущество и сила народовъ не создаются случайно или произвольно, но вырабатываются ими самими изъ ихъ внутренней жизни, изъ семьи крѣпко сплоченной союзомъ, освященнымъ религіею и неразрывнымъ для человѣческихъ страстей и прихотей. Изъ семьи, какъ изъ ядра, разрастается народъ — семья собирательная.

Любовь къ отечеству немислима безъ любви къ семьѣ, ко всему родственному, связанному съ чистыми впечатлѣніями младенчества и первой юности. И какъ справедливо выраженіе Порталиса: „Кто полюбитъ свое маленькое отечество — семью, тотъ будетъ любить и свое большое отечество“!

Хотя Божественное откровеніе, данное человѣку при его сотвореніи, сохранилось неприкосновеннымъ у одного еврейскаго народа, у всѣхъ же прочихъ народовъ оно было извращено позднѣйшими баснями и вымыслами, тѣмъ не менѣе законъ естественный, лежащій въ самой природѣ человѣка, въ его прирожденномъ религіозномъ чувствѣ, въ его совѣсти и здоровомъ смыслѣ, служилъ основаніемъ для развитія семейной и государственной жизни каждаго народа. Чѣмъ ближе народъ къ первоначальному источнику своей исторіи, тѣмъ замѣтнѣе въ

его домашнемъ и общественномъ строѣ слѣды библейскаго откровенія и религіи, присущей природѣ человѣка.

Въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ умъ человѣческій разработывалъ вопросъ о сотвореніи міра и человѣка, и подобно баснословнымъ титанамъ, громоздилъ вокругъ себя горы системъ и гипотезъ, и только новѣйшія геологическія изслѣдованія коры земнаго шара привели къ несомнѣнному выводу, что сотвореніе міра совершилось въ томъ порядкѣ, въ какомъ передаетъ намъ его библейское откровеніе. Какъ ни мало еще развита въ настоящее время наука фізіологіи, но и она достаточно объясняетъ условія нераздѣльнаго существованія мужа и жены, такъ точно, какъ законъ этотъ выраженъ во 2-й главѣ книги Бытія. Вообще человѣку серьезно учившемуся нельзя теперь сказать, будто вѣра расходится съ наукой, понимаемой въ ея истинномъ значеніи, тогда какъ та и другая составляютъ лишь два своеобразныхъ луча, исходящихъ изъ одного и того же источника свѣта, (хотя, конечно, далеко неодинаково свѣтлые, сообразно ихъ природѣ и назначенію).

Самая древнѣйшая письменность, какую мы имѣемъ, — библейская, — представляетъ намъ такую сильную организацію семьи въ средѣ евреевъ, которая недопустила распаденія этого народа, даже выведеннаго въ массѣ изъ Іудеи въ плѣненіе вавилонское, гдѣ онъ долженъ былъ слиться съ другими народами и не слился, потому что его семья крѣпко и своеобразно сплоченная, жила своею собственною жизнію среди семейнаго растлѣнія и вмѣстѣ государственнаго разложенія его побѣдителей.

Непреложный семейный и общественный законъ народа еврейскаго, заключался въ библии, по выраженію которой жена есть кость отъ костей и плоть отъ плоти своего мужа, и потому человѣкъ обязанъ оставить отца своего и мать и прилѣпиться къ женѣ, дабы оба были

единою плотью (Быт. гл. II. ст. 23, 24). Въ текстѣ Вулгаты, женщина названа *virago* отъ слова *vir*, — мужъ, и Лютеръ въ своемъ переводѣ съ еврейскаго вынужденъ былъ изобрѣсть новое немѣцкое слово: *die Männin*, т. е. мужественница или часть мужа. (Кн. Быт. гл. II. ст. 23). Еще яснѣе выражено это въ той же книгѣ бытія (гл. V ст. 2): „Мужчину и женщину сотворилъ ихъ, и благословилъ ихъ и нарекъ имъ имя: *человѣкъ*, въ день сотворенія ихъ“. Слѣдовательно всѣ тексты переводовъ имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ единосущности, единожизненности мужа и жены. Поэтому прелюбодѣянiе у евреевъ наказывалось смертію обоихъ виновныхъ (Второз. XXII, 22). Никакія порочныя побужденія къ нарушенію мира семейнаго не были допускаемы въ молодомъ поколѣнiи: сынъ развратный, презиравшій наставленія родителей и неповиновавшійся имъ былъ побиваемъ камнями (Второз. XXI, 18—21). Той же смертной казни подвергалась и дочь, утратившая до замужества свое дѣвство, въ домѣ родительскомъ (Втор. XXII, 21).

При соблазненіи невѣсты другаго, обольститель и обольщенная также были побиваемы камнями (Втор. XXII, 23—24).

Едва ли гдѣ въ древнемъ мірѣ женщина была такъ высоко поставлена, какъ въ народѣ іудейскомъ, и не одинъ страхъ смертной казни сохранялъ святиню ея брака, но каждая изъ нихъ могла льстить себя надеждою быть достойной матерью того великаго предвозвѣщеннаго имъ царя, который покоритъ своей власти всѣ народы земные. Поэтому и безбрачіе женщины считалось предосудительнымъ, а какъ мужчины, по чувству самохраненія, должны были рано жениться, и чрезъ то самое всѣ женщины — выходить замужъ, то прелюбодѣянiе было явленіемъ рѣдкимъ, ибо въ общемъ практическомъ смыслѣ проституція уничтожаетъ бракъ, а бракъ уничтожаетъ проституцію.

Еврейская женщина не была ни рабою, ни затворницею: сестра Моисея, Маріамъ, предводительствуя хоромъ женщинъ съ тимпанами въ рукахъ, воспѣла съ ними великолѣпный гимнъ перехода чрезъ Красное Море. Позднѣ Девора, мать Израиля, возсѣдавшая подъ пальмою на горѣ Ефремовой, судила приходившій къ ней народъ и освободила его отъ рабства Хананеянъ, разбитыхъ ею у горы Фавора, чрезъ военачальника Варака, несмѣвшаго безъ ея присутствія вступить въ сраженіе (Судей IV, 9—16).

Такое уваженіе къ женщинѣ и такая сильно организованная семейная жизнь объясняютъ живучесть еврейскаго народа до самой эпохи, указанной ихъ пророками, — прекращенія государственнаго бытія Іудеи (Быт. XLIX—10. Дан. IX. 24—27).

Хотя мы имѣемъ лишь отрывочныя и неполныя свѣдѣнія объ исторіи древняго Египта, но и по нимъ можно судить, что женщина была тамъ также свободна и уважаема, какъ въ Іудеи. Растлѣніе семейной жизни началось раньше всѣхъ у азіатскихъ народовъ, и это объясняетъ сравнительную кратковременность существованія тамошнихъ царствъ: ассирійскаго, вавилонскаго, персидскаго и тѣхъ, которыя возникли изъ распавшейся монархіи Александра Македонскаго.

ГЛАВА П.

Семейныя и общественныя нравы греческихъ народовъ.

Первоначальная исторія греческихъ племенъ обнаруживаетъ тотъ же непреложный законъ, по которому юность каждаго народа развивается изъ его семейной жизни, какъ растеніе изъ корня. Нравы грековъ во времена Гомера не похожи на тѣ, которые были ими усвоены послѣ персидскихъ войнъ вмѣстѣ съ принятіемъ

восточной цивилизаціи, изнѣженности, развращенности и азіатскаго затворничества женщинъ. Въ первый періодъ исторіи Эллады греческая женщина пользовалась полною свободою и уваженіемъ; сохраненіе супружеской вѣрности считалось въ то время долгомъ, а прелюбодѣяніе — страшнымъ поруганіемъ не только семьи, но цѣлаго рода. Похищеніе Елены вооружило всѣ греческія племена къ отмщенію оскорбленія, нанесеннаго одному Менелаю, а прелюбодѣяніе Клитемнестры, завершенное убійствомъ мужа ея, Агамемнона, было такъ ужасно въ глазахъ грековъ, что родной сынъ ея Орестъ отмстилъ матерубійствомъ позоръ и смерть своего отца, по извѣстному закону кровомести, который считался во всемъ языческомъ мірѣ добродѣтелью и долгомъ.

Это высокое понятіе о семейныхъ обязанностяхъ Гомеръ выражаетъ еще съ другой стороны, описывая цѣломудріе Пенелопы и другихъ греческихъ царицъ, радѣвшихъ о воспитаніи дѣтей, о домашнемъ порядкѣ и занимавшихся изящными рукодѣльями, какъ на примѣръ, — тканьемъ полотнъ, драгоцѣнныхъ по своей тонинѣ и плотности. Искусство въ этомъ занятіи было доведено до такого совершенства, что въ эти ткани не вшивалось самое тонкое масло (Одис. п. VII ст. 107). Онѣ вышивали также великолѣпныя ковры, для которыхъ сами же пряли на золотыхъ прялкахъ окрашенную ими шерсть (Одисс. п. IV ст. 131—135) и шили одежды, какъ для себя, такъ и для своей семьи. Неподражаемая драпировка греческой одежды, до нынѣ видимая на нѣкоторыхъ статуяхъ, доказываетъ какимъ изящнымъ вкусомъ, какимъ утонченнымъ артистическимъ знаніемъ дѣла владѣли женщины высшаго круга, приготовлявшія эти одежды. Древнія гречанки этого періода времени заботились равновѣрно о чистотѣ одеждъ, столько необходимой въ южныхъ климатахъ даже въ отношеніи гигиеническомъ, и

мы видимъ изъ Одиссеи, какъ царица Навзикая отправляется на колесницѣ къ рѣкѣ въ сопровожденіи своихъ служанокъ для надзора за мытьемъ бѣлья. Исполненіе этой важной женской обязанности сопровождается купаньемъ, за которымъ слѣдуетъ натираніе тѣла благовоннымъ масломъ, обѣдъ на воздухѣ (пик-никъ, по выраженію нашего времени) и за тѣмъ игра въ мячъ (Одис. п. VI. ст. 80—100).

Тогдашнія понятія о семейной жизни Гомеръ выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, не добрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

(Одис. п. VI ст. 182—184 пер. Жук.).

Кромѣ брака, который въ этотъ періодъ времени считался священнымъ союзомъ, былъ еще другой—союзъ дружбы, отъ котораго нельзя было отступить, какъ только мотивируя гласно причины разрыва, иначе нарушеніе дружбы считалось на равнѣ съ предательствомъ и клятвopреступленіемъ. Истекая первоначально изъ побужденій взаимнаго самосохраненія, дружба обратилась во времени въ союзъ священный, и потому Оресты и Пиллады были въ то время явленіемъ обычнымъ. Въ исторіи Дамона и Питія помилованіе ихъ отъ смерти относятъ къ великодушію Діонисія Сиракузскаго (старшаго), соображаясь съ нашими нравами и понятіями, тогда какъ этотъ умный тиранъ поставилъ условіемъ ихъ прощенія принятіе его самого въ число ихъ друзей, что было гораздо выгоднѣе для него, чѣмъ для нихъ. Даже впоследствии, при ослабленіи нравовъ, мы видимъ, что при осужденіи Фокіона, народъ Аѳинскій былъ ожесточенъ противъ него не только за то, что дурно распорядился об-

щественной защитой, но и за то, что нарушилъ вѣрность въ дружбѣ къ Демосѳену (Neque in eo solum offenderat quod patriae male consuerat, sed etiam quod amicitiae fidem non praestiterat. Cornelius Nepos de vitae excellentiam imperatorum. Phocion. II).

Понятно, что чистота нравовъ воспитала несокрушимую силу духа малочисленныхъ и даже разрозненныхъ племенъ Эллады, отразившихъ съ такимъ мужествомъ всѣ нападенія могущественныхъ персидскихъ царей и подвластныхъ имъ народовъ. Но, къ сожалѣнію, эти же славныя войны, доставивъ побѣдителямъ огромныя военныя добычи и торговыя сношенія съ Востокомъ, быстро обогатили дотолѣ бѣдныхъ и воздержныхъ грековъ.

Появились всѣ способы къ жизни роскошной, всѣ удобства къ умственному и художественному развитію, наконецъ всѣ соблазны восточнаго разврата, который на новой свѣжей почвѣ Эллады разросся въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ на Востокѣ.

Съ этой поры измѣнились не только чистыя правила семейной жизни, но самые обычаи: прежніе скромные обѣды и пиры, на которыхъ сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ, замѣнились изнѣженнымъ возлежаніемъ восточныхъ народовъ; гости въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, опираясь лѣвою рукою на подушки, брали правою изысканныя приготовленныя имъ яства, а какъ въ то время еще не было въ употребленіи ножей и вилокъ, то передъ обѣдомъ и послѣ него умывали руки. За тѣмъ слѣдовало благодарственное возліяніе богамъ; слуги убирали потомъ со стола, подметали полъ и удалялись, подавъ гостямъ вино, разбавленное водою и смѣшанное съ пряностями. Тогда завязывались веселыя бесѣды, появлялись танцовщицы и музыканты, часто сами гости поочередно играли на лирѣ и пѣли. Женщины допускались къ обѣду лишь въ присутствіи самыхъ близкихъ родныхъ.

Участь законной жены опредѣлялась ея первымъ торжествомъ: будучи невѣстой она ѣхала на колесницѣ между женихомъ и шаферомъ, вокругъ несли факелы Гименея, а по входѣ въ домъ мужа, сжигалась ось колесницы, на которой она пріѣхала, въ ознаменованіе того, что жена однажды вошедшая въ домъ, никогда отсюда возвратиться не могла. Съ этой поры она становилась затворницею и экономкою своего мужа въ его домашнемъ хозяйствѣ. Всѣ остальные права ея перешли къ гетерамъ въ этотъ второй періодъ исторіи Греціи.

Самыя знаменитыя воспитательныя заведенія для гетеръ находились на островѣ Лесбосѣ и въ Милетѣ. Имъ преподавали образованіе гимнастическое и музыкальное: первое развивало стройность стана, красоту тѣлесную и граціозность въ танцахъ, въ которыхъ, кромѣ кадансированныхъ движеній и гармоническихъ позъ, изучались еще движенія сладострастныя, извѣстныя подъ именемъ іонической пляски, а въ грубомъ подражаніи нашего времени—подъ названіемъ канкана. Музыкой, въ которой упражнялись гетеры, называли въ древности всѣ искусства музъ:—поэзію, философію, исторію, краснорѣчіе, собственно музыку и пр. Въ Лесбосѣ, Тенедосѣ, и другихъ мѣстностяхъ были публичныя состязанія въ красотѣ тѣлесныхъ формъ, и греки нисколько не краснѣли отъ этого зрѣлища. Напротивъ, они такъ дорожили изящной пластикой своихъ гетеръ, что когда одна изъ нихъ, извѣстная своею красотой, забеременѣла, Аѳиняне призвали Гипократа, чтобы вытравить ребенка, и когда она скинула плодъ, то радовались, что сохранилась модель Венеры.

Гетеры были блестящими свѣтскими женщинами: онѣ однѣ были образованы, имѣли таланты, бесѣдовали пріятно съ мужчинами, раздѣляя ихъ пиры, отличаясь вкусомъ и тонкостію своихъ сужденій, такъ что критики

ихъ страшились, похвалъ ихъ добивались. Сократъ, Периклъ, Фидій искали ихъ общества; въ ихъ салонахъ толпились философы, ученые, художники, ораторы, правители.

Богатый человекъ, добывъ такую гетеру (подругу), привозилъ ее въ свое отечество, гдѣ она дѣлила съ нимъ жизнь частную и общественную, была его поэтомъ, музыкантшею, танцовщицею, даже ораторомъ, приготовляя иногда тѣ рѣчи, которыя онъ намѣревался произнести передъ народомъ, какъ это дѣлала Аспазія для Перикла, коего знаменитая надгробная рѣчь надъ воинами, падшими въ Пелопонезскую войну, приписывается ей.

Туалетъ гетеръ всегда былъ изящный: хитонъ ихъ, спитый у груди, обрисовывалъ стройный станъ, а собранные концы его смыкались на плечахъ красивыми пряжками. Иногда же надѣвали онѣ длинный іонійскій хитонъ, котораго широкіе разрѣзные рукава перехвачены были въ нѣсколькихъ мѣстахъ застежками, такъ чтобы рукавъ не утаивалъ прекрасной формы плеча и руки. Подъ хитонъ часто надѣвали хитоніонъ или тонкую полупрозрачную рубашку. Гематіонъ, или верхняя одежда, состоялъ изъ четырехугольнаго куска шерстяной ткани, которая, пристягивалась на лѣвомъ плечѣ и отсюда черезъ спину пропускалась впередъ подъ правую руку и потомъ забрасывалась назадъ; иногда тотъ же гематіонъ надѣвали на оборотъ съ праваго плеча. Дорожа красотой тѣлсною, Греки обыкновенно ходили съ непокрытой головою, но на солнцѣ или въ дорогѣ женщины поднимали на голову гематіонъ, иногда же употребляли покрывало или красивыя сѣтки, наконецъ митры или особыя повязки, вышитыя золотомъ или серебромъ. Обувь состояла изъ сандалій—куска крѣпкой кожи, подвязаннаго ремнями или золотыми шнурками;—иногда же—изъ соккуса или башмака изъ мягкой узорчатой кожи, охва-

тывавшей ногу, но обрѣзанной въ носкахъ, чтобы не стѣснять пальцевъ.

Зеркала (изъ полированного металла) бѣлила, чернь, корсеты, китовый усъ, кринолины, высокіе коблукы, двойныя подошвы и поддѣлки тѣлесныхъ недостатковъ были также употребляемы гетерами, какъ и нынѣшними красавицами.

О богатствахъ, какія пріобрѣтали гетеры, можно судить потому, что одна изъ нихъ, Фрина, предлагала возстановить разоренныя Фивы, съ тѣмъ, чтобы воздвигнуть былъ памятникъ съ надписью: „Александръ разрушилъ, а Фрина возстановила Фивы“. Кромѣ Аспазіи, растратившей, вмѣстѣ съ преданнымъ ей Перикломъ, на украшеніе Аѣинъ и покровительство философамъ и художникамъ всѣ сокровища греческихъ народовъ, собранныя для внѣшней защиты отъ варваровъ, — другія наиболѣе знаменитыя гетеры были — двѣ Лаисы, двѣ Сафо, изъ которыхъ одна была женщина — поэтъ. Какъ онѣ, такъ и безчисленное множество другихъ относили всякую семейную нравственную жизнь къ предразсудкамъ людей неразвитыхъ, стоящихъ на низшей степени цивилизаціи. Риторы и философы вторили гетерамъ, разпатывая всѣ дотолѣ священные для грековъ семейныя связи, изъ которыхъ слагалась ихъ народная сила и самостоятельность. Какъ засыхаетъ и падаетъ дерево съ подрубленнымъ корнемъ, такъ всегда разрушается государство, когда изсякнутъ его жизненные соки, притекающіе къ нему изъ семейной жизни.

Чтобы узаконить и освятить греческій развратъ, изобрѣли особую богиню для покровительства проституткамъ — народную Афродиту или Венеру, въ отличіе отъ небесной. Ей воздвигнуты были храмы въ Аѣинахъ, въ Фивахъ біотійскихъ, въ Мегалополісѣ и во многихъ другихъ городахъ, но самый знаменитый находился въ

Коринѣ, гдѣ тысяча проституттокъ, называвшихся гьеродулами, или жрицами, совершали свое гнусное служеніе, на которое сушею и моремъ стекались развратники со всѣхъ концовъ свѣта. О какъ не благоговѣть передъ божественною смѣлостію апостола Павла, когда впоследствии онъ явился проповѣдывать покаяніе и чистоту христіанской жизни въ Коринѣ!

Кромѣ этой религіозной проституціи во храмахъ, была еще законная проституція съ налогомъ въ казну, доставлявшая значительный доходъ. Сколько платили за себя гетеры, и сколько паллаки или проститутки низшаго разряда неизвѣстно.

Въ Греціи впервые возникъ вопросъ объ эмансипаціи женщины, въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему новѣйшія соціальныя ученія; его пытались тамъ разрѣшить подъ покровительствомъ народной Афродиты и подъ вліяніемъ разныхъ философскихъ сектъ, основаніемъ которыхъ служилъ атеизмъ, допускавшій конечную цѣль жизни въ однихъ физическихъ наслажденіяхъ. Одна изъ гетеръ, Гиппархія, — принадлежа къ цинической сектѣ, совершила свой гражданскій бракъ съ горбатымъ философомъ той же школы Кратесомъ гораздо смѣлѣе и открытѣе, чѣмъ нынѣшнія эмансипированныя женщины, и аѣинскіе блостители общественнаго порядка нисколько не тревожили ея убѣжденій, въ которыхъ она совершенно логична была до конца. Нынѣшніе защитники женской эмансипаціи останавливаются на половинѣ силлогизма, тогда, какъ умъ человѣческій всегда доскажетъ самъ остальную. Какъ бы ни былъ грязенъ абсурдъ заключенія, онъ истекаетъ логично изъ ложнаго начала, которое всегда представляется въ заманчивомъ видѣ для умовъ неопытныхъ, неспособныхъ обнять послѣдствій. Очевидно, что Гиппархія, какъ женщина развитая, имѣла

въ виду осмѣять женскую эмансипацію, которую такъ горячо отстаивали гетеры высшаго общества.

Развратъ, быстро развивавшійся въ Греціи, не остановился на однѣхъ гетерахъ и паллакахъ, онъ дошелъ между мужчинами до самыхъ противуестественныхъ, отвратительныхъ крайностей, которымъ причастенъ былъ и Сократъ—высшій образецъ древнихъ философовъ и мудрецовъ. Подлинное осужденіе его за развращеніе юношества было отыскано въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ храмѣ Гермеса, гдѣ оно хранилось съ прочими протоколами афинскаго уголовного суда. Оставивъ семью и посѣщая гетеръ, великій философъ получилъ отъ своей законной жены, Ксантисы, цѣлый горшокъ грязной жидкости, вылитой ему на голову. Какъ умный человѣкъ, онъ отшутился, сказавъ, что послѣ грома всегда бываетъ дождь, но тѣмъ не менѣе онъ былъ человѣкъ развратный съ высокою нравственностію на устахъ. И онъ не былъ явленіемъ исключительнымъ, напротивъ, таковъ былъ общій типъ тогдашнихъ философовъ, софистовъ, риторовъ, для которыхъ нравственность, добродѣтель, всѣ высокія обязанности человѣка были только теною для краснорѣчія.

Тогдашнее умственное развитіе грековъ, а впоследствии римлянъ, требовало изящнаго изложенія рѣчи, независимо отъ ея содержанія, со всею музыкальностію интонаціи, гармоніей тѣлодвиженій, выразительностію мимики, съ строгимъ расчетомъ акустики, такъ что передъ началомъ публичной рѣчи вблизи стоявшій музыкантъ издавалъ ноту для голоса, съ котораго ораторъ долженъ былъ начинать свою рѣчь. Каждое устное изложеніе въ бесѣдѣ, въ ученіи или въ словопреніяхъ судебныхъ требовало изящныхъ, тщательно заученныхъ пріемовъ, а въ рѣчахъ, произносимыхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ звуки такъ скоро теряются, ораторы упо-

требляли нѣсколько музыкальный распѣвъ, при которомъ звуки продолжаясь долѣе, распредѣляются равномернѣе. Слѣды этой интонаціи сохранились до нынѣ въ нашихъ церквахъ при чтеніи апостола и евангелія.

Вся умственная жизнь грековъ сосредоточивалась въ словопреніяхъ, служившихъ каждому средствомъ выказать свое образованіе. Помимо людей государственныхъ, управлявшихъ народомъ посредствомъ слова, для остальной массы людей, считавшихъ себя передовыми, было безразлично спорить *за* или *противъ*, о чемъ бы то ни было. То было обычное препровожденіе времени, какъ чтеніе романовъ въ наше время, питающее дѣятельность ума, никогда не остающагося бездѣйственнымъ. Понятно, что если риторъ, философъ или софистъ проводилъ въ своемъ изящномъ изложеніи еще какую нибудь новую мысль, то производилъ на впечатлительныхъ грековъ то же самое дѣйствіе, какое мы ощущаемъ, слушая даровитаго актера. Но пьеса окончилась, публика довольна и философъ, какъ актеръ, отправляется на оргію заранее имъ съ пріятелями условленную. Эта разрозненность мысли съ дѣломъ всего рельефнѣе выражается въ Платонѣ, ученикѣ Сократа, котораго греки назвали божественнымъ за его неподражаемое краснорѣчіе. Его умозрѣнія, восходившія до понятія объ единомъ истинномъ Богѣ, самые намеки его на то, что развѣ Богъ, сошедшій на землю можетъ спасти людей въ ихъ тогдашнемъ безнадежномъ положеніи,—видимо заимствованы изъ библейскаго откровенія, которое, по словамъ Іосифа Флавія (противъ Аппіона, кн. II § 16), было извѣстно Пифагору, Анаксагору, Платону и другимъ греческимъ философамъ. Тотъ же Флавій приводитъ даже изъ сочиненія Клеарха слова Платонова ученика, Аристотеля, сознававшего, что онъ равно какъ и другіе съ нимъ греческіе ученые заимствовали отъ одного іудейскаго фило-

софа болѣе мудрости, чѣмъ сами могли ему сообщить (противъ Аппіона кн. I § 21). Моисей, сохранившій въ своемъ пятикнижьи священныя откровенія, жилъ, по выводамъ Тертулліана, за 800 лѣтъ до основанія Рима, за 300—до разоренія Трои и за 500—до рожденія Гомера, слѣдовательно при тогдашнихъ сношеніяхъ цивилизованнаго міра, не евреи заимствовали у грековъ понятіе объ единомъ истинномъ Богѣ, а греки у евреевъ, которые никогда своего священнаго писанія не содержали въ тайнѣ, что доказывается безпрепятственнымъ сообщеніемъ одного его экземпляра для перевода на греческій языкъ для александрійской бібліотеки, по желанію Птолемея Филадельфа. Указывая на прямой источникъ мудрости Платона, мы нисколько не думаемъ умалить достоинства его умозрительной философіи, изложенной въ изящныхъ формахъ языка и краснорѣчія. Обращаемъ только медаль. Человѣкъ этотъ, упоенный славою, захотѣлъ, чтобы какая нибудь область въ Греціи или Сициліи вызвала его къ себѣ, какъ законодателя, по примѣру Ликурга или Солона. Покончивъ съ умозрѣніями, онъ сошелъ до практической жизни людей въ семьѣ и обществѣ, написавъ свое сочиненіе „о республикѣ“, составляющее самый замѣчательный, самый нелѣпый абсурдъ, какой намъ извѣстенъ въ исторіи философіи. Онъ предлагалъ для блага человѣчества, какъ нынѣшніе его подражатели коммунисты, общность женъ, правительственное регулированіе человѣческаго приплода ежегоднымъ скрещиваніемъ породъ, общественное воспитаніе дѣтей, не долженствующихъ знать своихъ родителей, дѣтоубійство для истребленія младенцевъ, рожденныхъ или внѣ правительственной регламентаціи или съ сложеніемъ слабымъ, наконецъ вытравливаніе плода у женщинъ, забеременившихъ послѣ сорока лѣтняго возраста. Принявъ за точку отправленія современный ему развратъ, достиг-

шій до самыхъ чудовищныхъ размѣровъ, Платонъ захотѣлъ регулировать его прямымъ уничтоженіемъ семьи и собственности, не имѣвшихъ болѣе никакого значенія въ понятіяхъ людей. Поэтому Платонъ былъ въ своихъ выводахъ, какъ и Гиппархія, логиченъ до конца. О спартанской общинѣ, устроенной Ликургомъ на особыхъ коммунистическихъ началахъ, которая такъ широко развилъ Платонъ въ своемъ сочиненіи „о республикѣ“,—приводимъ нѣкоторыя сужденія извѣстнаго писателя Сюдра: „Ликургъ“, говоритъ онъ, „имѣлъ въ виду образовать изъ Спартанцевъ воиновъ безстрашныхъ и физически сильныхъ. Поэтому всѣ дѣти слабого сложенія умерщвляемы были немедленно по ихъ рожденіи, остальныхъ отторгнутыхъ отъ семьи въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, подвергали публичному воспитанію. Гимнастическія и воинскія упражненія, борьба, въ которой юноши раздирали другъ друга ногтями и зубами, воровство, доведенное до искусства, сѣченье до смерти, какъ наказанье или какъ испытаніе въ терпѣннѣи, составляли тѣ приемы, посредствомъ которыхъ дрессировали дикаго звѣря, называвшагося спартанцемъ. Та же система примѣнялась и къ женскому полу. Чтобы произвести крѣпкихъ солдатъ, требовались женщины съ широкими боками и съ патристическимъ безстыдствомъ, приспособленнымъ ко всѣмъ расчетамъ этаго человѣческаго завода, въ которомъ жертвовали всѣми законами благопристойности для мечтательной цѣли воспроизвести сильную породу. Молодыя дѣвушки безъ любви и скромности, жены безъ нѣжности и цѣломудрія и матери безъ сердца,—вотъ тотъ женскій идеаль, который составилъ себѣ Ликургъ *) „Покамість цивилизація еще не развилась въ остальной Греціи, учрежденія Ликурга соблюдались безъ особенно важныхъ

*) Hist. du communisme par Alfred. Sudre. Paris. p. q. 10.

нарушений. Но вслѣдъ за Пелопонезской войной спартанская воздержность не устояла противъ искушенія богатствъ, приобретенныхъ разграбленіемъ Греціи. Золото, серебро и прочія движимыя стоимости сосредоточились въ рукахъ немногихъ гражданъ, которые, несмѣя открыто возстать противъ древней дисциплины, скрывали свои сокровища, отличаясь лицемеріемъ и жадностію. Вскорѣ рушилась, однакожь, вся система равныхъ наследственныхъ надѣловъ поземельной собственности, учрежденная Ликургомъ; ее замѣнили правомъ свободного распоряженія собственностію посредствомъ залога, дара, завѣщанія. Земли, какъ и движимыя богатства сдѣлались достояніемъ нѣсколькихъ семействъ. Отъ древнихъ законовъ остались — неисправимая лѣнь, постыдное невѣжество и глубокая развращенность въ сношеніяхъ обоихъ половъ между собою. Спарта, сосредоточивъ у себя ужасающій развратъ и возбудивъ раздоры своею гордостью и корыстолюбіемъ, болѣе всѣхъ способствовала паденію Греціи *) Пелопонезская война ускорила это паденіе. Великій государственный человѣкъ, Кимонъ, возставалъ противъ всякой рѣзни грековъ съ греками, считая необходимымъ сохранить могущество Спарты и Аѳинъ для того, чтобы Греція не *хромала*. Политическія распри и соперничества еще могли бы быть улажены, какъ во времена Аристиды, путемъ справедливаго уравниванія взаимныхъ выгодъ. Но гетеры, имѣвшія преобладающее вліяніе въ обществѣ, уже разлагавшемся, рѣшили иначе. Нѣсколько подгулявшихъ аѳинянъ, отправившись въ Мегару, увели оттуда проститутку Семею, Мегаряне же, въ отплату за эту обиду, похитили, вмѣсто одной, двухъ проститутокъ изъ заведенія Аспазіи. Периклъ, подъ вліяніемъ послѣдней, чувствовала себя глубоко оскор-

*) id p. 11. 12.

бленной, началъ такъ жестоко мстить Мегарянамъ, что они прибѣгли къ защитѣ Лекедемонянъ. Съ другой стороны греки продавали собственное отечество за персидское золото, ими жадно принимаемое, такъ что Артаксерксъ, уже презирая ихъ, послалъ къ нимъ, вмѣсто войскъ и флотовъ, знаменитую гетеру Фаргелію, которая своими побѣдами въ обоихъ лагеряхъ, подвинула ихъ, какъ и Аспазія, къ неизбѣжному столкновенію. Возгорелась братоубійственная, безпощадная война, послѣ которой побѣдители и побѣжденные утратили всѣ свои государственныя силы, возобновеніе которыхъ было немислимо при совершенномъ разложеніи семейной жизни. Порабощеніе Греціи оставалось только вопросомъ времени. Филиппъ и Александръ Македонскіе были уже безъ большаго труда властителями Греціи, еще менѣе усилій стоило римлянамъ покорить ее окончательно, обративъ въ римскую провинцію.

ГЛАВА III.

Семейные и общественные нравы римлянъ.

Римскія женщины, въ первыхъ вѣкахъ Рима, не были подвержены тому рабскому затворничеству, на которое осуждены были греческія во второй періодъ исторіи эллинскихъ народовъ. Безпрекословно подвластная своему мужу или отцу, римская женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ свободной римской гражданкой съ ея законнымъ вліяніемъ на судьбы своего отечества. При этомъ нельзя не имѣть въ виду, что при первыхъ попыткахъ основанія Рима, женщины съ ихъ здравымъ смысломъ помирлили бродячія разбойничьи шайки Ромула съ сосѣдственными осѣдлыми Сабинянами, Антемнатами и Крустаминами, и, создавъ семью, положили основаніе

римской гражданственности. Герсилия, жена Ромула, была посредницею примиренія и слиянія въ одинъ народъ римлянъ и своихъ родичей Антемнатовъ. Похищенные жены, Сабинки, сдѣлали еще болѣе, остановивъ почти готовую побѣду своихъ отцовъ и братьевъ. и соединивъ ихъ съ своими мужьями подѣ общимъ управленіемъ двухъ царей. Преданіе это подтверждается тѣмъ, что составленный женщинами народъ раздѣленъ былъ на 30 курій, названныхъ именами женщинъ, вѣроятно наиболѣе отличившихся въ дѣлѣ замиренія и образованія новорожденнаго государства. *) Второй римскій царь, Нума Помпилій прибѣгалъ во всѣхъ своихъ законодательныхъ предначертаніяхъ къ совѣтамъ здраваго и свѣтлаго ума женщины, которую впоследствии назвали нимфою Эгерією. Это несомнѣнное женское на него вліяніе усматривается между прочимъ въ уничтоженіи человѣческихъ жертвъ рѣчному богу во время наводненій и замѣны ихъ тростниковыми чучелами. Тарквинія древняго вдохновляла жена его Танаквила, приготовившая преемникомъ ему для блага Рима воспитанника своего Сервія Туллія, помимо собственныхъ сыновей, которыхъ не признавала достойными верховной власти. Танаквила являлась совершеннѣйшимъ образцомъ римской матроны, соединяя въ себѣ съ глубокимъ пониманіемъ государственныхъ дѣлъ, всѣ достоинства женщины хозяйки. Этотъ высокій типъ женщины, сознающей свое призваніе, сохранился между римлянками въ продолженіе болѣе пяти вѣковъ: кромѣ домашняго благоустройства, онѣ всецѣло посвящали себя воспитанію своихъ детей—будущихъ римскихъ гражданъ,—внушая имъ любовь къ отечеству и къ семейнымъ добродѣтелямъ, которыхъ сами были образцами. Въ этотъ періодъ римской исторіи онѣ гордились быть

*) Tit. Liv. I. 11, 13.

одномужними (*univira*) дабы и въ безукоризненномъ вдовствѣ радѣть лишь о воспитаніи дѣтей, рожденныхъ отъ одного брака, и не разрушать единства семьи чрезъ введеніе, при новомъ супружествѣ, дѣтей сводныхъ или рожденныхъ отъ разныхъ отцевъ и имѣвшихъ различныя по закону права. Цѣломудренный и безупречный бракъ возвышалъ римскую женщину до той гордой самостоятельности и до того общаго къ ней уваженія, что поруганіе одной женщины, — Лукреціи, — переполнивъ мѣру терпѣнія римскаго народа, кончилось изгнаніемъ Тарквинія гордаго и уничтоженіемъ царскаго достоинства. Впоследствии Римляне, побѣжденные Порсеною, выдали ему заложниками 10 римскихъ юношей и 10 дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ римскихъ фамилій. Но дѣвицы, подѣ предводительствомъ Клелии, ушли изъ плѣна и переплывъ Тибръ, возвратились въ свои семьи. Когда же Римляне, опасавшіеся разрыва съ побѣдителями, выдали ихъ снова, то Порсена, дивясь геройской отважности римлянокъ, самъ отпустилъ ихъ къ родителямъ. При осадѣ Рима честолюбивымъ и мстительнымъ Коріоланомъ, вышедшая къ нему на встрѣчу, во главѣ римскихъ женщинъ, мать его Ветурія, потребовала его отступленія и онъ, не посмѣвъ ослушаться этого священнаго для него приказанія, сказалъ только: „ты спасла Римъ, но погубила сына“. Въ семьѣ все покорялось волѣ отца, отвѣтственнаго за семью, какъ на войнѣ все повиновалось военачальнику, единственному отвѣтчику за ввѣренные ему легіоны. Этимъ повиновеніемъ, вынесеннымъ изъ семьи, никто не тяготился въ полномъ убѣжденіи, что отъ этого добровольнаго отреченія собственной воли зависитъ слава и величіе цѣлаго народа. На комъ же лежало это высокое нравственное воспитаніе народа, въ которомъ мужчины заняты были или безпрерывными внѣшними войнами или нескончаемыми распрями внутренней борьбы? — На однѣхъ

матеряхъ, которымъ и принадлежитъ половина всей славы, приобретенной народомъ римскимъ: онѣ прежде консуловъ сформировали тѣ непобѣдимые легіоны, которые покорили владычеству Рима весь извѣстный древній міръ.

Римляне были глубоко и справедливо убѣждены, что вся жизненная сила ихъ республики заключалась въ чистотѣ ихъ семейныхъ нравовъ и въ материнскомъ воспитаніи дѣтей, и потому обольщеніе дѣвушки или матроны считалось не только позоромъ для семьи, но и преступленіемъ противъ государства. При молчаніи мужа, отца или публичнаго сановника, — эдилія, каждый гражданинъ имѣлъ права обвинить заподозрѣнныхъ въ постыдной связи лицъ. Уличенные въ преступленіи чаще всего подвергались ссылкѣ на острова, при чемъ обольститель лишался половины имѣнія, а прелюбодѣйная жена трети отцовскаго наслѣдства съ наложеніемъ на нее вѣчнаго позора и даже наказанія на того, кто осмѣлился бы на ней жениться. Не рѣдко смертная казнь была карою за позоръ, нанесенный семейному достоинству. *) Подъ строжайшимъ наказаніемъ воспрещено было оскорблять слухъ римской дѣвушки или матроны непристойными словами или соблазнительнымъ зрѣлищемъ. **) Почетъ, всенародно воздаваемый римскимъ женщинамъ, былъ вполне ими заслуженный. Государство не требовало отъ нихъ никакихъ вещественныхъ жертвъ, но когда отечество было въ опасности, онѣ отдавали ему и золото и все свои драгоценности, а Сенатъ просилъ ихъ чистыхъ молитвъ, способныхъ умилостивить небо. Когда римскій консулъ, грозный представитель величія Рима, проѣзжалъ въ своей колесницѣ, передъ нимъ бѣжали ликторы съ сѣки-

*) Paul. Inst. 1—9—14. Macer. dig. XLIII. Inst. Inst. IV—18, 54. Val. Max. VI, 3, 8, 6. законъ *scantinia de nefanda Venere*.

**) Dion. LVIII.

рами и пугами розогъ, и каждый встрѣчавшійся ему гражданинъ обязанъ былъ сходить съ своей колесницы, чтобъ воздать ему честь. Но тотъ, кто ѣхалъ въ колесницѣ съ своею женою, былъ свободенъ отъ этой обязанности изъ уваженія къ матронѣ—воспитательницѣ и матери римскихъ гражданъ. Наконецъ достоинство женщинъ такъ высоко было поставлено въ общественномъ мнѣніи римлянъ, что въ ихъ официальномъ языкѣ употреблялось выраженіе величія и святости матронъ. *) Неудивительно, что при такой высокой нравственности женщинъ и при такомъ благоговѣйномъ уваженіи къ нимъ, мы видимъ въ теченіи первыхъ пяти съ половиною вѣковъ Рима столько нравственныхъ героевъ, воспитанныхъ своими матерями. Разводъ въ это время былъ дѣломъ почти неслыханнымъ.

Но все измѣнилось послѣ завоеванія римлянами Греціи и другихъ восточныхъ государствъ, откуда притекли громадныя богатства, а съ ними все искушенія роскоши, вся утонченность разврата. Греки наводнили Римъ: они были законодателями вкуса, учителями философіи, поэзіи, изящныхъ искусствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—льстецами, собесѣдниками, соразвратниками богатой римской молодежи. Греческій языкъ сдѣлался въ Римѣ такимъ же общепотребительнымъ, какъ французскій въ современномъ обществѣ. Появились и гетеры сперва изъ Греціи, а потомъ спекулянты воспитывали ихъ въ самомъ Римѣ, не щадя денегъ на обученіе ихъ музыкѣ, пѣнію, танцамъ и на литературное ихъ образованіе, знакомившее ихъ съ греческими и римскими писателями и поэтами, что вмѣстѣ съ прекрасною наружностію привлекало въ ихъ общество богатыхъ юношей, поэтовъ, художниковъ и даже государственныхъ людей. Римскія матроны,

*) Cic. proe. Caelio 13. Tit. Liv. IV.

никогда небывшія затворницами, подобно греческимъ женщинамъ, еще держали себя нѣкоторое время въ своемъ гордомъ величїи, но когда философскія ученія, перенесенныя изъ Греціи, поставили физическія наслажденія конечною цѣлю жизни, а уваженіе къ женщинамъ и любовь къ семьѣ отнесли съ насмѣшкой къ неразвитости людей стараго времени, тогда и матроны потребовали для себя уравненія своихъ правъ съ мужчинами и достигли его путемъ одинаковаго разврата. При этомъ новомъ переворотѣ въ римскихъ нравахъ бракъ, уже переставшій быть священнымъ союзомъ, обратился по времени въ коммерческую сдѣлку полученія богатаго приданого, если же его не было въ виду, то мужчины, имѣя подъ рукою гетеръ и развратныхъ матронъ, предпочитали оставаться холостыми. Замѣчательна слѣдующая современная сдѣлка: Гортензій просилъ у Катона руки его дочери Порціи, бывшей за мужемъ за Бибуломъ; Катонъ отказалъ, и въ замѣнъ дочери предложилъ ему собственную жену Марцію. Поладивъ съ Гортензіемъ и испросивъ согласіе тестя, Катонъ самъ подписалъ свадебный контрактъ проданной имъ за деньги жены. Впослѣдствїи, когда Гортензій умеръ, завѣщавъ ей богатое наслѣдство, Катонъ снова женился на своей прежней женѣ, что побудило Цезаря сказать: „добродѣтельный Катонъ уступилъ жену молодую, а взялъ обратно богатую.“ *) „Женатые люди, промотавъ приданое жены, прибѣгали къ разводу и къ новой женитьбѣ съ новымъ приданымъ. Женщины, въ свою очередь, имѣли въ виду лишь богатыхъ жениховъ, и вступивъ въ супружество, терпѣли своихъ мужей до тѣхъ поръ, пока они были въ состоянїи удовлетворять ихъ привычкамъ къ роскоши и расточительности, потомъ, вслѣдъ за обѣднѣніемъ мужа, прибѣгали къ разводу. Та-

*) Plut. in Cat. 36, 68. Strab. XI. Lnut. Just. X. 5. Appien. 11.

кая частая женитьба составляла, по выраженію Марціала, не супружество, а узаконенное прелюбодѣяніе; и когда утратились всѣ древнія понятія о святинѣ брака, а семья осталась при одномъ имущественномъ значенїи, тогда матери стали устранять отъ себя собственныхъ дѣтей, предоставивъ воспитаніе ихъ рабамъ, которые передавали имъ всѣ низкія чувства рабства, изумляющія насъ въ римлянахъ временъ цезарей. Но были и такія матери, которыхъ стѣсняло самое воспоминаніе о дѣтяхъ, и онѣ освобождались отъ нихъ двумя главными способами: однѣ приказывали относить ихъ за городъ, оставляя при дорогахъ, куда ночью стекались съ горъ волки, пожиравшіе брошенныхъ имъ въ пищу младенцевъ; другія—предпочитали выставлять своихъ дѣтей на площадяхъ, гдѣ подбирали ихъ особаго рода промышленники, вскормливавшіе красивыхъ собою дѣвочекъ и мальчиковъ для проституціи, некрасивыхъ, но крѣпкаго сложенія,— для продажи въ рабство, а болѣе уродливыхъ—которымъ выламывали руки или ноги, или же ослѣпляли,—для нищенскаго промысла.

Когда матери перестали воспитывать своихъ дѣтей, исчезла любовь къ семьѣ и къ отечеству, а личный эгоизмъ развился до самыхъ чудовищныхъ размѣровъ: Цинна, Марій, Сулла, Помпей, Юлій Цезарь, Врутъ, Катонъ, Антоній, Октавій рѣзали и грабили своихъ согражданъ съ ненасытимой алчностью, съ звѣрствомъ неслыханнымъ, и каждый изъ нихъ оправдывалъ свои злодѣянія со всею изящностью краснорѣчія, со всею утонченностію тогдашней глубоко развитой цивилизаціи и самой модной въ то время философіи Эпикура, считавшей понятіе о безсмертїи души нелѣпнѣйшимъ предразсудкомъ, а наибольшую сумму наслажденій матеріальныхъ—величайшимъ благомъ и конечною цѣлю жизни. Разительный тому примѣръ мы видимъ въ лицѣ Юлія Цезаря: знаменитый ораторъ,

замѣчательный историкъ, великій полководецъ, онъ обладалъ высочайшимъ умственнымъ развитіемъ, отличался въ тоже время самымъ гнуснымъ развратомъ. Ни одна честная замужняя женщина не была отъ него безопасна, не говоря о тѣхъ, которыя сами увлекались господствовавшимъ безстыдствомъ, доставлявшимъ имъ почести и богатства. По древнему обычаю, во время торжественнаго вступленія въ Римъ полководцевъ, удостоенныхъ триумфа, всякая власть ихъ надъ своими солдатами совершенно прекращалась въ стѣнахъ царственнаго города, и отъ сопровождавшихъ шествіе воиновъ требовалось, чтобъ, они, не стѣняясь, воспѣвали самымъ оскорбительнымъ образомъ всѣ подмѣченные у полководцевъ своихъ недостатки, дабы триумфаторы не возгордились собственнымъ величіемъ. При галльскомъ триумфѣ Цезаря, солдаты въ пѣсняхъ своихъ предостерегали гражданъ беречь своихъ женъ отъ этого лысаго развратника *), и провозглашали еще болѣе циническія насмѣшки надъ его отношеніями къ царю Никомеду. **)

Светоній упоминаетъ о подобныхъ же отношеніяхъ самого Цезаря къ молодому Октавію, ***) а Куріонъ, отецъ, называлъ его мужемъ всѣхъ женъ и женою всѣхъ мужей. ****) По этому всего смѣшнѣе выраженіе этого человѣка, что жена Цезаря не должна быть даже подозрѣваема, какъ будто для мужчины и женщины могутъ быть различныя законы нравственности. Въ лицѣ Цезаря мы видимъ, какъ самое высокое умственное развитіе легко

*) Suet. Jul. Caes. LI Urbani Servate uxores, moechum calvum adducimus

Auram in Gallia efutuisti, hic sumpristi mutnum.

**) Suet. id L. Gallias Caesar subegit, Nicomedes Caesarem.

Ecce Caesar nunc Triumphat qui subegit gallias.

Nicomedes non triumphat qui subegit Caesarem.

***) Suet. august. LXVII.

****) Suet. Jul. Caes. LII.

уживается съ самымъ гнуснымъ развращеніемъ нравовъ. Наравнѣ со всѣми передовыми людьми своего времени, онъ презиралъ всякое религіозное чувство, смѣялся надъ всякою человѣческою обязанностію, попирая всѣ законы нравственности, указываемые прирожденною въ людяхъ совѣстію. Въ званіи первосвященника религіи, сохранившей преданія о будущей жизни, онъ съ неслыханнымъ нахальствомъ публично высказалъ въ сенатѣ, что смерть есть конецъ всему, и что послѣ нея нѣтъ ни скорби, ни радости. Будучи консуломъ, онъ укралъ три тысячи фунтовъ золота въ Капитоліи, замѣнивъ его позолоченною мѣдью; продавалъ союзы и кандидатуру на царства. Онъ выжалъ у Птолемея до 6 тысячъ талантовъ (болѣе 8 милл. руб. серебромъ), а въ Галліи ограбилъ богатѣйшіе храмы боговъ, наконецъ, какъ въ Галліи, такъ и Лузитаніи, разорялъ и безощадно истреблялъ цѣлыя города, не представлявшіе ему никакого сопротивленія, единственно для полученія добычи. Изъ этого видно, что милосердіе его въ отношеніи къ римлянамъ составляло лишь новую политическую систему, созданную его безспорно великимъ умомъ, въ замѣнъ обвѣтшалою системы терроризма, посредствомъ которой властвовали Марій и Сулла. Побѣдивъ соперниковъ и достигнувъ неограниченной власти, Цезарь желалъ также, какъ дальновидный политикъ, поддержать значеніе брачнаго союза, запретивъ употребленіе наголовъ, пурпуровой одежды и жемчуга женщинамъ, неимѣвшимъ дѣтей. *) Но законъ этотъ, противорѣчившій примѣру самаго законодателя, не имѣлъ никакого вліянія на улучшеніе нравовъ, и вскорѣ со смертію Цезаря остался на всегда забытымъ.

Послѣдовавшій за тѣмъ триумвиратъ Октавія, Антонія и Лепида ознаменованъ самыми безошадными убій-

*) Suet. Jul. Caes. XLIII. Евсевій ad Olimp. 183.

ствами, не только политических и личных врагов, но еще больше людей, которых богатства возбуждали алчность триумвировъ. Въ этой рѣзнѣ погибло около 300 сенаторовъ и 2000 богатыхъ всадниковъ, такъ что Антоній менѣе чѣмъ въ два мѣсяца заплатилъ 40 милліоновъ сестерцій своихъ долговъ. Въ послѣдствіи по счету сената оказалось, что онъ похитилъ еще изъ казны 700 милліоновъ сестерцій *). Когда погибъ Циперонъ, Фульвія, жена Антонія, приказала выставить его голову на рострахъ, проткнувъ языкъ его иглой. Таковъ былъ конецъ великаго оратора, философа, первосвященника, который самъ въ дни своей славы не стыдился высказать публично свою страсть къ развращенію юношества. Однажды принесли къ Антонію отрубленную голову и онъ сказалъ: „не знаю ее, отнесите къ женѣ моей“. И дѣйствительно голова принадлежала челоуѣку, не желавшему продать ей своего дома и умерщвленнаго по ея приказанію. Но изъ трехъ триумвировъ самый безопасный, самый не умолимый — былъ Октавій, издѣвавшійся надъ несчастными, впавшими въ его руки. Одинъ изъ нихъ просилъ лишь о дарованіи ему погребенія, онъ отвѣчалъ, что объ этомъ позаботятся вороны. Въ другой разъ онъ принудилъ отца сражаться съ сыномъ, обѣщая прощеніе побѣдителю, но сынъ, убивъ отца, умертвилъ и себя. Взявъ городъ Перузу, онъ отвѣчалъ всѣмъ умолявшимъ о пощадѣ: должно умереть (*moritendum esse*). **) По достиженіи имъ въ послѣдствіи единовластія подъ новымъ именемъ принципата, онъ задумалъ, также, какъ и Цезарь, возстановить чистоту древнихъ нравовъ и се-

*) Сестерцій или динарій, во времена Августа равняла 79, сантимамъ съ дробью. *Mémoire de Latronne Sur les monnaies grecques et romaines*. Paris. 1817.

**) Suet. Oct. August. XIII. XV.

мейной жизни, которой самъ никогда не имѣлъ, и которую считалъ, какъ умный политикъ, необходимою для спасенія имперіи. Онъ воздвигалъ и исправлялъ храмы боговъ и въ то же время, подобно Цезарю, смѣялся надъ богами. Повѣтствуютъ о пиршествѣ или маскарадѣ, втайнѣ имъ данномъ, въ которомъ собесѣдники пировали въ костюмахъ и со всѣми атрибутами верховныхъ боговъ и богинь, и гдѣ самъ Августъ представлялъ Аполлона. Пиръ этотъ на другой же день сталъ извѣстнымъ, а какъ онъ происходилъ во время голода, то насмѣшники повторяли, что боги поѣли весь хлѣбъ. *) Какое же довѣріе можно было имѣть къ законамъ, когда самъ законодатель служилъ примѣромъ безвѣрія и самой развратной семейной жизни? Августъ былъ сперва женатъ на Клавдіи, падчерицѣ Марка Антонія, и развелся съ нею, поссорившись съ тещею своею Фульвіей; потомъ женился на Скрибоніи, вдовѣ двухъ мужей и имѣвшей уже дѣтей отъ втораго брака. Приживъ съ этою женою дочь Юлію, онъ опять развелся и вступилъ въ супружество съ беременною Ливіей Друзиллою, отнятою имъ у мужа ея Тиберія Нерона. По волѣ же Августа начались въ семействѣ его браки въ близкомъ родствѣ: онъ выдалъ сперва дочь свою Юлію за Маркелла, сына своей сестры, а по смерти послѣдняго, — за Агриппу, уговоривъ сестру уступить ему этого зятя, уже имѣвшаго дѣтей отъ ея дочери. Отъ брака Агриппы съ Юліею родились три сына: Каій, Луцій и Агриппа и дочери: Юлія и Агриппина. По смерти Агриппы, Августъ выдалъ дочь свою Юлію за пасынка Тиберія, заставивъ его развестись съ беременной женою. Требуя отъ другихъ возвращенія къ чистотѣ древнихъ римскихъ нравовъ, онъ самъ имѣлъ безстыдную связь съ Теренціей, женою своего лучшаго

*) Suet. Oct. August. LXX.

друга, Мелената, который дватцать раз разводился и снова вступалъ съ нею же въ бракъ. Сверхъ-того послѣдняя жена Августа, Ливія, желая удержать надъ нимъ свое вліяніе, сама служила посредницею въ его гнусныхъ связяхъ, доставляя ему предметы разврата. *) Понятно, что примѣръ главы перешелъ къ членамъ семейства: дочь его Юлія (отъ Скрибоніи) и внука его, того же имени, отличались такимъ безстыдствомъ и наглѣмъ развратомъ, что онъ вынужденъ былъ отправить ихъ въ ссылку, и потомъ завѣщалъ, чтобы самый ихъ прахъ не былъ похороненъ въ семейной гробницѣ вмѣстѣ съ его прахомъ. Узнавъ, что отпущенница дочери его, Фебе, споспѣшествовавшая ей въ ея развратныхъ поступкахъ, удавилась, онъ сказалъ, что предпочелъ бы эту Фебе имѣть свою дочерью **). Когда же римляне стали ходатайствовать о возвращеніи изъ ссылки его дочери, онъ отвѣчалъ, что желаетъ имъ всѣмъ имѣть такихъ дочерей и такихъ женъ. При подобныхъ примѣрахъ безнравственности его самого и его семейства, бессильны были изданные имъ законы противъ прелюбодѣянія и противъ холостыхъ людей и незамужнихъ женщинъ, ограниченныхъ имъ въ правахъ наслѣдства ближайшею лишь степенью родства. Всякое другое наслѣдственное имущество отбиралось отъ нихъ въ казну, если въ теченіи ста дней по открытіи наслѣдства, они не успѣютъ жениться или выйти замужъ. Плутархъ замѣчаетъ, что стали жениться не для того, чтобы имѣть наслѣдниковъ, а для того, чтобы самимъ сдѣлаться наслѣдниками. Эти законы нисколько не уменьшили дѣтубійства, ни выставки младенцевъ, и женщина, потерявшая стыдъ, не страшилась, вмѣсто одномужней (*univira*), быть женою

*) Suet. Oct. August. LXXI.

***) Suet. Oct. August. LXV.

многихъ мужей (*mulier multarum nuptiarum*). *) Она разводилась съ мужемъ и снова вступала съ нимъ въ супружество, или брала мужа бѣднаго подъ условіемъ не стѣснять ея свободы, единственно для того, чтобы не лишиться наслѣдствъ, которыя имѣла въ виду **).

Когда Августъ, послѣ долгаго и спокойнаго владѣнія, заболѣлъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, внѣ Рима, въ городѣ Нола, Ливія и Тиберій, никого не допуская къ нему, распускали ложные слухи о его здоровьи, покаместъ власть была вполне обеспечена за Тиберіемъ, а родной внукъ Августа Постумій Агриппа, находившійся въ ссылкѣ, былъ умерщвленъ. Новый властитель, Тиберій, — скрытный, подозрительный, жестокій, но бесспорно умный и безпримѣрно развратный, могъ свободно тиранствовать надъ римлянами, изъ которыхъ очень немногіе видѣли республику, большая часть даже стариковъ родилась во время междоусобныхъ войнъ, а молодежь — послѣ актійской битвы ***). Новая поколѣнія были воспитаны не матерями, а рабами, въ духѣ рабства, хотя въ средѣ этихъ рабовъ, получившихъ образованіе съ значительными издержками со стороны своихъ патроновъ, было очень много людей ученыхъ, художниковъ и артистовъ, которые за заслуги или за деньги пріобрѣтали отъ своихъ господъ личную свободу, и потомъ, разбогатѣвъ, добивались включенія ихъ въ сословіе всадниковъ, открывавшее имъ путь къ большому обогащенію и къ дальнѣйшимъ почестямъ. Въ видахъ собственныхъ выгодъ, отпущенники сдѣлались самыми усердными пособниками въ безчисленныхъ злодѣянiachъ, убійствахъ и грабежахъ, коими ознаменовали себя Цезари со временъ Тиберія. Римляне, воспитанники рабовъ, сносили этотъ неистовый

*) Cicer. ad Attic. XIII, 19.

***) Senec. apud Heronym, adv. Joviniau.

****) Tacit. ann. I. 1.—3.

деспотизмъ въ самомъ тупомъ терпѣніи. Германикъ, побѣдитель Арминія, отмститель падшихъ легионовъ Вара, возбудилъ опасенія подозрительнаго дяди своего Тиберія, который, удаливъ его со всѣми возможными почестями изъ среды преданныхъ ему галльскихъ легионовъ, отправилъ его въ Сирію и вмѣстѣ съ нимъ Пизона, съ тайнымъ порученіемъ противодѣйствовать ему. Такое же порученіе дано было Ливіею, матерью Тиберія, Планцинѣ, женѣ Пизона, въ отношеніи жены Германика, Агриппины—гордой, мужественной, вспыльчивой. Не показывая вида, что понимаетъ ненависть къ себѣ дяди, Германикъ съ грустью отправился къ своему новому назначенію, посѣтивъ на пути Аѳины и остатки древней Трои. Обогнувъ потомъ азіійскій берегъ, онъ присталъ къ Каллофану, чтобъ спросить по тогдашнему обычаю оракула Аполлона Клароскаго, который спрашивалъ лишь число и имена лицъ, и отвѣчалъ на мысленные вопросы каждаго, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ медіумовъ—спиритовъ, извѣстныхъ и въ тогдашнее время. Полагали, что оракулъ предвозвѣститъ ему близкую кончину въ выраженіяхъ темныхъ, какими обыкновенно объяснялись всѣ оракулы *). Прибывъ на мѣсто, онъ отправился съ нѣкоторыми легионами въ Арменію и водворилъ тамъ спокойствіе и порядокъ, но Пизонъ, вопреки даннаго ему приказанія съ своими легионами къ нему не явился. По возвращеніи же Германика изъ Египта, онъ узналъ, что Пизонъ возбуждаетъ противъ него легионы, смѣняя старыхъ центуріоновъ и назначая новыхъ изъ людей, лично ему преданныхъ и умышленно ослаблявшихъ военную дисциплину. Удостоверившись въ коварствѣ и злыхъ противъ себя умыслахъ Пизона, онъ публично объявилъ о разрывѣ съ нимъ дружбы *по обычаю предковъ* **). Здѣсь

*) Tacit. ann. II §. LIV.

**) Suet. Caius. Cal. III. amicitiam ei more majorum renunciaret.

снова встрѣчаемся съ обычаями древнихъ народовъ считать союзъ дружбы священнымъ, такъ что разрывъ его, по чувству чести и долга, всегда представлялся открыто на судъ общественнаго мнѣнія. За то въ древнемъ мірѣ гордились и враждой явной, открытой, преслѣдуя враговъ словомъ и дѣломъ въ судахъ, въ народныхъ собраніяхъ или съ оружіемъ въ рукахъ. Это объясняетъ и непреклонность Агриппины въ явномъ указаніи своихъ враговъ, въ числѣ которыхъ былъ Тиберій. При этомъ нельзя не замѣтить, что коварство подъ личиною дружбы, столько знакомое въ наше время, началось съ тѣхъ поръ, когда Тиберій и его преемники стали одобрять донощиковъ, между которыми дѣлились конфискованныя имѣнія обвиненныхъ, и которые подъ видомъ дружбы старались вызвать какое нибудь неосторожное слово у людей запутываемыхъ ими изъ личныхъ выгодъ. *)

Возвращаясь къ Германику, мы видимъ, что во время болѣзни своей, онъ считалъ себя отравленнымъ медлительнымъ ядомъ, который Планцина получила отъ извѣстной отравительницы Мартины. Умирая, онъ поручилъ отмщеніе свое окружающимъ его друзьямъ, которые поклялись съ подачею умирающему правой руки или умереть или отомстить за него. **) Обычай подачи правой руки, нынѣ знакъ простой вѣжливости, составлялъ въ древности важнѣйшую санкцію всякаго условія, равную присягѣ.

Трогательно и величественно описываетъ Тацитъ Агриппину, возвращающуюся въ Римъ, неся, прижимая къ груди, прахъ Германика. Чѣмъ болѣе радовался Тиберій его смерти, тѣмъ болѣе выражалъ притворной горести и заботился о почестяхъ его погребенія. Онъ не-

*) Tacit. ann. II. XXXII.

**) id—LXXI. Juravere amici ^{7 am} dextera morientis contingentes, Spiritum ante quam ultionem amissuros.

рѣшился защищать Пизона, чтобы не раздражить народа, а Пизонъ, хотя неуличенный въ отравленіи, но оставленный своимъ сообщникомъ Тиберіемъ, самъ лишилъ себя жизни. Планцина была спасена ходатайствомъ за нее Ливіи. Скоро Тиберій, казалось, былъ самъ наказанъ смертію роднаго сына, но и въ немъ онъ видѣлъ соперника своей власти. Любимецъ Тиберія, Сеянъ, начальникъ преторіанскихъ когортъ, оболъстилъ Ливію, жену Друза, уговоривъ ее отравить своего мужа, чтобы потомъ вступить съ нимъ въ бракъ и захватить верховную власть. Чтобы еще болѣе увѣрить ее въ своей любви, онъ развелся съ женой своей Аникатою, отъ которой имѣлъ уже троихъ дѣтей. Черезъ евнуха Лигда Друзу данъ былъ медлительный ядъ, котораго постепенное дѣйствіе походило на усиливающіеся припадки естественной болѣзни. Друзъ умеръ, и Тиберій не выказалъ особаго огорченія ни во время болѣзни, ни послѣ смерти его. Но тѣмъ сильнѣе возрасла ненависть его и матери его, Ливіи, къ дѣтямъ Германика и въ особенности къ Агриппинѣ, которая открыто называла своихъ враговъ. Встрѣтивъ ея рѣзкіе упреки, онъ велѣлъ бить ее центуріону, раздробившему ей глазъ и потомъ заточилъ ее на островъ Пандатеріи. Когда же она рѣшилась умерить себя голодомъ, онъ насильно приказалъ набивать ей ротъ пищею, но она или привела свое намѣреніе въ исполненіе или, какъ полагаетъ Тацитъ, самъ Тиберій могъ избрать для нея голодъ, какъ родъ смерти, которую легче было отнести къ добровольной. *) Его ненависть къ ней была такъ сильна, что не было той клеветы, которой бы онъ не распространялъ объ ней послѣ ея смерти, и даже допустилъ сенатъ благодарить себя публично за милосердіе, по которому онъ не велѣлъ ее удавить и бросить въ клоакъ. Если Тиберій, доведшій до геніальности свою

*) Tacit. ann. VI, XXIII. Suet. Tib. LIII.

содержанность, скрытность, притворство, самъ разоблачилъ, какимъ онъ былъ гнуснымъ въ дѣйствительности человекомъ, то нельзя не признать, что и Агриппина, какъ женщина, умѣла сильно и мѣтко разить своего врага.

Тиберій ненавидѣлъ и мать свою Ливію, которой обязанъ былъ возвышеніемъ, а въ послѣднее время избѣгалъ даже ея присутствія. Когда она умерла, онъ оставилъ такъ долго себя ждать, что разложившійся ея трупъ смердѣлъ при возложеніи его на костеръ. Онъ уничтожилъ оставленное ею завѣщаніе, а друзей и любимцевъ ея погубилъ. Онъ ободрялъ и награждалъ безсовѣстныхъ доносчиковъ, которые, губя невинныхъ, подъ конецъ погибали сами по обвиненіямъ другихъ доносчиковъ болѣе безстыдныхъ, чѣмъ они. Это соревнованіе во злѣ доставляло жестокому и жадному Тиберію благовидный поводъ къ конфискаціи имѣній знатнѣйшихъ гражданъ Галліи, Испаніи, Сиріи и Греціи. И этотъ человекъ въ подражаніе Цезарю и Августу, предоставлялъ семейному собранію право судить жену, обличенную въ прелюбодѣянніи при отсутствіи публичнаго обвинителя, и даже отправилъ въ ссылку нѣсколькихъ развратниковъ, между тѣмъ, какъ самъ безстыдно и нагло посягалъ на честь женщинъ. Маллонію, постоянно отвергавшую его гнусныя обольщенія, онъ велѣлъ обвинить посредствомъ доносчиковъ, не переставая спрашивать на судѣ, не раскаевается ли она въ своемъ поступкѣ. Выбѣжавъ изъ суда, она умертвила себя мечемъ, называя его громко нечистымъ, гадкимъ и отвратительнымъ старцемъ. Его оргіи разврата на островѣ Капреи такъ невообразимо гнусны, что язычникъ Светоній повѣтствуетъ о нихъ съ омерзѣніемъ, еще менѣе доступно описаніе ихъ устамъ и перу христіанина. По той же самой причинѣ, опускаая многіе отвратительныя мученія имъ придуманныя, мы упомянемъ только, что несчастныхъ, измученныхъ всѣми

родами пытки, бросали съ утеса въ море, гдѣ матросы добивали ихъ крючьями и веслами. Тогдашнія самоубійства, составлявшія явленія обыденныя, истекали изъ желанія предупредить конфискацію и сохранить дѣтямъ имѣніе родителей, предварившихъ самоубійствомъ и незаконное осужденіе и невыносимыя для себя мученія. Когда Корвилій умертвилъ себя, Тиберій воскликнулъ: „онъ ускользнулъ отъ меня“. Въ другой разъ при посѣщеніи тюремъ на просьбу одного осужденнаго ускорить его казню, онъ отвѣчалъ: „я съ тобою еще не примирился“. *) Въ послѣднее время своей жизни онъ приблизилъ къ себѣ Каія Калигулу, вѣроятно для того, чтобы въ случаѣ подозрѣнія, вѣрнѣй погубить его, но Каій, во время тревожной жизни своихъ родителей, предоставленный попеченію рабовъ, самъ сдѣлался усерднымъ и услужливымъ рабомъ Тиберія. Вступивъ въ преступную связь съ Эннией Невіей, женою Макрона, начальника преторіанской стражи, онъ выдалъ ей даже письменное обѣщаніе жениться на ней, если достигнетъ власти. Тиберій, уже больной, нисколько не прекращалъ своихъ постыдныхъ оргій, смѣясь, по обыкновенію, надъ врагами и надъ тѣми, которые достигнувъ тридцати лѣтняго возраста, еще не знаютъ, что вредно или полезно ихъ темпераменту, и прибѣгаютъ къ чужимъ совѣтамъ. **) При пособіи Макрона, Калигула поспѣшилъ отравить Тиберія, и когда тотъ еще дышалъ, противясь снятію съ него кольца, онъ задушилъ его собственными руками. Калигула, въ началѣ своего принципата, выказалъ также усердіе къ поддержанію народной нравственности, изгнавъ изъ Рима людей промышлявшихъ чудовищнымъ развратомъ: съ большимъ трудомъ спасли ихъ отъ готовой казни быть утопленными. Но вслѣдъ за этимъ мнимымъ

*) Suet. Tib. LXI.

**) Tacit. ann. VI. XLVI.

порывомъ къ добру, онъ обратился къ сумасбродствамъ, свойственнымъ человѣку сумасшедшему, и къ кровавядному избіенію безъ разбора родныхъ, друзей, враговъ— безъ повода, безъ предлога, безъ суда, единственно изъ прихоти или желанія обогатить себя грабежомъ имущества погубленныхъ имъ людей, и тѣмъ поддержать свою безумную расточительность. Онъ дошелъ, наконецъ, до выраженнаго имъ желанія, чтобы народъ римскій имѣлъ одну голову, дабы сразу можно было отсѣчь ее. Въ видахъ денежной прибыли, онъ устроилъ заведеніе терпимости въ собственномъ дворцѣ, куда помѣстилъ матронъ и мушницъ свободнаго состоянія, посылая рабовъ своихъ загонять отовсюду для этихъ развратныхъ сборищъ юношей и стариковъ, которыхъ имена записывались, какъ людей радѣющихъ объ доходахъ Цезаря, и которыхъ ссужали даже деньгами за извѣстный ростъ. *)

Онъ жилъ съ родными сестрами, какъ съ женами, въ особенности любилъ Друзилу, остальныхъ же двухъ часто предоставлялъ товарищамъ своихъ оргій. Жены его друзей и собесѣдниковъ были опозориваемы имъ самымъ безстыднымъ образомъ во время его пировъ. Супружества его были также бессмысленны и гнусны: послѣ смерти первой жены своей Юніи, онъ женился на Ливіи Орестиллѣ, только что вышедшей за мужъ за Каія Пизона, и черезъ нѣсколько дней отправилъ ее въ ссылку; потомъ вступилъ въ бракъ съ Лолліей, женою военачальника Меммія, и также прогналъ ее; наконецъ женился на Цезоніи, женщинѣ самаго безстыднаго разврата, имѣвшей уже трехъ дочерей. Онъ показывалъ ее солдатамъ, проѣзжавшею рядомъ съ нимъ верхомъ на лошади, въ хламидѣ, въ каскѣ, со щитомъ, а друзьямъ своимъ выставялъ ее совершенно нагою. **) Мы не рѣшились

*) Suet. C. Calig. XLI.

**) Suet. C. Cal. XXV.

бы останавливаться на этих отвратительных подробностях, перед которыми содрогается всякая здравая человеческая мысль, еслибы не имѣли въ виду указать слѣдствій рабскаго воспитанія, независимаго отъ образованія умственнаго, въ которомъ не было недостатка ни у одного изъ цезарей,—и выставить то гибельное вліяніе, какое имѣлъ и всегда будетъ имѣть свободный разводъ на развращеніе нравовъ.

Калигула погибъ въ заговорѣ, противъ него составленномъ, и Кассій Хереа, старый трибунъ преторіанскій, просилъ дозволенія нанести ему первый ударъ въ отмщеніе тѣхъ безстыдныхъ насмѣшекъ, которыми онъ его позорилъ.

Тупоумный и безхарактерный Клавдій наследовалъ верховную власть, какъ будто для того, чтобы передать ее отпущенникамъ и своимъ женамъ, изъ которыхъ Мессалина довела безстыдство до предѣловъ дотолѣ недоступныхъ ни одной женщинѣ. Не скрывая цинизма своего поведенія, она еще отличалась жестокостью своихъ гоненій по прихоти и по жадности къ пріобрѣтенію. Она погубила Валерія Азіатика собственно для того, чтобы завладѣть садами Лукулла, ему принадлежавшими. Накучивъ безчисленными позорными связями, она задумала публично выйти за мужъ за послѣдняго своего любовника Силія, и этотъ бракъ совершенъ былъ во время отсутствія Клавдія изъ Рима со всею торжественною церемонію, открыто, на глазахъ цѣлаго Рима. Мысль о такомъ бракѣ плѣнила ее своимъ чрезмѣрнымъ безстыдствомъ, которое на послѣдней степени разврата составляетъ, по выраженію Тацита, послѣднее наслажденіе *). Отпущенники, управлявшіе дворомъ и опасавшіеся мщенія Мессалины, отправили къ Клавдію, находившемуся въ Остіи, двухъ его проституткозъ, которыя донесли ему о

*) Tacit. ann. XI. 26.

совершившемся бракѣ его жены. Клавдій при этомъ извѣстїи дрожалъ отъ страха и молчалъ, но отпущенникъ его Нарцисъ повезъ его въ Римъ, не допустивъ къ нему на пути ни Мессалины, ни посланныхъ для смягченія его дѣтей ея Британика и Октавію. По возвращеніи въ Римъ, Нарцисъ опасаясь слабости Клавдія, приказалъ умертвить Мессалину, находившуюся въ то время въ садахъ Лукулла, пріобрѣтенныхъ умерщвленіемъ Валерія Азіатика; съ нею находилась мать ея, Лепида, глубоко ею оскорбленная и теперь явившаяся къ дочери всеми оставленной: она совѣтовала ей предупредить самоубійствомъ готовую для нея казнь палачей. Употребивъ тщетныя усилія лишить себя жизни, она была умерщвлена. появившимся трибуномъ.

Клавдій сидѣлъ за столомъ, когда ему возвѣстили о смерти Мессалины: не спрашивая ни о чемъ, онъ окончилъ свой обѣдъ съ обычнымъ аппетитомъ. Честолюбивая племянница его Агриппина (младшая), нѣкогда любовница своего брата, не постыдилась втораго кровосмѣшенія, до толѣ неслыханнаго въ Римѣ, и завлекши въ свои сѣти Клавдія, вышла за него замужъ. Возвративъ изъ ссылки Сенеку, она опредѣлила его наставникомъ къ сыну своему Домицію Нерону, чтобъ открыть ему путь къ верховной власти. Вступивъ въ преступную связь съ отпущенникомъ Палласомъ, она чрезъ посредство его заставила Клавдія усыновить Нерона. Сняша, наконецъ освободиться отъ Клавдія, она прибѣгла къ знаменитой отравительницѣ Локустѣ, и приготовленный ею медлительный ядъ былъ данъ ему въ любимомъ его блюдѣ—грибномъ соусѣ. Но когда послѣдовавшая рвота, казалось, облегчила его, Агриппина ускорила его смерть при помощи врача Ксенофонта, который подъ предлогомъ облегчить рвоту, всунулъ ему въ горло перышко, насыщенное самымъ сильнымъ ядомъ. За тѣмъ она съ нео-

бычайными ласками удерживала у себя Британика до тѣхъ поръ, пока мѣсть успѣла провозгласить императоромъ сына своего Нерона.

Когда друзья и родственники Кнея Домиція, первого мужа Агриппины, поздравляли его въ свое время съ рожденіемъ сына Нерона, — онъ возразилъ имъ: „можетъ ли родиться что нибудь порядочное отъ меня и Агриппины? „Теперь мать, доставившая ему власть, сама спѣшила воспользоваться, ею приказавъ отравить Юнія Силанія, проконсула Азіи и правнука Августа, потому что опасалась встрѣтить въ немъ мстителя за прежнее умерщвленіе по ея требованію брата его, Марка Силанія. Отпущенника Нарцисса, противившагося ея браку съ Клавдіемъ, она заключила въ темницу, повелѣвъ обращаться съ нимъ такъ жестоко, чтобы онъ, во избѣжаніе продолжительныхъ мученій, самъ прибѣгъ къ самоубійству, что и было имъ сдѣлано. Бурръ, начальникъ преторіанской стражи, и философъ Сенека, воспитатели Нерона, пользуясь своимъ на него вліяніемъ, остановили эту кровавадную мстительность Агриппины: имъ обязанъ Неронъ всѣмъ, что было сдѣлано хорошаго и полезнаго для государства въ первое время его власти. Но вмѣстѣ съ годами развились его звѣрскіе инстинкты, а привязанность къ отпущенницѣ Актеѣ и дружба съ молодыми развратниками Оттономъ и Синеціономъ ослабили, какъ злоуредное вліяніе Агриппины, такъ и болѣе разумное обоихъ наставниковъ. Молодой Неронъ легко набралъ себѣ толпу товарищей, которые отправлялись вмѣстѣ съ нимъ по ночамъ, посѣщая грязные пріюты разврата и нападая на прохожихъ, которыхъ били и взаимно были ими биты. Слѣдую подлымъ наклонностямъ, Неронъ возненавидѣлъ и супругу свою Октавію, — женщину кроткой, смиренной добродѣтели. Светоній и Тацитъ въ своихъ бѣглыхъ очеркахъ выставляютъ въ ней, сами того не по-

дозрѣвая, новый типъ христіанской женщины. Нѣтъ письменныхъ указаній, но правдоподобно, что она была тайною христіанкою, какъ многія послѣдующія императрицы, тѣмъ болѣе, что при дворѣ Нерона мы не видимъ тѣхъ христіанъ по характеру и поступкамъ, о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ: „привѣтствуютъ васъ всѣ святые, а наипаче изъ Кесарева дома“. *) Рядомъ съ высокимъ типомъ Октавіи, снова является Агриппина, громко жалующаяся, что отпущенница лишаетъ ее любви сына и тѣмъ самымъ возбуждаетъ еще большую привязанность Нерона къ Актеѣ: Видя безполезность упрековъ, она внезапно прибѣгаетъ къ ласкамъ и даже предлагаетъ ему, буде желаетъ, свою спальню и свою грудь, чтобы скрыть удовольствіе его первой молодости. **) Но друзья Нерона предупредили его противъ этой всегда жестокой, а теперь коварной женщины. Велѣдъ за тѣмъ любимецъ Агриппины, Палласъ, лишенъ былъ всѣхъ должностей, возложенныхъ на него довѣріемъ Клавдія, что возбудило неистовый гнѣвъ Агриппины, грозившей свергнуть Нерона и передать власть Британику. Тогда Неронъ, спѣша освободиться отъ своего соперника, прибѣгнулъ къ отравительницѣ Локустѣ, еще содержавшейся подъ стражею, и велѣлъ дать Британику приготовленный ею ядъ, за которымъ послѣдовала, однакожъ, рвота, спасая отравленнаго. Послѣ того нетерпѣливый Неронъ приказалъ приготовить самый сильный ядъ, поданный на пиру у него въ кушаньѣ, и Британику, проглотившій его, лишился языка и жизни къ ужасу Агриппины, предчувствовавшей, что Неронъ не остановится даже передъ матерубійствомъ. Благоразуміе Бурра прекратило эту первую вражду матери съ сыномъ видимымъ примиреніемъ,

*) 2 посл. къ Филип. IV. 21.

**) Tacit. ann. XIII, 13: Suum potius cubiculum ac Sinum.

прикрывшимъ до поры ихъ затаенную другъ противъ друга ненависть.

Около этого времени Помпонія Граціана была обвинена, какъ участница въ иностранномъ суевѣрїи (это самое выраженіе *superstitio* употребляетъ Тацитъ, говоря въ другомъ мѣстѣ о христіанской религіи, равно и Светоній *), и судъ надъ нею предоставленъ былъ мужу, который по древнему обычаю, разслѣдовавъ всѣ обстоятельства дѣла, въ присутствїи родныхъ, жену свою оправдалъ. Была ли она христіанка или на нее дѣйствовали примѣры христіанскіе, но то несомнѣнно, что мужья язычники не сѣтовали на женъ, которыя вносили въ семейную жизнь добродѣтели евангельскія, чему служитъ примѣромъ впоследствии императоръ Діоклетіанъ, охотно видѣвшій въ началѣ своего царствованія женъ христіанокъ въ средѣ императорскаго семейства. Помпонія Граціана, по смерти Юліи, дочери Друза, сдѣлавшейся жертвою интригъ Мессалины, не снимала въ теченіи сорока лѣтъ траурной одежды, оставаясь въ постоянной горести. **) Такое всегдашнее скорбное положеніе приписывали лишь христіанамъ, вслѣдствіе отчужденія ихъ отъ всѣхъ тогдашнихъ пировъ, оргій, представлений, пантомимовъ, или звѣрскихъ наслажденій въ амфитеатрахъ, гдѣ часто женщины, по предоставленному имъ праву, подавали знакъ добить раненнаго гладіатора, молившаго о пощадѣ.

Сенека еще пользовался довѣріемъ Нерона, когда рѣшился погубить Суилія, продажнаго, но смѣлаго оратора, который говорилъ, что Сенека „былъ непримиримымъ врагомъ всѣхъ друзей Клавдія, который по справедливости осудилъ его на изгнаніе.

*) Tacit. ann. XV, 44. Suet. Ner. XVI.

**) Tacit. ann. XIII. 32.

„Ограничиваясь долгое время пустыми разглагольствованіями, и слушавшими ихъ молодыми невѣждами, онъ завистливо смотрѣлъ на тѣхъ, которые живымъ и мужественнымъ словомъ защищали своихъ согражданъ. Онъ же, Суилій, былъ квестромъ Германика, а Сенека обольстителемъ дочери этого великаго человѣка. — Что же лучше — получить ли добровольно предлагаемую отъ тяжущихся плату за честный трудъ, или позорить ложе первѣйшихъ римскихъ женщинъ? Какою мудростію, какими философскими правилами скопилъ онъ впродолженіе четырехлѣтней императорской дружбы 300 милліоновъ сестерцій? Въ Римѣ онъ слѣдилъ за бездѣтными стариками и завѣщаніями, а Италію и провинціи разорялъ огромными процентами ростовщика.“ *)

Не смотря на эти улики, кредитъ Сенеки такъ былъ еще силенъ, что Суилія сослали на баlearскіе острова, а часть имѣнія его конфисковали.

Неронъ влюбился въ Сабину Поппею, сперва бывшею за мужемъ за Криспиномъ, римскимъ всадникомъ, отъ котораго имѣла уже сына. Вступивъ въ преступную связь съ Оттономъ, любимцемъ императора, она прикрыла ее замужествомъ съ нимъ, чтобы только сблизиться съ Нерономъ, чего желалъ и новый ея мужъ. Отличаясь красотою и утонченнымъ кокетствомъ, она умѣла удалить мужа своего, которому Неронъ поручилъ управленіе Лузитаніей. Видя однако, что бракъ ея съ Нерономъ и разводъ его съ Октавіей не будутъ возможны при жизни Агриппины, она употребила всѣ средства подвигнуть его къ умерщвленію своей матери. Придуманно было торжество въ Байяхъ, куда прибыла и приглашенная Агриппина. Неронъ выказалъ себя передъ матерью самымъ нѣжнымъ, любящимъ сыномъ и по окончаніи торжества проводилъ ее, обнимая и цѣлуя. Но когда она вступила

*) Tacit. ann. XIII, 42.

на корабль и отчалила от берега, судно, приготовленное отпущенником Аничетом для ея гибели, ружуло съ шумомъ и трескомъ и вмигъ задавило ея придворнаго, Крисперія Галла; она же и приближенная ея, Ацеронія, были защищены упавшимъ надъ ними въ цѣлости балдахиномъ. Обѣ бросились потомъ въ море, но Ацеронія, закричавъ, что она мать императора, въ надеждѣ, что всѣ бросятся спасать ее, тотчасъ же была убита крючьями и веслами, а Агриппина, болѣе хитрая, доплывъ, молча, до берега, спаслась въ своемъ загородномъ домѣ.

Опасаясь возбудить подозрѣніе, что она знаетъ, кто приготовилъ ей этотъ родъ смерти, она велѣла передать сыну радостную вѣсть о ея избавленіи. Неронъ, утраченный послѣдствіями, какія можетъ извлечь Агриппина изъ этого неудавшагося злодѣянія для его собственной гибели, призываетъ Бурра и Сенеку, требуя для своего спасенія ихъ совѣтовъ. Оба остаются въ долгомъ молчаніи. Наконецъ Сенека рѣшился взглянуть на Бурра и спросить можно ли для умерщвленія Агриппины послать солдатъ. Но Бурръ отвѣчалъ, что преторіанцы слишкомъ привязаны къ дому Цезарей и къ памяти Германика, чтобъ дозволить себѣ какое либо покушеніе противъ его дочери; „пусть Аничетъ кончаетъ свое дѣло“ прибавилъ онъ. Неронъ, съ восторгомъ ухватившись за эту мысль, отправилъ Аницета съ его сообщниками въ домъ матери, уже покинутый ея утраченной прислугою. Видя неизбежную гибель Агриппина сказала убійцѣ: „рази чрево (ventrem ferri)!“

Неронъ написалъ посланіе сенату, въ которомъ обвинялъ мать въ заговорѣ на его жизнь, а своевременную ея гибель приписывалъ генію покровителю имперіи. Раболѣнствующій сенатъ опредѣлилъ произвести пу-

*) Tacit. ann. XIV, 4—8.

бличныя благодаренія во храмахъ, установить особія по этому радостному событію игры, день рожденія Агриппины помѣстить между днями злосчастными и пр. Тразея, который встрѣчалъ до тѣхъ поръ всякую подобную лести молчаніемъ или отрывистымъ согласіемъ, теперь вышелъ изъ сената. Замѣчательно, что общій говоръ обвинялъ не только Нерона, какъ уже преступившаго за предѣлы всего, что можно было объ немъ сказать, но Сенеку, написавшаго оправданіе матерубійства. *)

Послѣ смерти Бурра, челоѣка строгихъ правилъ, Неронъ назначилъ вмѣсто одного двухъ преторіанскихъ префектовъ: Фенія и Тигиллина, изъ коихъ послѣдній, соучастникъ всѣхъ его злодѣяній, сдѣлался всемогущимъ. Сенека, замѣчая холодность къ себѣ. Нерона, просилъ дозволенія удалиться отъ двора для возстановленія своего здоровья. На краснорѣчивое слово бывшаго своего наставника, Неронъ возразилъ отвѣтомъ, не менѣе витіеватымъ, завершивъ его при свиданіи самыми нѣжными объятіями, которыми прикрывалъ затаенную къ нему ненависть. Вынужденный остаться, Сенека рѣдко покидалъ свой домъ, подъ предлогомъ болѣзни или ученыхъ занятій, и не смотря на свои богатства, жилъ скромно, даже голодно, питаясь плодами и употребляя для питья одну воду изъ опасенія быть отравленнымъ.

Теперь Неронъ никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемый болѣе, прогналъ жену свою Октавію и женился на Поппеѣ, которая не медленно отыскала доносчиковъ для обвиненія своей соперницы въ мнимомъ прелюбодѣяннн съ нѣкимъ музыкантомъ Евсеріемъ. Какъ ни усиливался Тигеллинъ принудить служанокъ Октавіи подтвердить эту клевету, только немногія, терзаемая страшными пытками, исполнили его желаніе, большая часть безтрепетно свидѣтельствовала о безукоризненной добродѣтели своей

*) id XIV, 11.

госпожи, а одна изъ нихъ, видя настойчивость Тигеллина, отвѣчала, что нѣтъ такой части тѣла Октавіи, которая не былабы чище усть его Тигеллина. *) Возмущеніе римлянъ, ненавидѣвшихъ Пoppею и ниспровергшихъ ея статую, ускорило смерть Октавіи, сосланной на островъ Пандатерію. Неронъ, призвавъ Аницета, убійцу его матери, приказалъ ему, подь страхомъ казни, обвинить самого себя въ прелюбодѣяннн съ Октавіей. Вслѣдъ за этой новой клеветой послано было ей приказаніе умереть, а какъ она не прибѣгла къ самоубійству (черта христіанская), то связавъ ее, открыли ей четыре жилы и опустили въ горячую ванну. Ея отрубленную голову, привезенную въ Римъ, разсматривала Пoppея, а сенатъ опредѣлилъ по этому случаю благодарственныя приношенія во храмахъ.

Весь ужасъ этихъ преступленій нисколько не ослаблялъ въ Неронѣ наклонности къ изящнымъ искусствамъ: онъ былъ ораторъ, отчасти поэтъ, наконецъ явился на театральныхъ подмосткахъ, взявъ лиру и надѣвъ первый, къ соблазну римской имперіи, новый костюмъ—панталоны, которые употреблялись до того времени лишь гистріонами, да сѣверными варварами. Какъ пѣвецъ и музыкантъ, онъ заставлялъ себя слушать и аплодировать, такъ что Веспасіанъ, будущій императоръ, чуть не заплатилъ жизнью, задремавъ при его концертѣ. Впослѣдствіи Неронъ странствовалъ по Греціи съ тою же шутковскою цѣлью пріобрѣсть одобреніе хитрыхъ и раболѣпныхъ грековъ.

Скрѣпивъ сердце, мы приведемъ еще одно сказаніе о глубокой развращенности тогдашнихъ нравовъ. Неронъ устроилъ великолѣпный пиръ среди пруда Агриппы, на паромѣ, который приводили въ движеніе другіе суда,

*) Tacit. ann. XIV, 50: Ex quibus una, instanti Tigellino, castiora esse muliebrae Octaviae, quam os ejus.

украшенные золотомъ и слоновою костью и гдѣ были гребцами молодые придворные, отличавшіеся своимъ развратомъ. Для этого пира доставлена была дичь изъ всѣхъ морей. По берегамъ пруда устроены были пріюты терпимости для знатнѣйшихъ римскихъ дамъ, между тѣмъ, какъ проститутки низшаго разряда выпущены были совершенно обнаженными. Сперва начались пляски и безстыдныя пантомимы, а когда смерклось, блестящая иллюминація освѣтила близъ лежащія рощи и пріюты, гдѣ раздались громкія пѣсни. Казалось, что Неронъ достигъ въ этотъ вечеръ до послѣдней возможной степени человѣческаго оскверненія, но онъ, черезъ нѣсколько дней придумалъ еще новое, избравъ себѣ супругомъ нѣкоего Писагора. Подь женскимъ покрываломъ, въ качествѣ супруги, онъ торжественно вступилъ съ нимъ въ бракъ и совершилъ его при такихъ гнусныхъ подробностяхъ, которые самъ Тацитъ охотно сокращаетъ, *) а Светоній добавляетъ, съ своей стороны, что у Нерона не было почти ни одной части тѣла, которая не была бы осквернена, причемъ описываетъ его бракъ съ евнухомъ Споромъ, при соблюденіи всѣхъ установленныхъ для супружества обрядовъ, только въ этотъ разъ Споръ былъ женою, а онъ мужемъ. Нашлись люди, говорившіе, какъ много выиграло бы человѣчество, еслибы отецъ Нерона имѣлъ подобную жену. **) Нерону представилось новое сильное ощущеніе—видѣть страшный, громадный, 6 дней продолжавшійся пожаръ Рима, любясь которымъ, онъ воспѣвалъ пожаръ Трои. Но чтобъ отвратить отъ себя подозрѣніе въ поджогѣ, потому что не было того злодѣянія, къ которому не считали бы его способнымъ, онъ указалъ на христіанъ, какъ на виновниковъ этого бѣдствія. Сперва обвинили тѣхъ, которые смѣло объявили

*) Tacit. ann. XV, 37.

**) Suet. Nero. XXVIII, XXIX.

себя христианами, а потомъ добрались по разысканіямъ до огромнаго числа людей уже исповѣдывавшихъ въ Римѣ христианство. Для нихъ придуманы были различныя мученія: одѣвая въ кожи звѣрей, ихъ отдавали на растерзаніе псамъ, распинали на крестахъ или обмазывая горючими веществами, зажигали ихъ ночью, какъ факелы. Неронъ отдалъ собственные свои сады для этой забавы. И хотя Тацитъ, писавшій въ промежуточное время между казнями Нерона и борьбою, поднятою христианами апологистами противъ языческихъ философовъ, считалъ еще христианъ по общимъ тогда слухамъ, виновными въ преступной ненависти къ роду человѣческому, но и онъ говоритъ, что они возбуждали состраданіе, потому что гибли не для общаго блага, а для удовлетворенія жестокости одного человѣка *).

Среди всѣхъ этихъ человѣкоубійствъ оставался еще одинъ слишкомъ видный и еще недорѣзанный человѣкъ, бывшій наставникъ императора—Сенека. Наконецъ въ общемъ совѣтѣ Нерона, Поппеи и Тигеллина рѣшили покончить и съ нимъ, пославъ ему приказаніе умереть. Сенека велѣлъ пустить себѣ кровь и умеръ въ теплой ваннѣ, сказавъ въ утѣшеніе своимъ друзьямъ, что онъ давно убѣдился, что убійца матери и брата не пощадитъ своего наставника. Въ это время, какъ впоследствии во Франціи, во время терроризма, люди, осужденные на казнь, придумывали умереть, какъ можно эффектнѣе. Сенека сдѣлалъ тоже, продиктовавъ передъ смертію свою прощальную рѣчь. Въ послѣдніе годы своей жизни, устраняя себя отъ дѣлъ и отъ двора въ видахъ самосохраненія, онъ во многомъ измѣнилъ принципамъ своей стоической философіи, замѣнивъ ихъ нѣкоторыми христианскими правилами, близкими къ его собственному положенію и утѣшительными для его философіи. Такъ го-

*) Tacit. ann. XV, 44.

лодая, при всемъ своемъ громадномъ богатствѣ, чтобы не быть отравленнымъ, онъ писалъ къ Луцилію: „несчаствіе заключается не въ имуществѣ, а въ душѣ. То, что сдѣлало намъ бѣдность тягостною, сдѣлаетъ тягостнымъ и богатство. Все равно положить ли больного на золотую или на деревянную кровать, и куда бы его ни переселили—онъ перенесетъ съ собою свою болѣзнь,—такъ все равно, будетъ ли находиться больной духъ въ богатствѣ или бѣдности, несчастіе его послѣдуетъ за нимъ. *)

Въ своихъ посланіяхъ или письмахъ къ Луцилію, онъ всего болѣе настаиваетъ на необходимости предпочитать добродѣтели всѣмъ прочимъ благамъ и имѣть твердость духа встрѣтить всякое бѣдствіе безъ страха смерти или мученій. Тутъ видимо отражается отпечатокъ христианскаго ученія, которое исповѣдывало въ то время, по выраженію Тацита, *огромное число людей въ Римѣ* и которое не могло не быть извѣстнымъ сенекѣ въ его частной жизни, вдали отъ двора. Онъ могъ также знать и апостола Павла, тогда проповѣдовавшаго въ Римѣ, и уже знакомаго съ его роднымъ братомъ Галліономъ, проконсуломъ Ахаіи. **)

Апокрифическая переписка Сенеки съ апостоломъ Павломъ, подавшая поводъ предполагать, что Сенека былъ тайнымъ христианиномъ, не заслуживаетъ вѣроятія по той простой причинѣ, что человѣкъ, который въ самое цвѣтущее время своего кредита при дворѣ такъ прекрасно рассуждалъ о добродѣтели и никогда не примѣнялъ ее къ дѣлу, не могъ внезапно отрѣшиться ни отъ своего общественнаго положенія, ни отъ любви къ накопленнымъ имъ богатствамъ, о суетѣ которыхъ онъ заговорилъ по христиански лишь тогда, когда увидѣлъ

*) Senec. ep. 17.

**) Дѣянія ап. XVIII, 12—16.

въ нихъ причину близкой для себя гибели. Та же самая душевная безнадежность заставила его превозносить самоубійство, какъ высшій актъ свободной человѣческой воли и вмѣстѣ съ тѣмъ съ наслажденіемъ противорѣчить самому себѣ и своей стоической философіи, говоря съ увлеченіемъ о безсмертіи души, сперва въ посланіи къ Луцилію, *) которое еще можно было бы отнести къ его знакомству съ ученіемъ Платона, еслибы не было потомъ его же письма къ Марціи, свидѣтельствующаго о близкихъ его сношеніяхъ съ христіанскими учителями: онъ писалъ въ утѣшеніе скорбѣвшей Марціи: „если что погибло, то погибъ только образъ твоего сына—образъ далеко на него не походившій. Самъ же онъ, безсмертный, тѣмъ болѣе нынѣ счастливъ, что отрѣшился отъ посторонняго ему бремени. Эти кости, обвитыя нервами, эта кожа насъ одѣвающая, это лицо, эти руки и все, что насъ окружаетъ,—не болѣе, какъ цѣпи и мрачная темница нашей души.—Душа ими отягощена, испорчена, отброшена въ ложь, удалена отъ истины ей принадлежащей: ей предстоитъ постоянная борьба съ плотію, если не хочетъ пасть поработенной. Душа стремится воспарить туда, гдѣ ожидаетъ ее вѣчное спокойствіе и вмѣсто смятенія этого міра—чистое и свѣтоварное видѣніе истины.“

„Не прибѣгай къ гробу твоего сына: тамъ остались лишь кости и пепель, меньшая часть его самого, скорѣе покровъ или одежда, чѣмъ какая либо частица его бытія. Онъ вознесся весь... но въ теченіе нѣсколькихъ дней парилъ надъ нами, дабы очиститься и отрясти прахъ этой земной жизни. Теперь, воспаривъ выше, онъ живетъ посреди блаженныхъ душъ.... Ему пріятно склонить взоры на землю, ибо есть нѣкоторая радость посмотрѣть съ высоты на то, что оставлено. И такъ ста-

*) Senec. ep. 102.

райся жить Марція, какъ бы ты жила на глазахъ твоего сына и отца, не такихъ какими ты ихъ знала, но болѣе великихъ, лучшихъ, болѣе возвышенныхъ... и свободныхъ въ мірѣ вѣчномъ“.

Сенека, окруженный почетомъ, всемогущій, богатый, отрицалъ безсмертіе души, писалъ оправданіе матереубійства; Сенека, покинутый всѣми, несчастный, близкій къ смерти, сталъ съ жадностью прислушиваться къ ученію евангельскому, не чувствуя однакоже возможнымъ для себя ни принять безусловно христіанство, ни покинуть свою философію, отъ которой ожидалъ славы, хотя въ потомствѣ. Эта внутренняя борьба отразилась на его послѣднихъ сочиненіяхъ.

Апостолы воздвигали падшій, погибающій міръ необъятною силою Слова Божія, въ то самое время, когда Неронъ, его окружающіе и всѣ цивилизованные люди тогдашняго времени хвастали своимъ безвѣріемъ, безбожіемъ, отсутствіемъ всякаго религіознаго и человѣческаго чувства. Неронъ, выражалъ публичное презрѣніе къ религіи, сохранивъ еще на нѣкоторое время уваженіе къ одной богинѣ Сирія, но и ту наконецъ осквернилъ. *) Не считая ничего священнымъ, онъ грабилъ храмы боговъ, обогащенные вѣковыми приношеніями, какъ въ Римѣ, такъ равно въ Азіи и Греціи, и разорялъ непомярными поборами Италію, провинціи, народы союзные и даже свободные, страшившіеся могущества Рима. Ничто не могло укрыться отъ хищной жадности его отпущенника Аратія, неотступавшаго ни предъ какимъ злодѣяніемъ, и Каринаса, греческаго философа, который, по словамъ Тацита, изучалъ нравственность для того только, чтобы разсуждать о ней, а не для того, чтобы сдѣлаться лучшимъ. **) Понятно, что оцѣнивая дѣла и поступки,

*) Suet. Nero. LVI. Hanc mox ita spremit, ut urina contaminare.

**) Tacit. ann. XV, 45.

первые христіане не могли смотрѣть на философію, иначе, какъ на суесловіе, а на рѣчи философовъ, какъ на трескъ мѣдной трубы, звуки которой безслѣдно исчезаютъ въ воздухѣ.

Не имѣя намѣренія перечислять всѣхъ злодѣяній Нерона, мы упомянемъ еще объ одномъ: въ припадкѣ гнѣва онъ убилъ ударомъ ноги беременную Поппею, и потомъ произвелъ умершую въ богини, равно какъ и рожденную отъ нея дочь, прожившую 4 мѣсяца. Трупъ Поппеи не былъ сожженъ, по обычаю римлянъ, а набальзамированный погребенъ въ гробницѣ Юліевъ. Когда въ сенатѣ опредѣляли божескія почести Поппеѣ, Тразеа покинулъ курію, что и прежде было имъ сдѣлано, когда тамъ оправдывали матереубійство Агриппины. Будучи осужденъ за это нѣмое негодованіе, онъ кончилъ жизнь, приказавъ открыть себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ. Весь этотъ звѣрскій и безмысленный деспотизмъ Нерона рухнулъ, наконецъ, почти въ одинъ день, когда узнали въ Римѣ о возстаніи Виндекса въ Галліи и Гальбы — въ Испаніи. При одномъ этомъ слухѣ, внезапно оставленный всѣми, онъ малодушно бѣжалъ изъ Рима въ виллу своего отпущенника Фаона, гдѣ послѣ долгихъ колебаній и только при помощи секретаря своего Эпафродита успѣлъ себя зарѣзать. Онъ жалко погибъ въ годовщину умерщвленія жены своей Октавіи.

Мы не остановимся ни на кратковременномъ управленіи императора Гальбы, звѣрски умерщвленнаго, ни на преемникѣ его Оттонѣ, окончившаго жизнь самоубійствомъ, ни на Вителліи, извѣстномъ своимъ отвратительнымъ обжорствомъ и еще болѣе отвратительнымъ выраженіемъ: „трупъ врага всегда хорошо пахнетъ“. Триарія, жена брата его Луція Вителлія, безпощадно звѣрская и ненасытная въ убійствахъ, какъ будто заключила собою этотъ страшный періодъ развращенныхъ римскихъ жен-

щинъ, которыя къ порокамъ своего пола прибавили всѣ пороки мужчинъ, присутствуя на ихъ оргіяхъ, обжираясь, напиваясь и принимая потомъ рвотное, чтобъ опять ѣсть и пить. Даже физическіе недуги, свойственные мужчинамъ, перешли къ женщинамъ и не мало встрѣчалось женщинъ лысыхъ и подагриковъ. И какъ глубоко пали римскія женщины, если противопоставить цѣломудренную, домовитую Рацілію, жену Цинцината, женѣ Клавдія Мессалинѣ, которая своимъ чудовищнымъ безстыдствомъ превзошла всѣхъ развратницъ своего времени. Каковы были жены, таковы были и матери: вмѣсто благородной, безупречно добродѣтельной Ветурии, спасающей Римъ отъ мщенія сына своего Коріолана, является Агриппина (младшая) любовница брата, жена дяди, кокетничающая съ роднымъ сыномъ. Семья, сильно сплоченная въ первыхъ вѣкахъ Рима, передавала, какъ сердце, свою кровь, свои жизненные силы всему государственному организму республики, побѣдившей міръ. Но вмѣстѣ съ накопленіемъ въ Римѣ всѣхъ богатствъ ограбленной вселенной и съ появленіемъ чрезмѣрной роскоши, сталъ усиливаться развратъ распатавшій и разложившій подъ конецъ всѣ семейныя связи, такъ что разводъ по произволу сдѣлался, по выраженію современниковъ, узаконеннымъ прелюбодѣяніемъ. Разложеніе семьи разложило государство, и сенатъ римскій, нѣкогда уподоблявшійся собранію царей, подобострасно и раболѣпно вотировалъ публичныя благодаренія богамъ за всякое новое злодѣяніе своихъ императоровъ.

Здѣсь не излишне будетъ замѣтить къ чему впоследствии мы еще разъ возвратимся, что развращеніе нравовъ страшно не только въ нравственномъ, но даже въ физическомъ отношеніи, потому во первыхъ, что въ царствѣ животныхъ человѣкъ принадлежитъ къ разряду одноужнихъ и одноженныхъ (моногамовъ) и во вторыхъ

потому что вырожденіе породъ неизбежно при сочетаніяхъ въ близкомъ родствѣ. Эти оба фізіологическіе закона достаточно объясняютъ отчего въ описываемую нами эпоху отъ развращенныхъ родителей происходили дѣти или чудовищно развращенныя, или физически слабыя и недолговѣчныя.

Съ каждымъ днемъ разрушалась физическая природа человѣка въ уровень съ его нравственнымъ паденіемъ: челоѣчество гибло съ сознаніемъ безнадежности своего положенія, а между тѣмъ умственное развитіе достигло своего апогея, ослѣпляя гордость и безсиліе человѣка. Появилась философія самоубійства, какъ послѣднее усиліе отчаянія, какъ отрицаніе всякой вѣры въ спасеніе. И въ этотъ страшный моментъ въ средѣ римскихъ женщинъ впервые проявляется какой-то тайный переворотъ, котораго неразгаданный современною интеллигенціею отпечатокъ отражается на благородной личности императрицы Октавіи и на Помпоніи Граціанѣ. Самъ Тацитъ замѣчаетъ, что обжорство со временъ Веспасіана уменьшается, а нравственность дотолѣ глубоко развращенная значительно улучшается. Этотъ новый притокъ свѣжихъ жизненныхъ силъ, поддержавшій существованіе погибавшей римской имперіи, не принадлежалъ той высшей цивилизаціи, которою гордился Римъ.

Огромное число людей (*multitudo ingens*) признававшихъ современную имъ философію безуміемъ, и потому самому обвиненныхъ въ ненависти къ роду челоѣческому, явили собою примѣръ воздержанія, цѣломудрія, мужества, правды, любви къ ближнему, — добродѣтелей въ то время неслыханныхъ и невыслымаемыхъ. Понятно, что примѣръ ихъ жизни не могъ не произвести переворота и въ другой еще языческой и суетумудрствующей половинѣ римской имперіи. Обвиняя христіанъ, язычники отчасти модифицировали къ лучшему свой собственный образъ жизни,

дабы обвиненія христіанъ противъ нихъ самихъ не вполне казались заслуженными. Подобный нравственный переворотъ, неудержимый и всеильный, не могъ быть вызванъ по всеѣмъ приведеннымъ нами историческимъ фактамъ, ни челоѣкомъ, ни челоѣчествомъ: его совершило Слово Божіе.

ГЛАВА IV.

Христіанскій семейный союзъ, освященный таинствомъ вѣры.

Во всеѣхъ языческихъ вѣрованіяхъ сохранились слѣды одной первоначальной религіи—Откровенія, дарованнаго челоѣку при его сотвореніи. Когда же люди, исказивъ въ послѣдствіи этотъ первоначальный законъ, стали обожать или силы природы, или собственные страсти, для которыхъ изобрѣли себѣ боговъ—покровителей, тѣмъ не менѣе оставались еще понятія о безсмертіи души, о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни за добро или зло, совершенныя челоѣкомъ въ его земной жизни, что при естественномъ законѣ совѣсти, присущей челоѣку, еще долго охраняло челоѣчество, уклонившееся отъ заповѣданной ему воли Творца. Но первыя заблужденія повели къ дальнѣйшимъ: древняя цивилизаціа развилась со всеѣми ея умственными и матеріальными богатствами, не только независимо отъ нравственнаго развитія, но даже путемъ ему совершенно противоположнымъ. Философія, не замѣнивъ даже религіи языческой, ею осмѣянной, дошла до своего послѣдняго вывода, что никакое спасеніе челоѣчества невыслымаемо болѣе, и что высшій актъ челоѣческой воли есть самоубійство....

Грѣхопаденіе совершило свой великій циклъ, доказавъ путемъ тысячелѣтнихъ выводовъ разума и опыта, что ни челоѣкъ, ни челоѣчество въ совокупности, однажды падшіе,

не могутъ возстать собственными силами. Преданіе о спасеніи, обѣщанномъ свыше, сохранилось во всѣхъ вѣкахъ у всѣхъ народовъ безъ различія религій. Платонъ, сознавая безпомощность своей и всякой иной философіи, не разъ высказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ съ видимымъ намекомъ на общеизвѣстныя тогда пророчества, что только одинъ Богъ или посланникъ небесный можетъ научить людей ихъ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу и къ себѣ подобнымъ! *) Такія же пророчества сохранились въ Римѣ въ книгахъ Сивиллы и только при Діоклетіанѣ, когда христіане, во время послѣдняго гоненія, стали на нихъ указывать, книги эти были по приказанію его сожжены. **) По увѣренію Арнобія ***) и другихъ ученыхъ та же участь и по той же самой причинѣ постигла 3-ю книгу сочиненія Цицерона: „De natura deorum“. Но Виргилій зналъ эти пророчества прежде ихъ истребленія и въ своей эклогѣ: „Полліонъ“ выразилъ только общее ожиданіе великаго событія, за которымъ водворится миръ на землѣ, распространивъ свои блага на весь родъ человѣческій.

На востокъ жизнь цѣлаго народа іудейскаго проникнута была тѣмъ же самымъ ожиданіемъ пришествія Спасителя по пророчествамъ, восходящимъ къ первому грѣхопадению человѣка (Быт. III—15.) и чѣмъ ближе къ великому событію, тѣмъ яснѣй, опредѣлительнѣй становились эти пророчества. Патріархъ Іаковъ провозвѣстилъ о томъ, что народъ іудейскій сохранитъ свое самостоятельное управленіе до тѣхъ поръ, пока не придетъ тотъ, на кого уповаютъ всѣ народы (Быт. XLIX 10). Іеремія предрекъ установленіе новаго завѣта, въ замѣнѣ

*) Платонъ: въ Федонѣ, Эпименидѣ, Алкивиадѣ, въ апологій Сократа.

**) Lact. Divin. Instit. I. 126.

***) Adv. gent. III, 104.

ветхаго, разрушеннаго беззаконіями евреевъ (Іерем. XXXI 31. 32.). Исаія описалъ, какъ евангелистъ, страданія и смерть безгрѣшнаго Искупителя (Исаія гл. LIII—1.—12). Наконецъ, Даніиль возвѣстилъ, что Богъ сократилъ въ пользу еврейскаго народа и святаго града ожидаемое время до семидесяти седминъ или 490 лѣтъ для того, дабы уничтожить беззаконія, положить конецъ грѣху, стереть нечестіе, водворить вѣчную правду на землѣ, исполнить видѣнія и пророчества и даровать помазаніе Святому святымъ (Дан. IX—24).

Исчисленіе годовъ седминами было узаконено въ книгѣ Левитовъ (Гл. XXV.—ст. 8), согласно земледѣльческому сѣвообороту, предоставлявшему каждый седьмой годъ отдыхъ почвѣ, оставляемой безъ обработки и поспѣвовъ. Тоже исчисленіе было принято послѣ семи седминъ (49) лѣтъ для возвращенія въ 50-й юбилейный годъ всякой проданной недвижимой собственности ея первоначальнымъ владѣльцамъ за исключеніемъ лишь домовъ, находившихся въ укрѣпленныхъ городахъ. (Лев. XXV—30.) Даніиль, слѣдуя этому общепринятому исчисленію, проситъ народъ запечатлѣть въ памяти своей, что отъ повелѣнія, которое будетъ издано *) „о возстановленіи Іерусалима до Христа Владыки—семь-седминъ **) и шестьдесятъ двѣ седмины и возвратится народъ и обстроится улицы и стѣны, но въ трудныя времена. И по истеченіи шести-десяти двухъ седминъ преданъ будетъ смерти Христосъ, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который прійдетъ, и конецъ его будетъ, какъ отъ наводненія, и до конца войны будутъ опустошенія. И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седмина, а въ половинѣ седмины прекратится жертва и приношеніе и на крилѣ святилища будетъ мерзость запускѣ-

*) Персидскимъ царемъ Артаксерксомъ Долгорукимъ.

**) Верми употребленное на возстановленіе города.

нія и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя (Дан. IX, 25, 26, 27.).“

Тацитъ *), Светоній **) Иосифъ Флавій ***) одинаково повѣствуютъ, что описываемая ими іудейская война совпадала съ эпохою, въ которую, вслѣдствіе пророчествъ, сохранившихся съ незапамятныхъ [временъ, ожидали въ Іудеѣ того могущества, которое покорить своей власти вселенную. Языческіе философы, поэты, историки согласны въ этомъ отношеніи со всѣми Боговдохновенными пророками. Эти пророчества были всѣми признаны: ожидали только ихъ исполненія.

Наступило наконецъ время, указанное отъ сотворенія міра, и на берегу Генисаретскаго озера раздалось божественное ученіе, ниспровергшее въ прахъ всѣ ходячія системы человѣческой мудрости, всѣ установившіяся понятія, всѣ извращенныя вѣрованія, преданія, нравы, привычки тогдашнихъ цивилизованныхъ народовъ. Эта проповѣдь безъ колебаній, безъ компромисовъ, безъ уступокъ, свойственныхъ шаткости человѣческихъ сужденій, разрушала древній міръ до основанія: то былъ новый день творенія и тоже Слово вызвало бытіе изъ небытія, жизнь изъ хаоса. И какою чистою, святою успокоительною любовію дышало каждое слово Спасителя, вызывавшее падшаго, униженнаго человѣка къ новой высокой жизни въ соединеніи его съ Богомъ! Всѣ угнетенные міра съ изумленіемъ и восторгомъ услышали новое для нихъ ученіе: „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе ибо они наследуютъ землю (Мат. V—3. 4. 5.)

*) Tacit. Hist. V, 13; pluribus persuasio inerat, antiquis Sacerdotum litteris continari eo ipso tempore, ut valescerat oriens profectique Judaea rerum potirentur.

**) Suet. Vespas. 1V: percubuerat Oriente toto vetus et constans opinio, esse in fatis ut eo tempore Judaea profecti rerum potirentur.

***) Иосифъ Флавій. О войнѣ іудейской кн. III, гл. VIII, § 9.

Не изучивъ тогдашняго времени, почти невозможно судить какой необъятный всемірный переворотъ заключался въ первой проповѣди Христа. Древніе народы считали смиреніе малодушіемъ, подлостію, гордость — человѣческимъ достоинствомъ, а мщеніе такою высокою добродѣтелью, что ему воздвигали алтари и храмы. Воздаяніе обидою за обиду и смертію за смерть требовалось, какъ исполненіе самаго священнаго долга. Каково же было изумленіе людей, когда Христосъ поставилъ смиреніе, какъ высшій идеаль нравственнаго совершенствованія, а гордость и мщеніе осудилъ своимъ божественнымъ ученіемъ: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ (Мат. V—44)?

Мы видѣли, что бракъ въ описываемое время утратилъ свое высокое значеніе, перейдя, при возможности развода, въ сдѣлку временнаго сожителства по произволу прекращаемаго или возобновляемаго. Спаситель, освятивъ его таинствомъ вѣры, возвратилъ супружеству и семьѣ всѣ ихъ священныя права, неразрывныя съ ихъ обязанностями. На вопросъ Фарисеевъ: „по всякой ли причинѣ позволительно разводиться съ женою своею?“ Онъ отвѣчалъ: „не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (въ текстѣ вулгаты: не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ человѣка сотворилъ ихъ мужчиною и женщиною. (Быт. I ст. 27) и сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотию.) (Мат. XIX. 4. 5. 6).“

На возраженіе фарисеевъ, что разводъ дозволенъ былъ Моисеемъ, Христосъ отвѣчалъ: „Моисей, по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; а съ начала не было такъ. Но я говорю вамъ:

кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣянiе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившiйся на разведенной прелюбодѣйствуетъ. (Мат. XIX—8—9).“

Въ послѣднiе вѣка языческаго Рима союзъ родителей съ дѣтьми потерялъ почти всякое нравственное значенiе, такъ что новорожденныхъ младенцевъ, какъ лишнее бремя для родителей, подвергали во множествѣ различнымъ способамъ истребленiя и отчужденiя отъ семьи. Христосъ своею теплою любовiю къ этимъ невиннымъ созданiямъ пробудилъ естественную къ нимъ любовь ихъ родителей, дотолѣ подавленную всеобщимъ развращенiемъ ума и сердца. На вопросъ учениковъ: „Кто больше въ царствѣ небесномъ? Иисусъ Христосъ, призвавъ дитя и поставивъ среди ихъ, сказалъ: „истинно говорю вамъ; если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. И такъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ. И кто приметъ одно такое дитя во имя мое, тотъ меня принимаетъ. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ меня, тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мальничный жерновъ на шею и потопили въ глубинѣ морской (Мат. XVIII—2, 3, 4, 5, 6).“

Спаситель также строго осуждаетъ наставниковъ развращающихъ дѣтей взрослыхъ и поощряющихъ неисполненiе ими обязанностей своихъ къ родителямъ. Въ Иудеи вслѣдствiе обычая, неизвѣстно когда установившагося, встрѣчались люди, которые называя себя корванъ (даръ) Богу, считали себя ему посвященными, хотя отъ служенiя ему, они всегда могли откупиться, уплачивая за себя священникамъ: женщина 30, мужчина 50 сикловъ. Съ лицъ несостоятельныхъ предоставлялось на волю священниковъ получить сколько могутъ *). Понятно, что

*) Иосиф. Фл. О древ. иуд. кн. 4, гл. 4, § 4.

дурныя дѣти легко избавлялись этимъ путемъ отъ попеченiй о своихъ престарѣлыхъ, больныхъ или нуждающихся родителяхъ. Спаситель спросилъ книжниковъ и фарисеевъ: „за чѣмъ и вы преступаете заповѣдь Божию ради преданiя вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ: почитай отца и мать и злословящiй отца и мать смертию да умретъ *). Вы же говорите: если кто скажетъ отцу или матери: корванъ, т. е. въ даръ Богу отдано и то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, тотъ можетъ ничего не дѣлать для отца своего или матери своей. Такимъ образомъ вы устранили заповѣдь Божию преданiемъ вашимъ (Марк. VII—11. 12).

Не допуская никакого послабленiя въ обязанностяхъ семейныхъ, Христосъ возстановилъ таинство брака во всемъ величiи и святости непоколебимаго догмата, въ которомъ любовь Творца къ человѣку освятила, возвысила и облагородила любовь человѣческую.

Народы дивились, слушая ученiе Христа, „ибо онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющiй, а не какъ книжники и фарисеи. (Ев. Матѣ. VII—29.) Каждое слово его было святою истиной, одинаково доступною понятiю, какъ людей самыхъ невѣжественныхъ, такъ и людей высоко развитыхъ тогдашнею цивилизацiею. Не человѣческаго знанiя, несостоятельнаго и безсильнаго, требовалъ Христосъ отъ учениковъ своихъ, но чистоты сердечной и вѣры въ божественное ученiе, которое само было достаточно сильно, чтобъ научить, просвѣтить и покорить себѣ мiръ. „И поведутъ васъ,“ возвѣстилъ имъ Христосъ „къ правителямъ и царямъ за меня, для свидѣтельства предъ ними и язычниками. Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать. Ибо не вы будете

*) Исход. XX—12. Второз. XXI—18—21. Ев. отъ Матѣ. XV—41.

говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ (Мат. X—18—20) „На послѣдней же вечери Онъ сказалъ имъ:“ „Мужайтесь, я побѣдилъ міръ (Ев. отъ Іоан. XVI—33).“ И какъ изумительна была эта побѣда по словамъ апостола: „Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ и немоцное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ. (Посл. 1. Кор. 1,—27,—29.)“

Проповѣдь Евангелія такъ была противоположна всѣмъ языческимъ вѣрованіямъ и философскимъ ученіямъ, что между ними, какъ между истиной и ложью никакого компромиса, никакого соглашенія не могло быть. Самые серьезные умы видѣли только дилемму: или евангеліе есть Откровеніе самого Бога и тогда оно спасетъ міръ, если же оно есть ученіе человѣческое, то разрушить всѣ условія существованія тогдашняго человѣческаго общества. Цивилизованные люди Рима, не зная еще непосредственной связи Вѣтхаго Завѣта съ Новымъ, часто смѣшивали Іудеевъ съ Христіанами и одно ученіе съ другимъ.

Тацитъ, повѣствуя о Моисеѣ, говоритъ, что онъ далъ своему народу „новую религію, совершенно противную религіи прочихъ народовъ, такъ что они считаютъ мерзостію, то что мы почитаемъ священнымъ, и наоборотъ, — дозволяютъ себѣ то, что мы признаемъ оскверненіемъ (novos ritus, contrariosque ceteris mortatibus. Profana illis omnia, quae apud nos sacra; rursum concessa apud illos, quae nobis incesti. Hist. V—4);“ и въ другомъ мѣстѣ — что Христіане уличены были не въ сожженіи Рима, а въ ненависти къ роду человѣческому (haud perinde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt. Ann. XV—49.)“ Светоній также упоминаетъ о Христіанахъ, — какъ людяхъ предан-

ныхъ новому и зловредному суевѣрію (genus hominum superstitiosis potius ac maleficae Ner. XVI).

Ни Тацитъ, ни Светоній не могли при тогдашней замкнутости Церкви, преслѣдуемой гоненіями, изучить основательность христіанскихъ догматовъ; они поставили только вопросъ: за чѣмъ разрушать дурное существующее, когда лучше невозможно и невысказано болѣе? Но Христосъ совершилъ это лучшее, разрушивъ вѣтхій языческій и создавъ новый христіанскій міръ, полный любви, благодати, всемогущества и милосердія Бога.

Апостоль Павелъ, вѣрный заповѣди Христа, поучалъ; „какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ себя за нее (посл. къ Еф. V,—24, 25).“ „Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ, равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена (1 Посл. Кор. VII—4). Бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно; блудниковъ же и прелюбодѣевъ судитъ Богъ (Посл. къ Евр. XIII—4).“ „Вѣгайте блуда; всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ есть внѣ тѣла, а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла. Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмы живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго вы имѣете отъ Бога, и вы не свои? ибо вы куплены дорогою цѣною. По сему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божи. (1-е Посл. къ Коринѣ. VI.—18,—20).“

Всѣ прочіе апостолы и послѣдовавшіе за ними учителя церкви не допускаютъ, согласно ученію Спасителя, ни малѣйшаго послабленія въ чистотѣ семейныхъ нравовъ, во взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ и въ неразрывномъ союзѣ родителей съ дѣтьми и дѣтей съ родителями.

Первые вѣка христіанства выработали тотъ важнѣйшій фактъ въ исторіи человѣчества, что умственное развитіе способно достигнуть высшихъ предѣловъ пользы и благоденствія людей, если подчиняется началу нравственному, которое указываетъ ему и направленіе и конечную цѣль всякой науки въ границахъ истины и добра, тогда какъ умственное развитіе, поставленное во главѣ человѣческаго воспитанія, никогда не можетъ развить изъ себя начала нравственнаго, примѣнимаго къ жизни, что было до очевидности засвидѣтельствовано всѣми предшествовавшими вѣками. Василій Великій и Григорій Богословъ, получивъ чистое христіанское воспитаніе въ своемъ семейномъ быту отъ благочестивыхъ родителей, обучались безъ всякаго опасенія для своихъ религіозныхъ убѣжденій прочимъ наукамъ въ Аѳинахъ у языческихъ философовъ. Они были и остались свѣтилами человѣчества для всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Поучая высокими таинствами вѣры, они вмѣстѣ съ тѣмъ осуждали обскурантизмъ, такъ какъ Богъ не могъ даровать своему творенію умственныхъ способностей для того, чтобъ они оставались безъ развитія ихъ для пользы человѣка. „Всѣ люди разсудительные, говоритъ Григорій Богословъ, согласны въ томъ, что наука занимаетъ первое мѣсто между благами, дарованными человѣческому роду. Не говоря даже о наукѣ, свойственной нашему служенію, столько же возвышенной, какъ оно само, и которая, отвергая суетныя украшенія краснорѣчія, не имѣетъ иной цѣли, какъ спасеніе душъ, инаго предмета, какъ благородное изученіе всего, что можетъ просвѣтить мысль и разумъ,—обращаюсь къ той наукѣ, которую по предубѣжденію слишкомъ часто встрѣчающемуся между нами, отвергаютъ, какъ опасную, видя въ ней лишь возможные преткновенія и считая ее чрезъ то способною отвратить отъ религіи. Но вѣдь употребленіе, какое дѣла-

ютъ изъ вещей опредѣляетъ ихъ пользу или вредъ. Не только науки свѣтскія не вредны сами по себѣ, но, напротивъ, онѣ способствуютъ намъ гораздо глубже вникать въ познаніе Божественнаго Творца природы, чтобы легче было покорить, по мнѣнію апостола, разумѣніе наше игу Іисуса Христа, научая обличать заблужденія (11 Кор. X—5.). Не станемъ унижать науку потому только, что есть люди ею пренебрегающіе, люди лживые и дерзновенные, которые желали бы, чтобъ всѣ на нихъ походили, дабы въ невѣжествѣ общемъ найти оправданіе ихъ собственному невѣжеству и тѣмъ оградить себя отъ заслуженнаго ими порицанія“..... *)

Основываясь на мнѣніи этого святаго и гениальнаго учителя, мы смѣло повторяемъ то, что сказали прежде: вѣра и наука истекаютъ изъ одного источника свѣта и не могутъ противорѣчить одна другой. Какъ еретики выдавали свои заблужденія за правила истиной вѣры, такъ люди недоучившіеся и маскирующіе свое невѣжество, выдаютъ за правила науки свои, а еще чаще со слуха чужія заблужденія, противорѣчащія не преложнымъ истинамъ Божественнаго Откровенія. Согласованіе нравственнаго воспитанія съ образованіемъ умственнымъ, вѣры съ наукою, знанія съ примѣненіемъ его къ жизни наиболѣе замѣчается въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Мы видѣли, какъ высоко были поставлены римскія матроны, воспитательницы будущихъ гражданъ Рима, какихъ героевъ, какіе непобѣдимые легіоны приготовили онѣ своему отечеству для покоренія вселенной, и какъ впоследствии, когда развратъ проникъ въ слои общества, римскія выродившіяся женщины предались самымъ отвратительнымъ порокамъ безъ мысли, безъ силы, безъ возможности возвращенія къ добру; но когда слова евангелія указующія путь раскаянія и милосердія, коснулись

*) Надгр. слово Василю великому.

чуткаго сердца женщинъ, какъ быстро возстали онѣ, какъ будто новыя чистыя творенія, изшедшія изъ рукъ Божіихъ. Глубоко падшія женщины, примиряющіяся путемъ раскаянія съ Богомъ и собственной совѣстію, не были возможны въ древнемъ мірѣ, исчерпывавшемъ зло до конца. Никакая философія не могла создать типовъ, подобныхъ Маріи Магдалинѣ и Маріи Египетской, вызванныхъ лишь любовью и милосердіемъ Бога, который одинъ имѣетъ власть простить, очистить и освятить падшую природу человѣка.

Женщины—мученицы были также типомъ непонятнымъ для древняго міра, который не могъ не удивляться, какъ слабость женской природы могла выдерживать самыя страшныя муки, изобрѣтенныя для нихъ гонителями христіанства, съ единственною цѣлію добиться отъ нихъ одного словеснаго отрицанія ихъ вѣры или нѣсколькихъ зеренъ, брошенныхъ ими на алтарь языческій, онѣ же, сохраняя вѣрность къ Богу, встрѣчали мучительную смерть съ неописаннымъ восторгомъ. Христіанскія жены и матери были болѣе удобопонятны для язычниковъ и они, не только смотрѣли на нихъ съ невольнымъ благоговѣніемъ, но сами даже отыскивали себѣ женъ христіанокъ, чтобъ пользоваться мирной и согласной семейною жизнію.

Отецъ Григорія Богослова, по имени также Григорій, былъ язычникъ, а мать св. Нонна,—христіанка, обратившая своего мужа, бывшаго впоследствии епископомъ Назіанскимъ. По словамъ ихъ сына, мать его „день и ночь молящаяся, колѣнопреклоненная, просила со слезами у Господа даровать ей спасеніе ея супруга. Она умоляла и его самого всѣми средствами, какія внушала ей ея находчивая любовь, но самымъ могущественнымъ

убѣжденіемъ служилъ примѣръ ея собственной благочестивой жизни *).“

Епископы женатые не рѣдко встрѣчаются въ первыхъ вѣкахъ христіанства, ибо избраніе ихъ обусловлено было неизмѣннымъ правиломъ, относящимся къ ихъ семейной жизни, а именно, чтобы епископъ былъ мужъ одной жены, человѣкъ хорошо управляющій собственнымъ домомъ и содержащій дѣтей своихъ въ послушаніи со всякою честностію (1 Посл. Тим. III 2. 3. 4. 5. къ Тит. 1.—6. 7. 8.). Замѣтимъ мимоходомъ, что мы здѣсь опять встрѣчаемся, какъ и въ исторіи римлянъ, съ фізіологическимъ закономъ одноженства и одномуженства, необходимымъ для сохраненія нравственной и физической силы человѣческой природы.

Отецъ Григорія Богослова прожилъ съ женою своею Нонною въ святомъ и благочестивомъ союзѣ до самой глубокой старости, и сынъ ихъ говоритъ: „я утѣшалъ моими попеченіями старость и скорбь моихъ родителей. Слабая искра блистающаго свѣточа, я былъ послѣднимъ оставшимся у нихъ ребенкомъ. Я льстилъ себя, о Боже, что этотъ сыновній долгъ будетъ тебѣ пріятенъ и согласенъ съ твоими законами. Ты даровалъ дѣтей родителямъ, чтобъ быть ихъ помощію и подпорою ихъ изнемогающимъ силамъ. Эти достойныя уваженія старики были твоими вѣрнѣйшими поклонниками: связавъ себя неразрѣшимыми узами съ твоими заповѣдями, они избѣгли опасностейъ жизни. Мать моя, которой родители ея передали истинную вѣру, подвергла ея благодатному игу собственныхъ дѣтей. Мужественная и сильная выше своего пола, она презирала прелести свѣта, и если касалась стопою земли, то лишь для того, чтобы быстрѣй вознестись къ небу **).“

*) Григор. Богосл. надгробное слово отцу его, Григорію, епископу Назіанскому.

**) Григор. Богосл.: поэма о бѣдствіяхъ его жизни.

О родителяхъ Василія Великаго, Григорій Бого-словъ говоритъ: „тѣ, которые даровали ему жизнь, были столько же соединены между собою добродѣтелью, сколько союзомъ брачнымъ... Отецъ его, того же имени, пользовался заслуженною у современниковъ славою и только сынъ его не далъ ему быть первымъ изъ нихъ. Мать его, Эмилія, столько достойная этого имени по гармоніи и согласію всѣхъ своихъ достоинствъ, отличалась среди своего пола тѣми же превосходствами, какими супругъ ея—въ средѣ мущинъ. Такіе родители заслуживали имѣть сына, который бы походилъ на нихъ.“*)

Іоаннъ Златоустъ родился въ Антиохіи, около 347 года, и почти въ колыбели лишился отца своего Секунда, командовавшаго войсками имперіи въ Сиріи. Мать его Анеуза, оставшись въ двадцать лѣтъ вдовою и не желая вступать въ новое супружество, посвятила себя всецѣло воспитанію своихъ дѣтей: дочери и сына. Самые язычники отдавали справедливость ея добродѣтелямъ и знаменитый софистъ, Ливаній, говоря объ ней, не могъ удержаться, чтобы не сказать: „какія дивныя женщины находятся между христіанами!“ Анеуза ни кому не уступила обязанности развить благочестіе въ сердцѣ своего сына, поучая его не только словомъ, но еще болѣе примѣромъ своихъ высокихъ добродѣтелей; не спѣшила также отправить его и въ общественныя школы, такъ что лишь въ 18 лѣтъ онъ началъ изученіе краснорѣчія у Ливанія и философіи у Андрогата. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія у Ливанія, онъ далеко оставилъ за собою всѣхъ своихъ учителей, вполне вознаградивъ своими успѣхами самоотверженіе матери, посвятившей себя его воспитанію. Рассказываютъ, что когда ученики Ливанія спросили его, уже лежавшаго на смертномъ одрѣ, кого

*) Григор. Богосл.: Надр. слово Василію великому.

онъ оставить по себѣ преемникомъ, онъ назвалъ Іоанна прибавивъ: „еслибы христіане не похитили его у насъ“ *).

Св. Августинъ, родившійся въ 354 году въ Нумидійскомъ городѣ Тагастѣ, вблизи Гиппона, имѣлъ родителей: Патрикія, язычника, принявшаго христіанство уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и мать Монику, христіанку, отличавшуюся своею благочестивою жизнію. Она употребила всѣ усилія, чтобы внушить сыну своему съ самыхъ юныхъ лѣтъ правила истинной вѣры, считая себя его матерью только на половину, покамѣтъ, по ея выраженію, она не придастъ ему жизни благодатной, къ той естественной жизни, которую онъ получилъ отъ нея, Но его необыкновенные успѣхи въ наукахъ сопровождались всѣми заблужденіями молодости въ обществѣ блестящей, развращенной молодежи. Озабоченная мать прибѣгла къ одному благочестивому епископу, умоляя его принять на себя обращеніе ея сына. „Не настало время“, отвѣчалъ епископъ, „ограничимся покамѣтъ, нашими за него молитвами; но будь спокойна: не возможно, чтобы сынъ, оплакиваемый такими материнскими слезами, могъ погибнуть.“ И дѣйствительно пришло время, когда волнуемый сомнѣніями, раскаяніемъ, измученный душевною пустотою, даже отчаяніемъ, онъ нечаянно услышалъ въ своемъ саду голосъ, какъ будто исходящій изъ сосѣдственнаго дома, „возьми читай (Tolle, lege)!“ Онъ схватилъ книгу, оставленную его пріятелемъ Алимпомъ и прочелъ изъ Апостола Павла: „Будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ, ни зависти. Но облекитесь въ Господа (нашего) Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти (посл. Римл. XIII—13. 14.).

Августинъ не сталъ читать далѣе: этого было дос-

*) Sozom, Inst. eccl. lib. VIII. cap. XXII.

таточно. Казалось внезапный свѣтъ озарилъ его разумъ: отвергнувъ съ презрѣніемъ и раскаяніемъ всѣ увлеченія молодости, онъ поспѣшилъ удостоиться святаго крещенія, въ великую субботу, изъ рукъ святителя Амвросія Миланскаго къ неописанной радости матери его, которая слезами своими вымолила у Бога обращеніе своего сына.

Здѣсь нельзя не остановить вниманія преимущественно на первыхъ вѣкахъ исторіи христіанства, въ которыхъ жили упомянутые нами гениальные учителя церкви, поборники науки, изучившіе ее у языческихъ философовъ и софистовъ—безъ всякаго вреда своему благочестію. Принадлежа къ самой просвѣщенной аристократіи по рожденію, они были высокими христіанами по убѣжденію вѣры и науки, доказавъ на всѣ грядущія времена, что истинное знаніе, насколько оно можетъ быть объемлемно разумомъ, всегда будетъ согласно съ Божественнымъ Откровеніемъ, въ которомъ заключается единый верховный источникъ всякой истины, озаряющій умъ человѣка, какъ лучъ падающаго на землю свѣта.

Возвращаемся къ женщинамъ. Если матроны первыхъ вѣковъ Рима превосходили въ сознаніи своего достоинства и призванія своего въ семейной жизни всѣхъ женщинъ прочихъ современныхъ народовъ, то женщины первыхъ вѣковъ христіанства стояли неизмѣримо выше римскихъ матронъ, какъ жены, какъ матери воспитательницы страждущаго человѣчества, Императрица Плаксилла, которой превосходныя достоинства, описалъ въ надгробномъ словѣ Григорій Нисскій, соединяла съ благочестивыми упражненіями самыя высокія добродѣтели: она лично посѣщала больницы и бѣдныхъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ, служа имъ своими руками, подавая имъ помощь самую нѣжную и самую великодушную. Блаженный Иеронимъ оставилъ намъ описаніе цѣлаго ряда женщинъ, посвятившихъ себя облегченію человѣчес-

кихъ страданій въ тѣ страшныя времена, когда варварскіе народы, наводнивъ римскую имперію, грабили и разоряли ее съ звѣрствомъ дотогдѣ неслыханнымъ и безпощаднымъ. Въ это время Фабіола,—изъ знаменитаго рода Фабіевъ,—продала всѣ свои имѣнія для вспомошествованія бѣднымъ и основанія больницы, гдѣ лично служила недужнымъ, перевязывая ихъ раны и язвы собственными руками. Павла, происходившая отъ Гракховъ и Сципіоновъ, наслѣдница Павла Эмилиа, котораго носила имя, отправилась вмѣстѣ съ дочерью своею Евстохією въ Виллеемъ, и тамъ, подъ руководствомъ Иеронима, основала два монастыря: мужской и женскій, гдѣ несчастные, утратившіе въ мѣрѣ и богатства и близкихъ сердцу людей, могли посвятить Богу остатокъ дней своихъ. Милостивною этихъ и многихъ другихъ упоминаемыхъ Иеронимомъ благочестивыхъ женщинъ, облегчены были страданія безчисленныхъ скитальцевъ, лишенныхъ имущества и крова. Подобныя высоко нравственныя женщины представлялись въ тогдашнее время на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, но онѣ появились не внезапно: ихъ приготовило христіанское воспитаніе.

Всѣ великіе учителя церкви заботились о развитіи чистоты сердечной, при которой только и возможны горячая любовь къ Богу и къ ближнему, легкое и пріятное исполненіе самыхъ трудныхъ человѣческихъ обязанностей и собственное ничѣмъ ненарушимое счастье человѣка на землѣ, въ ожиданіи блаженства будущей жизни. Для сохраненія этой чистоты сердечной отъ христіанъ отстранялись всѣ поводы къ искушенію и соблазну: имъ воспрещалось посѣщать амфитеатры, гдѣ, для потѣхи римлянъ, потоками проливалась кровь человѣческая, не позволялось осквернять зрѣніа своего зрѣлищемъ пантомимъ, въ которыхъ безстыдныя и непристойныя представленія (въ наше время возстановленныя въ каскад-

номъ жанрѣ) возбуждали нечистыя страсти; не допускалось посѣщеніе театра, служившаго тогда школою безнравственности. Однимъ словомъ нечѣмъ было развратить мысли и чувства, огражденные отъ всѣхъ соблазнительныхъ увлеченій.

Относительно амфитеатровъ Лактанцій говоритъ: „есть-ли что ужаснѣе и презрѣннѣе челоукоубійства? Въ гражданскомъ обществѣ оно запрещено самыми строгими законами, даже мысль о войнѣ возбуждаетъ естественный ужасъ. Но вотъ, вопреки всѣмъ законодательствамъ, являются убійства, совершаемыя не на полѣ сраженія, не вызываемыя никакимъ правомъ возмездія, а единственно для того, чтобы узаконить злодѣяніе. Равное преступленіе отягчаетъ и того, кто любитъся имъ, и того, кто его совершаетъ. Кровь жертвъ, проливаемая въ звѣрскихъ сраженіяхъ гладиаторовъ, по всей справедливости не менѣе падаетъ на того, кто видитъ ее, какъ и на того, кто проливаетъ ее. Напрасно станете вы отговариваться, тѣмъ что не вы хотѣли убійства, что не вы направляли мечъ, но вѣдь вы тамъ присутствовали и вашими рукоплесканіями ободряли убійцу. Что скажемъ о театрѣ? Развѣ можете вы назвать невинными удовольствіями эти лживыя, комическія представленія, основанныя на любовныхъ интригахъ и непристойныхъ вольностяхъ, или эти трагедіи, выводящія на сцену кровосмѣшенія и отцеубійство. Только въ школѣ вашихъ историковъ и въ школѣ потерянныхъ женщинъ научились ваши актеры искусству выражать страсти. Можете ли сказать, что не составляютъ преткновеція для нравовъ эти зрѣлища, въ которыхъ воображаемыя приключенія приучаютъ васъ совершать безъ стыда то, на что вы смотрите, не краснѣя. Въ особенности это важно для молодыхъ людей, которыхъ неопытность и увлеченія должны быть сдержаны,

дабы подобнаго рода представленія не затянули ихъ въ пороки и заблужденія *).

Св. Кипріянь, не менѣе строго относится къ театрамъ, говоря: „надо краснѣть, не только рассказывая, но даже упоминая о томъ, что тамъ происходитъ. Тамъ представляютъ хитрые извороты и интриги прелюбодѣянія, преступныя слабости женскаго пола, посмѣянное достоинство отцовъ семейства, соблазнъ ихъ поведенія, и хотя необузданная распущенность не падаетъ ни пола, ни званія, всѣ наперерывъ спѣшатъ въ театръ, гдѣ съ наслажденіемъ смотрятъ на представленія такихъ пороковъ, о которыхъ самая даже мысль должна быть изгнана изъ сердца христіанина. Тамъ теряютъ послѣдніе остатки стыда, знакомясь съ преступленіемъ и научаясь дѣлать то, что привыкаютъ видѣть“.... **)

„Прелюбодѣяніе не есть удовольствіе, а только взаимный обмѣнъ стыда ***).

Христіанскія женщины также воздерживаемы были отъ страсти къ нарядамъ и прочимъ украшеніямъ, чтобы возвысить свою физическую красоту. „Какъ постыдно христіанину“ говоритъ Тертуліанъ, „румянить лице, когда ему повелѣно быть тѣмъ, чѣмъ есть,—и лгать въ своихъ чертахъ, когда ложь воспрещена ему даже въ словахъ! Какъ претендовать на то, чего у него нѣтъ, когда ему не дозволено привязываться и къ тому, что имѣетъ? Можете ли вызывать похоти прелюбодѣянія, когда служите цѣломудрію?... Ужели ваша голова—алтарь, чтобы украшать ее цвѣтами? Вы краснѣете своей старости и тѣмъ самымъ осуждаете ее, заставляя догадываться, что сожалѣете о вашей юности, отмѣченной беззаконіями. Вы ошибаетесь, потому что уже близки къ разрушенію этого

*) Лактанц. Эпит.

**) Кипріянь. О зрѣлищахъ.

***) Кипр. О преимуществ. цѣломудрія.

земнаго жилища и замѣны его другимъ“.... „Покажитесь же теперь передъ очами Бога, какими предстанете передъ нимъ въ день страшнаго суда.“

„Сохрани Боже, чтобы я требовалъ отъ васъ неряшества, я желаю только разумной сдержанности, скромной простоты, непереходящей за черту необходимыхъ украшеній, далѣе того, что угодно Богу. *)“

„Весьма одобряю правила Лакедемонянъ, „пишетъ св. Климентъ Александрійскій,“ позволявшихъ только публичнымъ женщинамъ употребленіе драгоценныхъ тканей и золотыхъ уборовъ. Украшеніе честной женщины, это— ея добродѣтель“....

„Одежда часто стоитъ дороже самой личности“... „Важнѣйшая наука состоитъ въ познаніи самага себя, которое прямо ведетъ къ познанію Бога, а кто Его познаетъ, тотъ ищетъ Ему уподобиться. Возможность приблизиться къ Нему заключается не въ дорогихъ одеждахъ, но лишь въ добрыхъ дѣлахъ, такъ какъ Богу ничего не нужно, и лучшее въ его глазахъ украшеніе—чистота и непорочность сердца. Но сколько есть женщинъ, занимающихся возвышеніемъ своей тѣлесной красоты, о душѣ же нисколько не заботящихся: отдавая все внѣшности, онѣ забываютъ единую истинную красоту—душевную. Эти женщины представляются мнѣ подобіемъ египетскихъ храмовъ, которыхъ портики, поддерживаемые богатыми колоннами, блистаютъ золотомъ и драгоценными камнями, но войдите во внутренность и вы увидите, что тамъ божество есть одно изъ тѣхъ отвратительныхъ гадовъ, которымъ удобнѣе обитать въ грязи болота, чѣмъ во храмѣ“....

„Цѣломудріе состоитъ не только въ томъ, чтобы имѣть чистое сердце, нужно, чтобы и внѣшность была

*) Тертул. объ украшеніи женщ. 21. VII, VIII.

такъ безукоризненна, чтобы не подавала никакого повода къ малѣйшему сомнѣнію. *)).

При такой чистотѣ нравственнаго воспитанія, отстранявшаго все поводы къ искушеніямъ и соблазнамъ, сами язычники признавали въ христіанскихъ женщинахъ ту святость и то *величіе*, какихъ никогда не могли достигнуть, гордясь своимъ достоинствомъ матроны первыхъ вѣковъ Рима. Насколько христіанскія женщины удалялись отъ развращающихъ нравы сценъ театра, пантомимъ и боя гладиаторовъ, отъ излишнихъ украшеній и нарядовъ, развивающихъ самолюбіе, на столько онѣ сохраняли чистоту сердечную, такъ сильно привязывавшую къ нимъ мужей ихъ и на столько имѣли болѣе досуга, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей, домашнему благоустройству и всемъ обязанностямъ христіанскимъ.

Тертуллианъ изображаетъ супружескій союзъ, какимъ онъ былъ въ первые вѣка христіанства въ слѣдующихъ словахъ: „Трудно найти слова, способныя выразить превосходство и счастье христіанскаго супружества. Союзъ этотъ образуетъ церковь, скрѣпляетъ приношеніе святой жертвы, благословляетъ священникъ, свидѣтельствуютъ ангелы, утверждаетъ самъ Отецъ небесный. Два христіанскіе супруга, соединенные въ одномъ упованіи, въ одномъ обѣтѣ, во взаимной зависимости, дѣйствительно составляютъ одну плоть, оживленную одною душою. вмѣстѣ молятся они, вмѣстѣ предаются святымъ упражненіямъ вѣры и покаянія, назидая примѣромъ своей жизни, служа обоюдно другъ другу опорой. Вы ихъ ви-

*) Св. Климентъ Александ.: „Педагогъ“. Недавно при раскопкѣ въ Римѣ открытъ прекрасный мраморный бюстъ императрицы Матидіи, жены Траяна. Это скульптурное произведеніе замѣчательно между прочимъ эксцентричною прическою, которой позавидовали бы нынѣшнія дамы: она состоитъ изъ косъ, положенныхъ въ видѣ короны и громаднаго шиньона.

дите вмѣстѣ и въ церкви и предъ трапезою Господнею; все у нихъ общее: скорби, гоненія, радости, удовольствія. Нѣтъ между ними никакой тайны, довѣріе полное, служеніе другъ другу взаимное. Явно и непринужденно исполняютъ они свои обязанности, молясь во храмахъ, посѣщая недужныхъ, раздавая милостыню бѣднымъ. Имъ не нужно скрывать ни знаменія креста, ни благодареній Богу; уста ихъ столько же чистыя, какъ сердца, возносятъ вмѣстѣ благочестивыя пѣснопѣнія, и нѣтъ между ними инаго соревнованія, кромѣ того, кто изъ нихъ усерднѣе послужитъ Богу. Таковы супружества, составляющія радость Иисуса Христа, и для христіанина инаго законнаго супружества нѣтъ и не можетъ быть дозволено.*).

Вотъ та высокая христіанская цивилизація, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ озаряла міръ свѣтомъ вѣры и науки и которую нынѣ совершенно вычеркнули изъ исторіи человѣческой культуры, какъ будто эта цивилизація никогда не существовала. Всѣ пертурбаціи современной общественной и семейной жизни объясняются самымъ понятнымъ образомъ: нынѣшнюю цивилизацію пропитываютъ насквозь языческой философій, которой несостоятельность, какъ мы указали выше вполне константирована исторіей. По этому неудивительно, что мы теперь встрѣчаемъ людей—по имени христіанъ, по дѣламъ язычниковъ. Но возстановите исторію, какъ она есть: безъ выпусковъ, безъ умышленныхъ сокращеній, безъ произвольныхъ передѣлокъ и тогда законъ Божественный предстанетъ даже путемъ историческимъ, во всемъ своемъ величіи, а нравственная сторона евангелія рѣзко отдѣлитъ святую чистую жизнь христіанина отъ того послабленія и развращенія нравовъ—которыя нынѣ цѣликомъ переносятся изъ греко-римской цивилизаціи.

*) Тертул.: къ женѣ своей.

ГЛАВА V.

Зарожденіе и развитіе новѣйшаго язычества (le paganisme moderne).

Добро и зло были и будутъ во всѣхъ вѣкахъ, такъ какъ заслуга человѣка, одареннаго свободою волей, состоитъ въ томъ, чтобы развивая въ душѣ своей всѣ чистыя, добрыя побужденія, свойственныя его природѣ, побѣждать въ борьбѣ съ самимъ собой столько же близкія ему порочныя страсти. Какъ человѣкъ, отдѣльно взятый, способенъ въ извѣстные періоды своей жизни предаваться предосудительнымъ увлеченіямъ, а впослѣдствіи усвоить себѣ всѣ побужденія добра, такъ и цѣлые народы могутъ отличаться или развращеніемъ или чистотою нравовъ въ извѣстные періоды ихъ исторіи, при единичныхъ исключеніяхъ немногихъ личностей, неподходящихъ подъ общій уровень даннаго времени. Ученіе христіанское очистило глубоко развращенные нравы языческаго міра, а церковь и ея учителя строго останавливали единичные человѣческіе пороки и слабости, дабы не подать соблазна вѣрующимъ. Упадокъ нравовъ въ византійской имперіи принадлежитъ въ значительной степени ересямъ, происшедшимъ отъ внесенія въ христіанское ученіе языческой философіи, но впослѣдствіи эти ереси изгладились въ общемъ развитіи христіанской цивилизаціи. Народы, принявшіе чистое евангельское ученіе отъ Восточной церкви, никогда не стремившейся къ захвату свѣтской власти, не заимствовали изъ Византіи никакой закваски испорченныхъ нравовъ, въ чемъ удостоверяетъ насъ исторія русскаго народа. Новѣйшее язычество зародилось и разрослось въ средѣ духовенства западной церкви, которая первоначально, въ продолженіе болѣе пяти вѣковъ, оставалась самою твердою опорою вселенскаго православія. Извѣстно, что благочести-

вые папы первых вѣковъ употребляли несмѣтные богатства римской церкви на вспоможеніе бѣднымъ, на устройство больницъ, на сооруженіе храмовъ, на выкупъ плѣнныхъ и на уплату контрибуцій варварскимъ народамъ въ замѣнъ разграбленія и разоренія ими городовъ, оставленныхъ византійскимъ правительствомъ безъ всякой защиты. Позднѣйшіе папы употребили тѣ же самыя богатства для пріобрѣтенія свѣтской власти, а еще болѣе для жизни роскошной и распутной, которая возвратила ихъ къ языческимъ нравамъ самыхъ развращенныхъ временъ Рима. Папскія любовницы деспотически и нагло управляли народомъ и судьбами римской церкви, какъ, напримѣръ Теодора, любовница папы Иоанна IX, и дочери ея—Мароція и Теодора, возводившія на папскій престолъ собственныхъ своихъ любовниковъ. Папа Иоаннъ XII, устроившій въ латеранскомъ дворцѣ пріютъ разврата, раздавалъ любовницамъ своимъ церковныя украшенія, осквернялъ храмы насиліями женщинъ, посвятилъ діакона въ конюшнѣ, выкололъ глаза своему духовнику, оскотилъ кардинала Иоанна и пр. Не менѣе замѣчательнымъ чудовищемъ звѣрства и разврата являются Бенедиктъ IX, образовавшій у себѣ цѣлый гаремъ женщинъ, растачивавшій казны изъ видовъ корысти, иногда по чистой прихоти и продавшій, наконецъ, свое папство Иоанну Граціану по формально заключенному акту. Папа Климентъ V открыто жилъ съ красавицею графинею Перигоръ, а Климентъ VI—съ графинею Тюрень. Александръ VI Борджіа, прижилъ съ Веноціей, женою Доминика Арипино четырехъ побочныхъ сыновей и дочь. Вся эта семья, слишкомъ знаменита въ лѣтописяхъ человѣческихъ преступленій, чтобы упоминать о чудовищныхъ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ ею совершенныхъ. Самъ папа Александръ VI погибъ по ошибкѣ отъ яда имъ же приготовленнаго для нѣкоторыхъ богатыхъ кардиналовъ, чтобы воспользоваться ихъ достояніемъ.

Папствованіе Льва X отличалось явнымъ атеизмомъ римскаго духовенства, такъ что священники, по словамъ Бандино, богохульствовали при совершеніи безкровной жертвы, а при дворѣ папскомъ о догматахъ католической церкви и текстахъ св. Писанія не иначе говорили, какъ съ насмѣшкою. При тогдашнемъ возрожденіи наукъ и изученіи древностей, современные ученые признавали въ католическомъ Римѣ—Римъ совершенно языческой. Папы до того погрязли въ этомъ языческомъ быту, что стали за деньги отпускать все грѣхи и преступленія, превосходя въ своемъ безстыдствѣ даже языческихъ первосвященниковъ изъ фамиліи цезарей.

Реформація, вызванная въ Германіи необходимостію ограничить злоупотребленія папской власти, къ сожалѣнію, перешла за предѣлы, на которыхъ остановились ея первые основатели. Преемники Лютера и Меланхтона образовали окончательно церковь человѣческую, назвавъ ее евингельскою, но безъ іерархіи епископовъ, узаконенной евангельскимъ закономъ и безъ высшаго авторитета единой, святой, соборной и апостольской церкви, которой не дано одолѣть и вратамъ адавымъ. Эти свободномыслящіе реформаторы были предшественниками энциклопедистовъ, а сдѣланныя ими ошибки подняли значеніе и силу іезуитовъ, развращавшихъ нравы своею казуистикою, которая оправдывала всякій грѣхъ и всякое преступленіе.

При такомъ настроеніи католицизма Францискъ 1-й перенесъ развратъ папскаго двора во Францію: какъ онъ, такъ и сынъ его Генрихъ II, возвели прелюбодѣяніе на степень почета, имѣя титулованныхъ любовницъ. Послѣ нихъ Генрихъ IV и Людовикъ XIV принимали уже прелюбодѣяніе, освященное давностію, какъ неотъемлемое право королевской власти, такъ что Людовикъ XIV издалъ эдиктъ объ усыновленіи своихъ незаконно прижи-

тыхъ дѣтей съ правомъ наслѣдованія престола въ случаѣ смерти его законныхъ потомковъ. Эдиктъ этотъ былъ занесенъ въ акты парламента, но на требованіе короля, чтобы Канцлеръ Понтшартренъ (Ponchartrain) приложилъ къ нему государственную печать, послѣдній отвѣчалъ: „государь, я могу и обязанъ для службы вашей пожертвовать жизнію, но никакъ не честію“—и тотчасъ представилъ прошеніе объ отставкѣ. Его преемникъ Вуазень (Voisin), креатура г-жи Ментеновъ, незамедлил въ приложеніи государственной печати къ этому постыдному акту. При этомъ возвратѣ къ языческимъ нравамъ, только неистовый развратъ фамиліи цезарей можетъ сравниться съ гнусными оргіями регента Филиппа Орлеанскаго и послѣ него—короля Людовика XV, котораго оленій паркъ напоминаетъ Капрею Тиберія. Его выраженіе: „послѣ меня хоть потопъ (après moi le déluge)“ близко подходитъ къ желанію Калигулы, чтобы римскій народъ имѣлъ только одну голову, дабы срубить ее сразу. Не отъ него зависѣло проливать потоки человѣческой крови, потому что деморализованный народъ уже присвоилъ себѣ это право, которымъ не замедлил воспользоваться для ниспроверженія королевской власти и провозглашенія язычества въ лицѣ богини Разума. Франція разлагалась и погибала, но христіанство, какъ истина, откровенная свыше, имѣетъ силу возрожденія и возвращенія людей къ добру. Наполеонъ 1-й, возстановивъ религію Христа, возстановилъ Францію. Но при слабыхъ его преемникахъ возникла во Франціи прежняя, унаслѣдованная отъ энциклопедистовъ борьба языческаго начала съ христіанскимъ, истинной науки съ ложною, ученія религіи съ ученіями комунизма и матеріализма. Три послѣдовавшія одна за другою революціи 1830, 1848 и 1870 годовъ еще ни чѣмъ не разрѣшили этой борьбы, а между тѣмъ изъ Франціи, какъ изъ признаннаго центра просвѣщенія,

вкуса и модь распространяются въ продолженіе болѣе 150 лѣтъ противохристіанскія ученія во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы, гдѣ возстаетъ та же самая борьба и готовится тоже самое разложеніе, какъ во Франціи.

Этотъ опасный, проживаемый европейскими народами кризисъ, требуетъ выясненія причинъ его породившихъ. Осьмнадцатый вѣкъ, ознаменованный упадкомъ нравственныхъ наукъ, ожесточеннымъ гоненіемъ христіанства и возвращеніемъ къ философскимъ заблужденіемъ языческаго міра,—принято, неизвѣстно почему, считать вѣкомъ просвѣщенія и вѣротерпимости. Между тѣмъ, какъ его либеральный фанатизмъ завершилъ свое ученіе о правахъ человѣка такимъ безпощаднымъ човѣкоистребленіемъ, предъ которымъ задумались бы самые кровавадные инквизиторы среднихъ вѣковъ. Новѣйшія научныя изслѣдованія, произведенныя преимущественно въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія по многимъ отраслямъ человѣческаго знанія, обличили несостоятельность того всезнанія, которое приписывали себѣ энциклопедисты—главные двигатели переворота, въ которомъ они все разрушали, ничего не созидая. Они первые, а за ними ихъ новѣйшіе послѣдователи раздвоили исторію на гражданскую и церковную, безъ связи одной съ другою, и тѣмъ уничтожили всеобщую исторію човѣчества, какъ понималъ ее великій геній Восьюэта. Тутъ не можетъ быть рѣчи о специальной исторіи—церковной, военной и всякой другой,—изучаемой людьми, посвятившими себя какой нибудь особой профессіи, но о томъ, что одна половина исторіи, преподаваемая юношеству, какъ нѣчто цѣлое, представляетъ ему любой историческій міражъ, изъ котораго онъ возсоздаетъ себѣ такую фантастическую жизнь човѣчества, какой никогда не бывало и не будетъ на землѣ. Возможно ли понять древнюю исторію, если всю христіанскую цивилизацію, весь міровой пере-

воротъ ея произведенный и всѣхъ великихъ дѣятелей первыхъ вѣковъ христіанства изгонять, такъ сказать, въ область церковнаго вѣдѣнія, восполняя этотъ громаднѣйшій пробѣлъ всеобщей исторіи изученіемъ уже одра-хлѣвшей въ то время греко-римской цивилизаціи. Заставляя юношество изучать послѣднюю, безъ всякой связи съ первою, ставятъ его въ то самое безнадежное и безысходное положеніе, въ которомъ находились цивилизованные язычники въ послѣдніе вѣка, предшествовавшіе христіанству. Нынѣ говорятъ что изученіе этой части древней исторіи, внушая юношеству чувство законности, которое такъ сильно было развито въ древномъ мірѣ, предохранитъ его отъ заблужденій коммунизма и социализма, распатывающихъ всѣ основанія современнаго общества. Цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ мы доказали совершенно противное: коммунистическія лжеученія почерпаются въ новѣйшее время со всѣми ихъ абсурдами изъ древней исторіи Греціи, а чувство законности всегда соответствовало чистотѣ народной нравственности, какъ это было въ первыхъ вѣкахъ существованія Рима; когда же нравы тамъ развратились, законность обратилась въ горькую насмѣшку надъ правдой. Скажемъ болѣе: древняя исторія, объясняемая въ ея логической послѣдовательности и связи съ исторіею христіанства, — въ высокой степени поучительна, но представляемая для изученія юношества въ видѣ торса, она можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, проводя противобщественныя въ наше время начала, какъ это было въ первую революцію во Франціи: устранивъ христіанскій принципъ о предержавшихъ властяхъ, французы признали себя демократами и провозгласили, по примѣру грековъ и римлянъ, всякое монархическое начало тиранией, а между тѣмъ эта форма правленія, выработанная вѣками человѣческаго опыта, оказалась наиболѣе спо-

собною къ мирному и устойчивому развитію человѣческихъ обществъ. Нынѣшняя демократизація народныхъ массъ, распространеніе митеріалистскихъ ученій и стремленіе къ ниспроверженію существующихъ властей составляютъ прямыя послѣдствія замѣны христіанскаго ученія умственными оргіями худшихъ временъ язычества. Взойдя на этотъ знакомый въ исторіи путь, современное европейское общество ускоряетъ съ каждымъ днемъ свое семейное и государственное разложеніе по готовымъ образцамъ Греціи и Рима. Законы исторіи не оставляютъ никакого сомнѣнія, что кризисъ, нами переживаемый, долженъ привести или къ полному разрушенію современной цивилизаціи путемъ грубой силы, откуда бы она ни пришла, или къ возвращенію европейскихъ народовъ къ чистымъ и святымъ началамъ христіанскаго ученія и авторитету соборной и апостольской церкви. Изъ этой дилеммы выйдти нельзя. Борьба новѣйшаго язычества съ христіанствомъ еще рельефнѣе выяснится чрезъ сопоставленіе науки истинной съ наукою ложною, что и сдѣлаемъ мы въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Сопоставленіе науки истинной съ наукою ложной (la fausse Science).

Всякое изученіе предмета, подлежащаго разслѣдованію науки, требуетъ напряженныхъ усилій ума и воли въ продолженіе многихъ лѣтъ, иногда цѣлой жизни человека, но много ли можно найти людей, которые посвятили бы себя такому самоотверженному труду? Большая часть ищетъ образованія энциклопедическаго, заучивая изо всего понемногу и зная, что есть цѣлыя массы людей еще болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ они, и готовыхъ принять всякое ихъ сужденіе, какъ бы оно недѣло ни было за истинный выводъ науки. Кто въ концѣ про-

шедшаго столѣтія не считалъ Вольтера гениемъ, обвинившимъ всѣ отрасли человѣческаго знанія, между тѣмъ, какъ ловкой фразой онъ прикрывалъ изумительное для насъ свое невѣжество. Не изучивъ исторіи христіанства, онъ сталъ отрицать Божественное Откровеніе, какъ будто противорѣчащее верховному разуму, которымъ онъ и прочіе энциклопедисты такъ щедро наградили человѣка. Но эта философія, созданная внѣ евангелія, рушилась въ ея логическихъ выводахъ, примѣненныхъ къ жизни: путемъ верховнаго разума дошли во французскомъ конвентѣ до отрицанія бытія Бога, до языческаго провозглашенія единой богини разума и до того кроваваго человѣко-истребленія, которое человѣкъ совершалъ надъ человѣкомъ безжалостно и беспощадно. Сами террористы, пропитанные кровью, ужаснулись и отступили предъ собственнымъ дѣломъ. Тогда по словамъ аббата Ламене: „на животрепецущемъ трупѣ человѣческаго общества они съ громкимъ воплемъ стали призывать Бога, который одинъ могъ оживить этотъ трупъ.“ И дано было самимъ губителямъ въ краткій срокъ, остававшійся до ихъ казни, вновь провозгласить Верховное существо Бога и торжественно сжечь передъ народомъ изображенія атеизма. Ложная наука разсыпалась въ прахъ, а евангеліе осталось тою же чистою святою путеводною для человѣчества звѣздою, какъ прежде.

Пришлось снова обратиться къ серьезному ученію и сдѣланныя въ 19-мъ вѣкѣ открытія въ естественныхъ наукахъ сблизили опять библейское откровеніе съ истиннымъ научнымъ знаніемъ. Такъ указанная энциклопедистами мнимая въ библіи несообразность сотворенія свѣта прежде солнца, оказалась возраженіемъ ребяческимъ, потому что свѣтъ и теплота открыты во всѣхъ тѣлахъ, какъ элементъ имъ присущій, слѣдовательно нужно было создать свѣтъ, прежде чѣмъ сосредоточить его свыше въ

солнцѣ, снизу въ огнедышущихъ горахъ, въ горячихъ источникахъ и пр. Французскій ученый Шоборъ (Chaubord) замѣчаетъ, что свѣтъ и теплота выражаются въ библіи однимъ и тѣмъ же словомъ, и потому въ смыслѣ еврейскаго текста должно разумѣть: свѣтъ—теплота, что соответствуетъ нашей химико-электро-магнитной силѣ, открытой въ наукѣ, такъ сказать, со вчерашняго дня, слѣдовательно библія опередила науку на 3000 лѣтъ.

Ложная наука, пропитанная ненавистію къ христіанству ухватила за астрономическія таблицы индусовъ, по коимъ высчитывали древность земнаго шара на десятки тысячъ лѣтъ, чтобы только опровергнуть хронологію Моисея. Новѣйшія изслѣдованія англійскихъ и французскихъ астрономовъ выяснили это заблужденіе и привели Клапрота къ заключенію, что астрономическія таблицы индусовъ, которымъ приписывали такую отдаленную древность, составлены въ седьмомъ вѣкѣ нашей эры, и только въ позднѣйшее время ихъ отнесли къ древнѣйшей эпохѣ (*Mémoires relatifs à l'Asie. p. 397.*)

Извѣстная египетская экспедиція открыла во храмахъ Дендерахъ и Эсне зодіаки расписанные или высѣченные на камнѣ, и вскорѣ нашлись ученые, опредѣлившіе построеніе этихъ храмовъ, по крайней мѣрѣ за 7000 лѣтъ, а показаніе зодіаковъ на 25000 лѣтъ древности нашей планеты. Съ шумомъ прокричали, что хронологія Моисея на вѣки убита, но французскій астрономъ Біо (Biot), разсматривая доставленную ему планисферу, вывелъ заключеніе, основанное на несомнѣнныхъ вычисленіяхъ, что она представляетъ положеніе нашей планетной системы въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдняя могла находиться за 700 лѣтъ до Р. Хр. Къ довершенію разочарованія, разобрали на мѣстѣ другія надписи, по которымъ оказалось, что самые храмы построены были во времена римскаго владычества въ Египтѣ. Изслѣдованія

Кювье и прочих новѣйшихъ естествоиспытателей, произведенныя въ пластахъ земной коры, показали, что окаменѣлыя растенія, пресмыкающіеся, птицы и млекопитающія животныя сохранились во всѣхъ геологическихъ напластованіяхъ въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ творенія, какой указанъ библейскимъ откровеніемъ, и только въ послѣднемъ пластѣ найдены кости человѣка.

Вольтеръ, отвергая въ свое время библейское преданіе о потопѣ, доказывалъ съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, что морскія раковины, находимыя на вершинѣ Альповъ, разбѣяны были тамъ испанскими пилигримами, отправлявшимися на богомолье въ Римъ съ раковинами прицѣпленными къ ихъ шляпамъ. *) Когда же Бюфонъ уличилъ его въ смѣшномъ невѣжествѣ, Вольтеръ отшутился, сказавъ, что изъ за раковинъ съ Бюфономъ ссориться не желаетъ. Палласъ, при видѣ громаднанаго скопленія въ верхней Азій костей животныхъ, то разбросанныхъ, то скученныхъ въ массѣ, и даже цѣльнаго трупа единорога, найденнаго съ его кожей, вполне убѣдился въ дѣйствительности потопа, который, разразясь сильной и быстрой катастрофой, отбросилъ къ Ледовитому морю трупы животныхъ, еще не успѣвшихъ разложиться. Память объ этомъ потопѣ сохранилась, по словамъ Палласа, у всѣхъ народовъ Азій, опредѣляющихъ его эпоху почти одновременно съ повѣтствованіемъ Моисея **). Другіе геологи удостовѣрились въ переворотѣ, произведенномъ потопомъ, при изслѣдованіи огромнаго количества камней, занесенныхъ далеко отъ нынѣшнихъ водъ и горъ, и въ особенности при видѣ огромныхъ валуновъ, оторванныхъ отъ горъ и находящихся на дальнемъ растояніи отъ горныхъ кряжей. Та-

*) Voltaire. Mélanges. des coquilles.

***) Pal. Voyage dans la haute Asie.

кое перемѣщеніе могло произвести лишь соединенная сила нахлынувшихъ на землю морей.

Всѣ эти научныя изслѣдованія и открытія, слѣдовавшія одно за другимъ, привели Кювье къ слѣдующему заключенію: „я одинаково полагаю, говоритъ онъ, какъ Делюкъ и Деломье, что ежели есть что нибудь вполне достовѣрнаго въ геологій, это то, что земной шаръ испыталъ великій и внезапный переворотъ, не далѣе, какъ за 5 или 6 тысячъ лѣтъ назадъ; что въ этомъ переворотѣ исчезли страны нѣкогда обитаемыя людьми и животными, нынѣ наиболѣе извѣстными, и на оборотъ, — изсякло дно послѣдняго моря, изъ котораго образовались страны нынѣ обитаемыя, что съ этого только переворота малое число пощаженныхъ индивидуумовъ стало распространяться и размножаться на почвахъ едва обсохшихъ, и что слѣдовательно съ этой лишь эпохи началось новое прогрессивное возрожденіе человѣческаго общества. Таковъ одинъ изъ наиболѣе доказанныхъ и наименѣе ожидаемыхъ выводовъ здравой геологій, — выводъ тѣмъ болѣе драгоцѣнный, что онъ непрерывною связью соединяетъ исторію естественную съ исторіей гражданской“. (Discours sur les révolutions du globe p. 2 p. 280, 145).

Геній Бюфона предвидѣлъ это соглашеніе истинъ религій съ истинами науки, которое, по его словамъ, должно будетъ со временемъ проявиться, и Верховный Творецъ употребитъ его, какъ лучшее средство, чтобъ возвратитъ къ себѣ человѣка, когда вѣра послѣдняго, охлажденная въ продолженіе вѣковъ, станетъ колебаться (Buffon, Époques de la nature t. 11. p. 429.)“ Въ подтвержденіе того, что онъ такъ вѣрно предвидѣлъ, приведемъ, какъ примѣръ, современное развитіе политической экономіи. Ученіе материалистовъ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новѣйшемъ язычествѣ, привело къ одному выводу, что

человѣку, всецѣло умирающему, слѣдуетъ заботиться лишь о большей для себя суммѣ физическихъ наслажденій, не разбирая средствъ, какими ихъ можно пріобрѣсть, потому что если нѣтъ безсмертія души, то нѣтъ и отвѣтственности за зло, какъ и награды за добро. Всякому воровству, грабежу, убійству, разбою есть одно излюбленное оправданіе—борьба за существованіе. Коммунизмъ, всецѣло основанный на ученіи матеріалистовъ и первоначально распространенный во Франціи, быстро охватилъ невѣжественные и развращенные слои общества въ остальной Европѣ. Пролетаріи всякаго рода, чуждаясь труда и добровольныхъ лишеній, необходимыхъ для накопленія и сбереженія капитала, подняли вопросъ о раздѣлѣ чужой собственности, пріобрѣтенной каждымъ трудящимся для себя и своей семьи. Согласно новому ученію собственность отнесена къ кражѣ, а семья къ нелѣпой связи посягающей на свободу человѣка. Но тутъ же рядомъ и въ той же самой Франціи развилось другое противоположное ученіе политической экономіи, доказывающее, что безъ собственности и безъ ея наследственной передачи семьѣ, нѣтъ никакого стимула для человѣческаго труда и немислимо никакое сбереженіе, образующее капиталъ народнаго богатства. Первое примѣненіе коммунистами своей политической экономіи къ дѣлу выразилось въ парижскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 года, въ которыхъ вознаграждали отъ государства лѣниваго работника на равнѣ съ прилежнымъ, покамѣстъ всѣ уравнились въ лѣни и въ платежѣ и съ такимъ убыткомъ для казны, что дальнѣйшее существованіе этихъ мастерскихъ сдѣлалось невозможнымъ. Последнее приложеніе къ жизни этой ложной науки (la fausse science) ознаменовалось сожженіемъ коммунистами посредствомъ петролея миллионъ народнаго богатства, сложившагося въ монументальныхъ парижскихъ зданіяхъ,

воздвигнутыхъ вѣковыми трудами страны. Со всѣмъ не такъ поступила въ то же самое время истинная наука: она дала возможность Тьеру, при сохраненіи имъ гарантій собственности, порядка и кредита, уплатить Германіи, въ короткое время, самую громадную контрибуцію какая извѣстна въ исторіи.

Знаменитый экономистъ Воловскій формулируетъ современное состояніе истинной политической экономіи слѣдующимъ образомъ: „трудъ есть дитя мысли, ничто не совершается во внѣшности, не будучи зарождено въ умѣ; рука исполняетъ только то, что указываетъ мысль, и произведеніе становится болѣе или менѣе изящнымъ или полезнымъ на сколько дѣятельна или развита интеллектуальная сила, на сколько вліяетъ на это произведеніе чувство справедливости добра и красоты. Если же производительность истекаетъ не изъ труда матеріальнаго, но умственного, то какъ же отдѣлить дѣйствіе отъ нравственной его стороны?...

„Сознавая, что только умъ производитъ, и что онъ же управляетъ міромъ, нельзя не сознать, что совершенствованіе умственное и нравственное становится вмѣстѣ и причиной матеріальнаго прогресса: *ищите царства небеснаго и правды его и вся сія приложатся Вамъ.*“ *)

Такое сближеніе истинной политической экономіи съ ученіемъ евангельскимъ нисколько не удивительно съ тѣхъ поръ, какъ нравственность признана въ наукѣ высшимъ регуляторомъ употребленія и распредѣленія выработанныхъ богатствъ.

Въ наше время одно голое, легкомысленное отрицаніе не удовлетворяетъ болѣе ни любознательности ума, ни потребностямъ сердца. Теперь стали понимать, что истинная наука можетъ правильно развиваться лишь

*) Préface par Walewskyà Sa traduction de l'Économ. Pol. de Roscher.

въ согласіи съ христіанскимъ ученіемъ, иначе она не имѣетъ себѣ оправданія, что доказалъ Руссо въ извѣстномъ своемъ сочиненіи на задачу Дижонской академіи. Его неумолимый выводъ что искусства и науки вездѣ способствовали развращенію нравовъ, ускоряя паденіе государствъ,—такъ логиченъ, что никто до сихъ поръ не опровергъ его путемъ научнымъ, никто не указалъ его парадоксальной стороны.

„Развращеніе души нашей, говоритъ Руссо, возрастаетъ по мѣрѣ усовершенствованія искусствъ и наукъ. Скажутъ ли, что это бѣдствіе свойственно нашему вѣку? Нѣтъ Г.Г. это зло, вызываемое нашимъ любознаниемъ, также старо, какъ міръ. Приливы и отливы океана не болѣе правильно подчинены теченію ночнаго свѣтила, какъ подчинена участь нравовъ и частной жизни прогрессу наукъ и искусствъ. Вездѣ исчезала добродѣтель, какъ только появлялся ихъ свѣтъ, и это явленіе замѣчено во всѣ времена, во всѣхъ странахъ.

„Взгляните на Египетъ съ его плодотворнымъ климатомъ подъ палящимъ небомъ, на эту славную страну гдѣ возникла первая всемірная школа, откуда Сесострисъ отправился для завоеванія міра.—Какъ только развились въ ней изящныя искусства и философскія ученія, она вскорѣ же сдѣлалась добычею Камбиза, потомъ грековъ, римлянъ, арабовъ, наконецъ турковъ.

„Взгляните на Грецію, нѣкогда заселенную героями, дважды побѣдившими Азію: однажды подъ стенами Трои, въ другой на собственной почвѣ. Зарождавшаяся образованность еще не пропитала тогда развратомъ сердца ее жителей, въ послѣдствіи же прогрессъ искусствъ, распушенность нравовъ и иго македонское слѣдовали вблизи другъ за другомъ. Греція, всегда ученая, всегда развратная и постоянно рабствующая, не имѣла болѣе иныхъ переворотовъ, кромѣ перемѣны своихъ властителей. Все

краснорѣчіе Демаэона не могло призвать къ жизни трупъ, пораженный искусствами и роскошью.

„Римъ, основанный пастыремъ и прославленный земледѣльцами, сталъ вырождаться во времена Энниевъ и Теренціевъ, но послѣ Овидіевъ, Катулловъ, Марціаловъ и столькихъ другихъ писателей, которыхъ имена оскорбляютъ стыдливость,—Римъ, нѣкогда храмъ добродѣтели, сдѣлался театромъ преступленій, омѣрзненіемъ народовъ, игрушкою варваровъ....

„Что сказать о столицѣ Византійской имперіи, которая по своему положенію, казалась, могла бы быть столицею міра, наукъ и искусствъ, изгнанныхъ изъ остальной Европы (можетъ быть болѣе по разсудку, чѣмъ по варварству). Все что развратъ и растлѣніе нравовъ имѣютъ постыднѣйшаго, а измѣны, убійства и отравленія отвратительнѣйшаго съ присовокупленіемъ самыхъ звѣрскихъ преступленій,—вотъ что составляетъ основу исторіи Константинополя, вотъ тотъ чистый источникъ, изъ котораго мы заимствовали просвѣщеніе, которымъ гордится нашъ вѣкъ.

„Противопоставимъ этимъ явленіямъ нравы малаго числа народовъ, предохранившихъ себя отъ заразы суетныхъ знаній,—народовъ, составившихъ своими добродѣтелями собственное счастье и послужившихъ примѣромъ для другихъ. Таковы были первобытные персы,—нація удивительная, у которой учили добродѣтели, какъ у насъ учатъ наукамъ. Персы легко покорили Азію, а слава ихъ учрежденій прослыла философскимъ романомъ. Таковы были и Скионы, о которыхъ остались великолѣпныя похвалы. Таковыми же выказали себя германцы, которыхъ простосердечіе, невинность и добродѣтель описывало съ отряднымъ для себя облегченіемъ перо (Тацита), утомленное изображеніемъ преступленій и мерзостей народа

просвѣщеннаго, богатаго и сладострастнаго. Таковъ былъ и самый Римъ во времена его бѣдности и невѣжества.

„Римъ наполнился потомъ философами и ораторами; военная дисциплина была пренебрежена, земледѣліе впадо въ презрѣніе; каждый присталъ къ какой нибудь сектѣ; объ отечествѣ все забыли; священныя имена свободы, безкорыстія, повиновенія законамъ замѣнились именами Эпикура, Зенона, Арцезиласа. Люди благомыслящіе тогда же говорили, что мудрецы исчезли между ними съ тѣхъ поръ, какъ появились ученые. До тѣхъ поръ римляне довольствовались исполненіемъ добродѣтели, но все погибло, когда стали ее изучать.

„И что такое философія? и что заключается въ твореніяхъ самыхъ извѣстныхъ философовъ? Послушавъ ихъ нельзя не принять ихъ за толпу шарлатановъ, изъ которыхъ каждый кричитъ: „ко мнѣ идите, я не обману.“ Одинъ полагаетъ, что нѣтъ тѣль, а все является въ представленіи; другой увѣряетъ, что нѣтъ инаго бытія, какъ матерія, ни бога, кромѣ природы. Этотъ утверждаетъ, что нѣтъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, и что нравственное добро или зло—не болѣе, какъ химера, а тотъ—что люди тѣ же волки и могутъ пожирать другъ друга съ совершенно спокойною совѣстію. О великіе философы! поберегли бы вы эти уроки для своихъ друзей или для своихъ дѣтей, отъ которыхъ скоро получили бы должное за нихъ возмездіе, избавивъ насъ отъ опасенія видѣть между нами вашихъ послѣдователей.

„Язычество, погруженное во всѣ заблужденія чело-вѣческаго ума, не оставило потомству ничего похожаго на тѣ постыдныя памятники, которые воздвигло книгопечатаніе при владычествѣ евангелія. Нечестивыя сочиненія Левципповъ и Диагоровъ погибли вмѣстѣ съ ними: тогда еще не было изобрѣтено искусство доставлять безсмертіе сумазбродству людей. Но теперь благодаря ти-

пографскому станку и употребленію, которое изъ него дѣлаютъ, зловредныя мечтанія Гоббеса и Спинозы останутся увѣковѣченными. Награды сыплются на острый умъ, а добродѣтель не получаетъ никакой. Есть тысячи оцѣнокъ для прекрасныхъ рѣчей и ни одной для высокихъ поступковъ.

„Съ самыхъ юныхъ лѣтъ безмысленное воспитаніе украшаетъ нашъ умъ, развращая разсудокъ (judgement). Вижу со всѣхъ сторонъ огромныя учебныя заведенія, гдѣ съ большими издержками обучаютъ юношей всему, кромѣ ихъ обязанностей.“

Эти выписки доказываютъ, что выводы Руссо, если прослѣдить ихъ путемъ исторіи, вѣрны и логичны: науки оправдать наукой нельзя; ея значеніе между дарами божіими опредѣляетъ религія, и въ первыхъ вѣкахъ христіанства великіе учителя церкви доказали собственнымъ опытомъ и примѣромъ, что наука въ ея естественныхъ предѣлахъ не унижаетъ, а возвышаетъ достоинство чело-вѣка, Руссо понималъ это лучше другихъ, будучи знакомъ съ твореніями св. отцевъ, что видно изъ его сужденій о философіи, почти буквально у нихъ заимствованныхъ, но зная противохристіанское направленіе мнимыхъ философовъ своего времени, онъ выпустилъ изъ исторіи цѣлую христіанскую цивилизацію первыхъ вѣковъ, когда религія поддерживала, возвышала и облагораживала науку. Увѣренный въ томъ, что энциклопедисты никогда не соплотятся на свидѣтельство христіанское, Руссо бросилъ въ нихъ парадоксальною частію своего сочиненія, которая помогла ему одурачить противниковъ и получить премію Дижонской академіи.

Ученіе матеріализма развилось въ 18 вѣкѣ до нравственной язвы, до атеизма, логически изъ него истекающаго, и всегда указующаго своимъ присутствіемъ на болѣзненное состояніе умственнаго чело-вѣческаго развитія, По-

пытка, сдѣланная въ первую французскую революцію приложить къ жизни это одурѣвающее ученіе, не выдержала самого краткаго испытанія: правительства и народы отступили отъ него съ ужасомъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ пришлось возвратиться къ истинной наукѣ въ ея естественной связи съ религіей.

Матеріалисты нашего времени, жалкіе преемники энциклопедистовъ, стали увѣрять, что всѣ жизненные въ человѣкѣ проявленія—физическія, умственные и нравственные,—связаны съ его организмомъ. Мозгъ создаетъ мысль, воображеніе, чувствительность, память, какъ печень отдѣляетъ отъ себя желчь пр. Если смерть уничтожаетъ отправленіе головнаго и спиннаго мозга и нервной системы, душа или то, что называютъ этимъ именемъ, уничтожается вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла.

Съ научной точки зрѣнія матеріалисты страдаютъ полнымъ отсутствіемъ логики: матерія разумная, разсуждающая и чувствующая представляетъ явное противорѣчіе и въ выраженіи и въ основаніи разсужденія. Матерія, одаренная мыслию и сознающая сама себя, не будетъ уже матеріею. Разумъ, мысль, воля не представляютъ вовсе качествъ, свойственныхъ матеріи, а именно: пространства, тяжести, непроницаемости, и потому не могутъ истекать изъ мозга или нервъ, принадлежащихъ къ матеріи. Мы понимаемъ и чувствуемъ, что состоимъ изъ двухъ субстанцій—мыслящей и немыслящей. Это—истина очевидная: съ одной стороны мысль есть такой фактъ, котораго никто не станетъ отрицать, а съ другой—всѣ понимаютъ, что ни рука, ни нога, ни борода вовсе не мыслятъ.

Если мы видимъ, что даже матерія не уничтожается, а по разложеніи своемъ принимаетъ новыя видоизмѣненія, оставаясь неразрушимою въ своихъ основныхъ элементахъ, то тѣмъ яснѣе выказывается, что душа, стоящая на высшей ступени творенія, еще менѣе подлежитъ

уничтоженію. Матерія имѣетъ, по крайней мѣрѣ, признаки разложенія, а душа ихъ вовсе не имѣетъ, слѣдственно она остается неизмѣнной и бессмертной.

При нынѣшнемъ состояніи науки, матеріализмъ не выдерживаетъ критики даже со стороны вещественной природы, что доказали опыты надъ эиризаціей: у людей, усыпленныхъ посредствомъ хлороформа, можно отрѣзать члены ихъ тѣла безъ малѣйшаго ощущенія боли. Человѣкъ становится трупомъ, у котораго прекратилась всякая физическая жизнь, между тѣмъ какъ въ это самое время жизнь духовная развивается въ сильнѣйшей степени, представляя самыя возвышенныя ощущенія.

Съ нравственной точки зрѣнія матеріализмъ доходить до противоестественнаго отрицанія Божественной и человѣческой справедливости, понятіе о которой неотдѣлимо отъ бытія человѣка и сосредоточено въ его совѣсти,—а совѣсть никогда милою не была. Поэтому нельзя усвоить себѣ мысли, чтобы злодѣй, обремененный преступленіями, погубившій множество невинныхъ людей, могъ умереть съ спокойною совѣстью и чтобы не было ни отвѣтственности, ни наказанія за сдѣланное имъ себѣ подобнымъ зло. Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы всѣхъ разумнѣй, обобравъ и разрушивъ счастье другихъ для доставленія себѣ одному наибольшей суммы физическихъ наслажденій. На оборотъ—несчастныя его жертвы, окончившія жизнь въ страданіяхъ, въ лишеніяхъ, въ презрѣніи, должны были бы умереть безъ всякой надежды на справедливость и на вознагражденіе въ будущемъ за все, что претерпѣли безвинно. Если бы Богъ, премудро устроившій правильное равновѣсіе во всей природѣ, допустилъ нарушеніе этой гармоніи въ отношеніи къ одному человѣку, то обвиненіе матеріалистовъ касалось бы самого Бога, признавая его несовершенство, а какъ Богъ несовершенный немислимъ, то они тѣмъ самымъ отри-

цаютъ Его бытіе и доходятъ до полнаго атеизма. Понятно, что матеріализмъ не имѣетъ никакого основанія ни научнаго, ни логичнаго, ни нравственнаго; это — гдое отрицаніе, но никакъ не философія. А какъ мы со всѣхъ сторонъ окружены не отрицаніями, но фактами, въ дѣйствительности которыхъ должны дать себѣ отчетъ, то матеріализмъ ничего необъясняющій не заслуживаетъ даже названія философскаго понятія.

И что такое прогрессъ и безконечное совершенствованіе человѣчества, о которомъ толкуютъ атеисты, какъ несознаніе безсмертія души, дѣлаемое ими помимо ихъ собственной воли? Ни левъ, ни волкъ не выказали еще никакого стремленія къ прогрессу или самосовершенствованію, оставшись при томъ же самомъ инстинктѣ, какой замѣченъ былъ у нихъ натуралистами за три тысячи лѣтъ назадъ. Какъ же опровергать безсмертіе души тѣми самыми доводами, которые доказываютъ его несомнѣнную истину?

Смерть не есть уничтоженіе, потому что созданіе и уничтоженіе — дѣйствія равносильныя, возможныя лишь для того, кто былъ способенъ сотворить. Смерть тѣлесная есть не болѣе, какъ разложеніе частей, а какъ душа ихъ не имѣетъ, то она ни разложиться, ни умереть не можетъ, и это объясняетъ высокое проявленіе ея духовной жизни при онѣменіи или постепенномъ угасновеніи силъ тѣлесныхъ.

Сколько ни страшно самоубійство, какъ злоупотребленіе человѣческой воли, но и оно доказываетъ различныя судьбы души и тѣла. Воля убиваетъ тѣло, но кто убьетъ волю?

Очень много нашихъ русскихъ медиковъ, изучавшихъ только явленія матеріальныя и пробавлявшихся надъ теоріями о пребываніи въ той или другой части мозга, такъ называемой души, далеко отстали отъ науки, кото-

рая со времени Бартеза (Barthez) и Лорда (Lordat) выдвинула впередъ систему *человѣческаго динамизма*, согласнаго съ ученіемъ евангельскимъ о двойственности человѣческаго бытія по выраженію Спасителя: „не бойтесь убивающихъ тѣло, но немогущихъ убить души (Матѳ. X. 28).“ „Жизненная сила, говоритъ Лордъ, увеличивается, развивается въ первой половинѣ человѣческой жизни, во второй же половинѣ этого поприща начинается пропорціональное уменьшеніе, прогрессивная старость всей тѣлесной системы, оканчивающаяся неизбежною смертію. Но сила психическая (душа) не испытываетъ этого необходимаго упадка, и если болѣзни не препятствуютъ ей, то отъ нея зависитъ непрестанно увеличивать свое достоинство (valeur) до послѣдняго предѣла жизни, такъ что минута старческой смерти, неразлучная съ послѣднею степенью изнеможенія, можетъ сопровождаться самымъ высокимъ развитіемъ интеллигенціи, вѣрностію и пронизательностію ея сужденій, короче всѣми способностями ей свойственными. Изъ этого мы почерпаемъ достовѣрность, что сила жизненная должна угаснуть и что смерть всей системы неизбежна, но мы не можемъ философически и индуктивно сказать тоже самое о силѣ психической, потому что она не испытываетъ *старости*, единственнаго признака, какой можно имѣть въ порядкѣ метафизическомъ о достовѣрности будущаго угасновенія (extinction)“ *).

Другія столько же достовѣрныя наблюденія доказываютъ, что при болѣзненномъ состояніи мозга, — матеріальнаго органа, приспособленнаго для передачи мысли, человекъ теряетъ правильное сознаніе своего бытія. Но при этомъ замѣчено, что чувство любви — высшей духовной способности никогда не утрачивается. При любви

*) Introduction à la doctrine de l'alliance entre l'âme pensante et la force vitale. Lordat. Montpellier 1847. p. 9.

людей окружающих психически больного, сначала он стихает, потом начинает приятно чувствовать эту любовь, далее сам отвечает на нее такою же, и затем появляется любовь к Богу, а с нею возвращаются и все умственные способности. Если физическая болезнь, влияющая на психическое состояние больного, неизлечима, то она из мозга переходит в другие части тела и выразится в иных симптомах. Вообще следует заметить, что при ослаблении всех телесных сил, разлагаемых старостию или болезнью, любовь может достигнуть самого высшего развития, доказывающего бессмертие души на канун разрушения тела. *)

Лорда говорит что „человеческий динамизм есть такой факт, в котором может сомневаться лишь начинающий учиться, те же кои решаются отрицать его, высказывают столько невежества, что им следует возвратиться в школу, чтобы доучиться“.

И действительно, нынешняя школа, проповедующая безверие, развращают умы и понятия одних лишь недоучек, неспособных, при своей распущенности и лени, приобрести истинное научное образование. Давно ли Штраус пытался путем сомнения найти в божественном лице Спасителя—лице легендарное, выражавшее идеал высокой нравственности, совмещенной в одном человеке, но такой рискованный тезис признан в самой Германии ниже всякой критики, потому что появление Спасителя на земле есть событие такой всемирной известности и такого необъятного значения, что к нему никакой легенды прибавить нельзя. Штраус умер, давно забытый в ученом мире, но попытка его подстрекнула

*) Эту истину, ныне признанную в науке, св. апостол Павел выразил так: „любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится“. (1 посл. к Коринте. XIII—8.)

школу новейших французских атеистов сделать открытое, дружное нападение на Церковь Христову по примеру того, какое совершили в свое время энциклопедисты и еще раньше их в 3 веке Цельс и его сообщники. Книга Ренана „жизнь Иисуса“ есть самонадеянное выражение целой школы, неподозревавшей, что истинная наука на столько сблизилась с учением Христа Спасителя, что борьба будет принята на почве разума, которым так долго кичились атеисты.

Все сочинение Ренана основано на отгадывании (divination), предположении (conjecture), при явном, презрительном расчете на невежество публики. Его сообщник и почитатель Шерер, превознося труд своего приятеля, высказывается так: „автор широко воспользовался предположениями. Он не столько искал воспроизвести доказательства, сколько впечатленье ими оставленное в его уме. Отгадывание артиста восполнит у него недостаток истории. Вернее сказать, мы будем иметь род истории болѣе возвышенный, в которой правдоподобие замѣнит истину. Если не будет в этом точного подлинника, то по крайней мѣрѣ выразится общій духъ событий, одна изъ формъ, въ которой они могли сложиться. Прибавимъ, что какъ бы нибыло ошибочно предположеніе, тѣмъ не менѣе оно будетъ имѣть свои выгоды. Публика не любитъ сомнѣнія: она не можетъ примириться съ высшей формулой науки, что человекъ ничего не знаетъ. Кто захочетъ писать исторію Иисуса, тотъ никогда не овладѣетъ воображеніемъ своихъ читателей, не произведетъ на нихъ никакого вѣрнаго, глубокаго впечатлѣнія, если не представитъ ихъ глазамъ личность понятную и опредѣленную. Анализъ свидѣтельствъ, взвѣшивание доказательствъ, сознание недостатка въ свѣдѣніяхъ,—все это относится къ ученымъ, а не къ публикѣ. Ренанъ

вполнѣ воспроизвелъ Христа, котораго отказывала ему исторія *)“.

Огюсть Никола справедливо замѣчаетъ, что въ словѣ *воспроизвелъ* (*reconstruit*), *вос* (*re*) совершенно лишній, потому что подобнаго Христа никогда не было.

Въ основаніи своего ученія Ренанъ ставитъ отрицаніе всего сверхъ естественнаго, такъ какъ не было будто бы чудесъ доказанныхъ, а ученикъ его Гаве (*Havet*) развиваетъ еще яснѣй мысль учителя: „чего нѣтъ въ природѣ того нигдѣ нѣтъ, развѣ только въ идеѣ.“

Такое ученіе есть чистый атеизмъ, потому что Богъ, постигаемый только въ идеѣ, не можетъ быть Богомъ.

Отрицаніе Божественности Спасителя столько же безразсудно и нелѣпо при существованіи пророчествъ Его провозвѣстившихъ и принадлежащихъ къ высшимъ духовнымъ чудесамъ, вполнѣ осуществившимся и провѣренными самой тщательной исторической критикой. Ренанъ *предположилъ*, что пророчество Спасителя, изложенное въ 21 главѣ евангелиста Луки, написано было послѣ разоренія Иерусалима и храма. Эту грубую ложь легко обличить тѣмъ, что окончательное исполненіе пророчества Христа: „не останется камня на камнѣ“, — послѣдовало въ царствованіе Юліана, когда были извлечены изъ земли и послѣдніе камни фундамента храма при твердомъ намѣреніи Юліана построить на томъ же самомъ мѣстѣ новый храмъ и тѣмъ доказать несостоятельность пророчества. Но камни были извлечены, а безпрестанно вырывавшееся изъ подъ земли пламя не допустило постройки новаго храма, о чемъ упоминаютъ даже языческіе писатели, въ томъ числѣ Аммианъ Марцелинъ, почитатель Юліана. Тутъ въ легендѣ подозрѣвать некого: все это происходило на глазахъ цѣлаго народа, безразлично — язычниковъ, евреевъ, христіанъ. Сверхъ того предска-

*) Temps. 14 Juin, 1863.

заніе о разореніи Иерусалима и храма предвозвѣщено было, какъ указываетъ самъ Спаситель, пророкомъ Данииломъ. Но Ренанъ, покрывая одну недобросовѣтность другою, умалчалъ о томъ, что Иосифъ Флавій, присутствовавшій при разореніи Иерусалима и храма, пишетъ, что все происшедшее давно было предсказано пророкомъ Данииломъ, который не только предвозвѣтилъ будущее, но означилъ и самое время исполненія своихъ пророчествъ. *)

Непрестанно нутаясь въ предположеніяхъ и противорѣчіяхъ, Ренанъ, соглашается наконецъ признать всѣ пророчества справедливыми, чтобъ только не признать пророчества Даниила, составляющаго по своей опредѣлительности камень преткновенія для атеистовъ всѣхъ временъ. Оно написано было, по мнѣнію Ренана не во время плѣненія вавилонскаго, а въ царствованіе Антиоха Эпифана за 175 лѣтъ до Р. Хр., чего однакожь никакимъ историческимъ фактомъ не подтвердилъ и ничѣмъ не опровергнулъ свидѣлествъ Иосифа Флавія и Аммиана Марцелина. Но если бы и по его предположенію пророчество Даниила или инаго пророка состоялось за 175, а не за 500 лѣтъ, тѣмъ не менѣе оно осталось бы пророчествомъ истиннымъ, откровеніемъ будущаго, фактомъ чудеснымъ, сверхъестественнымъ, засвидѣтельствованнымъ исторіею.

Французскій астрономъ Шезо (*Cheseaux*) сдѣлалъ даже астрономическія открытія, основанныя на пророчествахъ Даниила, а знаменитый астрономъ Кассини, довѣрявшій его вычисленія движеній солнца и луны, выведенныя изъ цикла Даниилова, по меридіану іерусалимскому, нашелъ ихъ доказанными и совершенно соответственными самымъ точнымъ требованіямъ астрономіи.

*) Древн. іудейскія вѣд. X. гл. 11. 3. 7.

„Кто могъ подозрѣвать, прибавляетъ Бонетъ, что изученіе пророка доставить астрономіи болѣе точный приѣмъ вычисленій, чѣмъ тотъ какой употреблялся прежде? *).

Съ другой стороны, возможно ли было въ народѣ іудейскомъ, который такъ строго сохранялъ не токмо букву, но даже іоту закона, ввести въ ритуаль вѣтхозаконной церкви цѣлое подложное пророчество?

Подавленный величіемъ Божественной истины, доказанной на почвѣ разума фактами исторіи, вѣрованіемъ цѣлаго народа и даже вычисленіями математическими, Ренанъ рѣшился укрыться за слѣдующею фразою: „благодаря нѣкотораго рода пророческому смыслу, который по временамъ дѣлаетъ семита чрезвычайно способнымъ *прорывать великія очертанія будущаго*, еврей ввелъ исторію въ свою религію (*grâce à une espèce de sens prophétique, qui rend par moments le semite merveilleusement apte à voir les grandes lignes de l'avenir le juif a fait entrer l'histoire dans la religion*) **).

Ренанъ пошелъ и на дальнѣйшія уступки: „Иисусъ, говоритъ онъ, составляетъ общую честь для всякаго въ комъ бьется человѣческое сердце.

„Вся исторія безъ него осталась бы непонятою. ***)

„Судьбы человѣчества нашли, наконецъ, своего истолкователя въ несравненномъ человѣкѣ, которому сознаніе всего міра дало названіе сына Божія, и по всей справедливости, потому что онъ поднялъ религію на такую высоту, на которую никто не могъ, и вѣроятно, никогда не возможетъ ее поднять. ****)

*) Recherches philosophiques sur les preuves du christianisme, par Bonnet. Amsterdam. 1783—p. 163 note.

*) Vie de Jésus, par Renan. p. 47.

***) id. p. 12.

****) id. p. 59.

„Превосходя могуществомъ всякую иную созданную волю, онъ до сихъ поръ управляетъ судьбами человѣчества. *).

„Каждый изъ насъ обязанъ ему всѣмъ, что находить въ себѣ лучшаго.

„Иисусъ не имѣетъ себѣ равнаго, слава его остается всецѣлою и будетъ всегда возобновляться. **).

„Небольшіе города, гдѣ онъ проповѣдывалъ и о которыхъ человѣчество будетъ вѣчно говорить, какъ объ Римѣ и Афинахъ, уже исчезли и сомнительно, чтобъ когда нибудь опредѣлили мѣста, на которыхъ человѣчество желало бы облобызать слѣды его ногъ. ***).

„Нравственность евангельская есть высочайшее созданіе человѣческаго сознанія, изящнѣйшій кодексъ жизни совершенной, какой не изобразилъ намъ ни одинъ моралистъ, мы всѣ сдѣлались его учениками и послѣдователями. Онъ положилъ вѣчный камень основанія истинной религіи; если же религія составляетъ существенную потребность человѣчества, то онъ заслужилъ божественное званіе, (*ganz*), за нимъ признанное. ****).

Иисусъ основалъ религію человѣчества и никогда не выйдутъ изъ существеннаго познанія имъ созданнаго. Онъ навсегда установилъ идею истиннаго богопочитанія (*culte*).

„По какой-то исключительной судьбѣ, чистое христіанство по истеченіи 18 вѣковъ еще выражаетъ собою религію *всеобщую и вѣчную*. И дѣйствительно религія Иисуса есть въ нѣкоторомъ смыслѣ религія окончатель-

*) id. p. 46.

**) id. p. 283. 93.

***) id. p. 14.

****) id. p. 89.

ная. Для того, чтобъ возродиться, нужно только возвратиться къ евангелію. *)).

Эти уступки Ренана современной наукѣ, оцѣнившей міровое значеніе евангелія Христа Спасителя, взволновало весь лагерь невѣрующихъ, и Шереръ, пріятель Ренана, отозвался, нескрывая своего негодованія, что если Иисусъ Христосъ такой человѣкъ, то онъ уже не человѣкъ. **)

Другой же атеистъ Сентъ-Бевъ сказалъ, что онъ не можетъ себя представить, чтобы такой человѣкъ, какимъ авторъ описываетъ Иисуса, могъ быть на столько божественнымъ, чтобъ не быть Богомъ. ***).

Чтобъ выкупить невольно сдѣланныя сознанія и удовлетворить школу, къ которой принадлежалъ, Ренанъ (печатавшій свое сочиненіе постепенно въ періодическихъ изданіяхъ), сталъ противорѣчить всѣмъ своимъ прежнимъ выводамъ. Въ этой части своего труда онъ принялся выдумывать событія *по отгадыванію*, основанному на выраженіяхъ: *Можетъ быть, вѣроятно, я склоненъ вѣрить, надо полагать* и пр. и наконецъ прибѣгъ къ богохуленіямъ, прикрывая ими свое безсиліе. Въ такомъ безвыходномъ положеніи онъ принялъ на себя неблагоприятную роль защитника Пилата, евреевъ, требовавшихъ распятія Спасителя и даже Іуды искаріотскаго, о которомъ говорить: *Можетъ быть, удалившись въ свое поле Гакельдама* (поле крови), Іуда проводилъ тамъ жизнь мирную и неизвѣстную, тогда какъ его старые друзья покоряли міръ, покрывая безславіемъ его имя. ****). „Зайти далѣе въ область смѣшнаго невозможно. Книга Ренана, по справедливой оцѣнкѣ Огюста Никола, есть не болѣе, какъ паск-

*) id. p. 444—446.

**) Revue des deux mondes. 1. août, 1863: p. 590, 592.

***). Constitutionnel. 7. Septembre, 1863.

****). Vie de Jesus. p. 428. 435.

виль, подрумяненный романомъ. Появленіе этого сочиненія замѣчательно только потому, что цѣлая атеистическая школа, которой Ренанъ былъ важнѣйшимъ представителемъ, вызвавъ церковь Христову на открытую борьбу, была безъ особаго труда побита на почвѣ разума и истинной науки.

Намъ остается теперь упомянуть о тѣхъ школахъ и писателяхъ, о которыхъ такъ часто толкуютъ въ обществѣ безъ яснаго сознанія ихъ направленія. Еще недавно возникла во Франціи философія, называющая себя *положительною* (philosophie positive); первый основатель этого позитивизма Августъ Контъ (Comte) выразилъ претензію покончить со всѣми химерами, признавая истиннымъ въ природѣ и жизни только реальное, осязательное, видимое. Литре, одинъ изъ главныхъ представителей этой школы, устраняетъ Создателя изъ природы и Провидѣніе изъ исторіи. Констатировать явленія, опредѣляя ихъ законы,—вотъ предѣлъ нашего знанія, говорятъ позитивисты, за тѣмъ мы никому не мѣшаемъ мечтать по своей фантазіи о прошедшемъ, какъ и о будущемъ. Умы дѣйствительно свободно мыслящіе стараются ничего не знать изъ того что выше опыта: они не отрицаютъ Бога, а только устраняютъ его изъ мысли. Но Литре въ томъ же самомъ сочиненіи въ которомъ отвергаетъ всякое метафизическое утвержденіе, черезъ три страницы далѣе говоритъ о *вѣчныхъ* двигателяхъ *безграничной* вселенной, а какъ *вѣчность* и *безграничность*—атрибуты Божества, то отказываемое Богу обожаніе переносится на міръ имъ созданный. Ломбраль (Lombroso) въ сочиненіи своемъ, пересмотрѣнномъ самимъ Контъ, выразилъ эту мысль еще опредѣлительнѣй: „человѣкъ, говоритъ онъ, всегда обожалъ человѣчество“. И вотъ позитивизмъ, начавшій съ совершеннаго скептицизма о всемъ, что выходитъ изъ предѣловъ опыта, кончаетъ тѣмъ, что отри-

чая Бога, признаетъ гуманитарный атеизмъ—обожаніе человѣка.

Вся эта перекроенная изъ обвѣтпалыхъ ученій философія не стоила бы труда говорить о ней, если бы не была вредна въ примѣненіи ея нравственной стороны къ дѣйствительной жизни: всякой чиновникъ-взяточникъ говоритъ о *реальномъ* направленіи, т. е. видимомъ, осязательномъ способѣ набить свой карманъ; преступникъ, ограбившій частныхъ лицъ или цѣлое общество, драпируется на скамьѣ подсудимыхъ тою же реальностію. Наконецъ, нѣтъ той степени человѣческаго разврата, который не прикрывалъ бы себя *реальнымъ направленіемъ*, отрицая всякое чувство добра и чести, какъ существующее лишь въ идеи.

Школа критиковъ, во главѣ которой стоитъ Ренанъ, есть только отрасль того же позитивизма съ одинаковою претензією ограничиться въ предѣлахъ опыта, но какъ для критиковъ этого не было достаточно, то они стали разсматривать религію, искусства, философію изъ чистой будто бы любознательности, находя что послѣдовательность человѣческихъ вѣрованій любопытна, но что самое время вѣрованій кончилось. По этому, отвергая верховное бытіе единого Творца вселенной, они проповѣдуютъ полный матеріализмъ, отыскивая въ атомахъ и въ законахъ, ими управляющихъ, объясненія всей міровой жизни: единственный выводъ ихъ ученій—обогащеніе человѣкомъ самого себя, что какъ разъ соответствуетъ реальному направленію, или точнѣе самому грубому идолопоклонству.

Въ Германіи Фейербахъ, принявъ за точку отправленія Гегелевскій идеализмъ, доказывалъ, что если вселенная есть развитіе идеи, а не созданія единой воли, то все въ мірѣ должно слѣдовать закону необходимости, а гдѣ все необходимо, тамъ все законно,—похоти плоти

столько же, какъ требованія мысли и совѣсти, а между тѣмъ извѣстно, что плоть, однажды освобожденная, всегда кончаетъ тѣмъ, что подавляетъ разумъ и совѣсть, низводя человѣка до уровня дикаго звѣря. Фейербахъ снялъ съ атеизма всѣ покровы: по его мнѣнію нѣтъ иной безконечности, кромѣ безконечности мысли, нѣтъ ничего выше насъ, нѣтъ закона для насъ обязательнаго, нѣтъ власти для господства надъ нами; цѣль новѣйшей науки—освободить человѣка отъ Бога.... Стернеръ сдѣлалъ послѣдній выводъ изъ этого ученія: „пусть погибнетъ народъ, погибнетъ Германія, погибнутъ всѣ европейскія націи, только бы человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ призраковъ (fantômes) религіи, достигъ наконецъ своей полной независимости! *), а что подобный выводъ, въ которомъ исчезаетъ и послѣдній слѣдъ здраваго смысла, истекаетъ изъ болѣзненнаго растройства умственныхъ способностей,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; удивительно лишь то, что такимъ людямъ довѣряютъ обученіе юношества, не подозревая, что умственная эпидемія, по тѣмъ же законамъ какъ физическая, заражая, уничтожаетъ нормальное состояніе человѣка.

Книга Бюхнера „Сила и матерія (Kraft und Stoff)“ отличается лишь дерзкою постановкой матеріализма съ такими же претензіями автора строго держаться на почвѣ опыта, но какъ онъ объявляетъ, что матерія вѣчна, а міръ безконеченъ, то спрашивается; кто же прожилъ столько времени, чтобъ убѣдиться путемъ опыта въ вѣчности матеріи и столько пространствовалъ во вселенной, чтобъ опредѣлить наблюденіемъ ея безконечность.

Нельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ и теоріи Дарвина, которымъ чуть не божились наши русскіе естествоиспытатели: его гипотеза состоитъ въ томъ, что не только

*) Revue des deux mondes. 15 авіт., 1856. p. 288.

животные, но всё растѣнія происходятъ отъ одного первоначальнаго типа, отъ одной живой клѣточки. Почва, климатъ, пища, образъ жизни, естественный подборъ произвели разнообразныя модификаціи въ живой первоначальной клѣточкѣ, изъ которой чрезъ постепенный рядъ преобразованій обезьяна переродилась въ человѣка. Говорятъ, что матерія совершенствуется и организуется съ теченіемъ времени; но откуда же она взялась? Ужели и она образуется мало по малу въ продолженіе времени и ничтожество, въ свою очередь, постепенно становится бытіемъ“. Если нынѣшніе люди — потомки древнихъ полиповъ, то зараждаются ли нынѣ такіе полипы безъ предковъ, изъ которыхъ произойдетъ будущее человѣчество? Существуютъ ли теперь такія живыя клѣточки, изъ которыхъ возникаетъ цѣлый рядъ твореній? Говорятъ: человѣкъ есть усовершенствованная обезьяна, но логически разсуждая, каждая совершенствующаяся вещь осуществляетъ свою собственную идею, но не становится другою вещью: совершенная обезьяна была бы обезьянѣею изъ обезьянъ, но отнюдь не человѣкомъ. И могутъ ли обезьяны быть нашими предками, когда живутъ вмѣстѣ и одновременно съ нами: не справедливѣе ли было бы называть ихъ нашими двоюродными братьями?

Теорія Дарвина въ примѣненіи ея къ жизни порадила излюбленное распушенной молодежью ученіе о *борьбѣ за существованіе*, оправдывающее всякое преступленіе, лишь бы человѣкъ извлекъ изъ него свою личную матеріальную пользу. На этой послѣдней грани матеріализма человѣкъ становится ниже хищныхъ птицъ и звѣрей, питающихся растерзанной ими добычею, но никогда не посягающихъ на существованіе себѣ подобныхъ.

Мы не станемъ утомлять далѣе вниманіе читателей изложеніемъ всѣхъ болѣзненныхъ проявленій человѣческаго ума въ наше время, такъ какъ здравый смыслъ и

истинная наука уже на столько окрѣпли, что не могутъ болѣе страшиться замаскированнаго невѣжества, такъ долго прикрывавшагося ученымъ фразерствомъ безъ логики и безъ смысла. Мы закончимъ эту главу сочувственными для насъ строками извѣстнаго писателя Навиля, признающаго народъ русскій добрымъ и благочестивымъ, но еще мало образованнымъ; духовенство — слишкомъ отдѣленнымъ отъ гражданскаго общества, а молодыхъ дворянъ и воспитанниковъ университетовъ — проникнутыми принципами безвѣрія.

„Призывъ къ свободѣ, говоритъ онъ, столькихъ милліоновъ людей, совершившійся по великодушнѣйшей инициативѣ власти и съ согласія народа, свидѣтельствуетъ что эта исполинская нація оживлена духомъ жизни и прогресса. Но Россіи въ торжественномъ фазисѣ, который она проходитъ, угрожаетъ важная опасность: она рискуетъ замѣнить развитіе народное, почерпаемое въ великихъ источникахъ человѣческой природы, цивилизаціей искусственной, въ которой будутъ фигурировать и парижскія моды и закулисные нравы и самыя нечестивыя ученія Запада. Да сохранить ее Господь!“ *)

ГЛАВА VII.

Благочестивыя преданія, обыкновенія и различныя проявленія въ духовной и физической природѣ человѣка.

Православный христіанинъ обязанъ непоколебимо содержать всѣ догматы, вѣры, опредѣленные св. православною церковію, иначе онъ самъ себя лишитъ счастья быть членомъ этой церкви, которой глава — самъ Христосъ. Но помимо этихъ догматовъ, есть много благочестивыхъ

*) Le Père céleste; Genève. 1866. p. 140.

преданій, много событій и явленій, чтимыхъ вѣрующими. Враги Божественной религіи изъ за того, что несоставляетъ догматовъ вѣры, но что относится къ благочестивымъ обычаямъ христіанъ, или къ событіямъ уже разъясненнымъ современной наукой, или къ явленіямъ духовнаго міра, засвидѣтельствованнымъ 18-ти вѣковою исторіею христіанства, вооружаются противъ самой религіи. Такъ въ церковной исторіи не разъ упоминается о каменномъ градѣ, и этого было достаточно для самоудовлетворенныхъ ученыхъ прошедшаго столѣтія, чтобы поставить вопросъ: какъ могутъ камни падать съ неба? Но еслибы эти люди серьезно учились, то знали бы, что въ Римѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, послѣ каждаго, выпавшаго каменнаго града, заносившагося въ государственную лѣтопись, совершалась религіозная экспіація. Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія, выпавшіе во Франціи въ огромномъ количествѣ камни обратили на себя вниманіе ученыхъ, и теперь, послѣ всѣхъ произведенныхъ изслѣдованій, никто не сомнѣвается въ существованіи аеролитовъ. Приведемъ другой примѣръ: сраженіе и побѣда Св. Георгія надъ морскимъ чудовищемъ, пожиравшимъ людей, считались невѣрующими чистымъ вымысломъ, порожденнымъ воображеніемъ церковныхъ писателей, потому что подобныхъ чудовищъ нѣтъ и никогда не было. Опять тоже самое незнаніе исторіи. Извѣстно, что когда Регуль отправился съ своими легіонами въ Африку и расположилъ свой станъ вблизи рѣки Баградъ, къ нему однажды прибѣжали испуганные воины, донося, что змѣя огромной величины схватила на берегу рѣки и пожрала многихъ изъ ихъ товарищей. Консуль, отправившійся съ своею свитой на коняхъ на мѣсто происшествія, чуть самъ не сдѣлался добычею чудовища, и только быстрота коней спасла его и слѣдовавшій за нимъ отрядъ. На другой день все войско двинулось къ рѣкѣ,

но лишь только змѣя развернула свои исполинскія кольца и бросилась на кавалерію, лошади, взвившись на дыбы, поскакали назадъ. Подошедшіе легіоны пустили въ это чудовище тучу копій, которыя отскакивали отъ его твердой чешуи или попадали ему въ мѣста неопасныя. Когда же змѣя съ страшнымъ шипѣньемъ и разинутою пастью набросилась на войско, то оно все обратилось въ бѣгство; воины отставшіе назадъ были тотчасъ ею пожраны. Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ новый походъ съ катапультами и балистами, замѣнявшими нынѣшнюю артиллерію: пущенные камни въ нѣсколько пудовъ вѣса, раздробили чудовищу сначала спину, а потомъ голову. Длина его простиралась болѣе 100 футовъ. Въ новѣйшее время скелетъ подобнаго чудовища найденъ въ Америкѣ и находится въ Нью-Йоркѣ: длина его 115 ф., а вѣсъ—168 пуд. Недавно еще капитанъ англійскаго судна British Vapner, Тейлоръ, встрѣтилъ такое же чудовище, нынѣ весьма рѣдко видимое, за тропикомъ подъ 12°—7'8" широты и 93°—52' восточной долготы. По донесенію его отъ 25 апрѣля 1860 г. Змѣя эта была длиною не менѣе 300 фут.; толщина равнялась очень широкой кринолиновой юбкѣ; спина—черная, грива—косматая, на головѣ—рогъ, глаза—большіе, весьма близкіе къ носу, челюсти—около 8 футовъ длины. Чудовище высунулось на 30 футовъ изъ воды и ухватило бугшпритъ, такъ что онъ упалъ за бортъ вмѣстѣ съ парусами и снастями, которые оно проглотило безъ малѣйшаго затрудненія. Самый толстый канатъ оно порвало, какъ нитку. Неизвѣстно чѣмъ бы кончилась эта встрѣча, если бы на разстояніи съ милю отъ корабля не появился китъ; змѣя бросилась за нимъ съ быстротою молніи, ударивъ хвостомъ въ корабль и сломавъ его вахтенную галерею. За тѣмъ змѣя не появлялась болѣе.

Замѣчательно, что св. Георгій на самыхъ древнихъ изображеніяхъ представленъ поражающимъ чудовище въ открытую пасть—единственное мѣсто, въ которое сильная рука могла поразить его на смерть. Слѣдовательно событіе это, занесенное въ лѣтописи, имѣетъ за себя ту же историческую достовѣрность, какъ пораженіе чудовища каменометательными снарядами Регула.

Чудовище, описанное въ 41 главѣ Іова, нисколько не походитъ ни на кита ни на другихъ морскихъ животныхъ, нынѣ извѣстныхъ, но видимо соответствуетъ описанію морской змѣи, напавшей на римскіе легіоны въ первую пуническую войну и видѣнной въ новѣйшее время капитаномъ Тейлоромъ.

Начиная съ необъятнаго правильнаго устройства вселенной, созданнаго единымъ словомъ Божіимъ, вездѣ, на каждомъ шагу встрѣчаются чудеса всемогущества и премудрости Вседержителя, и потому нѣтъ ничего безразсуднѣй, какъ глумленіе надъ чудесами, свойственное всѣмъ невѣждамъ съ претензіями на знаніе, котораго не имѣютъ. Есть еще много неизслѣдованныхъ явленій даже въ мірѣ физическомъ, отрицаемыхъ одними и принимаемыхъ за чудеса другими; есть невѣсомыя вещества и силы, какъ на примѣръ, магнетизмъ, электричество и пр., составляющія какъ бы переходъ отъ жизни физической къ жизни духовной. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ предложилъ намъ указать въ толпѣ человѣка, котораго онъ заставитъ своимъ взглядомъ обернуться и посмотрѣть ему прямо въ глаза. Когда индивидуумъ былъ указанъ, онъ устремилъ ему въ затылокъ свой взглядъ и всю свою сосредоточенную волю, — и мы замѣчали, какъ тотъ сталъ сперва покачивать головою, потомъ постепенно обращать ее назадъ, покамѣстъ не встрѣтилъ глазами тотъ взглядъ, подѣ влияніемъ котораго онъ состоялъ въ эту минуту. Соединенная магнетическая сила нѣсколькихъ лицъ, со-

ставляющихъ одну цѣпь, заставляетъ безъ затрудненія двигаться столы, что было извѣстно еще въ глубокой древности. Та же сила проявляется въ спиритизмѣ. Мы не станемъ здѣсь повторять исторію спиритизма, изложенную въ другомъ нашемъ сочиненіи „о католицизмѣ по католическимъ источникамъ“, но не можемъ не указать, что язычники въ первыхъ вѣкахъ христіанства занимались спиритизмомъ со страстію, съ увлеченіемъ: то была естественная реакція противъ матеріализма, котораго безотрадное ученіе невольно отталкивало отъ себя умъ и сердце многихъ язычниковъ. Ни церковь, ни ея учителя не придавали въ то время никакого особаго значенія проявленіямъ спиритизма. Та же магнетическая сила (инаго ей термина въ современной наукѣ еще нѣтъ) вызывала духовъ или точнѣе живыя ихъ представленія, которыя по временамъ проявляются и въ отдѣльныхъ личностяхъ. Мы знали одну образованную женщину, которая иногда во время прогулки съ своими знакомыми вдругъ кланялась и начинала разговаривать съ человекомъ, представившимся ея воображенію. Когда же исчезало видѣніе, созданное ея воображеніемъ, она извинялась передъ своими знакомыми въ своемъ болѣзненномъ припадкѣ, котораго причины объяснить не могла. Такія же представленія проявляются во многихъ нервныхъ припадкахъ. По этому нисколько не удивительно, что соединенная сила медиума и участвующихъ въ сеансѣ лицъ способна вызвать воображаемыхъ духовъ до представленія нагляднаго, которому не могутъ не вѣрить глаза зрителей, неподозрѣвающихъ, что эти видѣнія вызваны изъ нихъ самихъ. Древніе оракулы и медиумы сами не умѣли объяснить своего экзальтированнаго состоянія, но рядомъ съ ними являлись христіанскіе заклинатели (экзорцисты)—самой высокой, чистой жизни и непоколебимой вѣры: по ихъ приказанію эти медиумы торжественно

сознавались предъ всѣми присутствовавшими, что въ ихъ дѣйствіяхъ заключается ложь, обманъ, искушеніе демонское. Этотъ фактъ былъ въ свое время на столько достовѣренъ, что Тертуллианъ могъ смѣло сказать: казните немедленно христіанина передъ которымъ не будетъ сдѣлано этого признанія со стороны тѣхъ (медіумовъ, аракуловъ и пр.), которые признаютъ себя вдохновенными божественнымъ духомъ, будто бы исходящимъ изъ ихъ трепещущей груди въ словахъ отрывистыхъ "... и прибавляетъ: „эти-то признанія и доставляютъ намъ столько христіанъ, потому что повѣривъ имъ, нельзя не увѣровать во Христа *)“. Сверхъ того, всѣ отвѣты вызванныхъ воображеніемъ духовъ не выходятъ изъ предѣловъ понятій медіума и вопрошающихъ его лицъ, и потому по всѣмъ незнакомымъ имъ предметамъ, отвѣты ихъ становятся смутными и непонятными. Сколькимъ римскимъ императорамъ (Юліану, Каракаллѣ и пр.) мнимовызванные духи обѣщали славу и долготѣнную жизнь, между тѣмъ, какъ они погибли насильственной смертію почти въ слѣдъ за пророчествомъ, обѣщавшимъ имъ долговременное благоденствіе. Необъятное же могущество вѣры христовой признавали сами древніе спириты, какъ это видно изъ исторіи Симона волхва, который на равнѣ съ Аполлономъ тѣанскимъ славился въ языческомъ мірѣ своими мнимыми чудесами. Сознавая свое безсиліе передъ единой силой истиннаго Бога, онъ хотѣлъ за деньги приобрести Святаго Духа и получилъ въ отвѣтъ отъ св. Петра: „серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Вожій получить за деньги **).

Отъ силы магнетико-спиритской, стоящей на границахъ физической природы человѣка, мы должны перейти къ силѣ ясновидѣнія, проявляющагося большею

*) 1 Апол. Терт. гл. XII, XIII.

**) Дѣян. ап. VIII, 20.

частью въ его духовной природѣ. Мы наблюдали эту силу въ личностяхъ высоко нравственныхъ при совершенномъ изнеможеніи ихъ силъ тѣлесныхъ. Въ одной молодой жѣнщинѣ, видимо угасавшей, развивалась духовная жизнь въ ясновидѣніяхъ, которыя окружавшіе ее близкіе ей люди принимали иногда за бредъ, такъ однажды она сказала: „въ эту минуту тетка Е. И. садится съ обѣими моими кузинами въ экипажъ и ѣдитъ къ намъ“. И дѣйствительно тетка и кузины, бывшія въ то время за 700 верстъ, пріѣхали чрезъ нѣсколько дней и удостовѣрили, что выѣздъ ихъ изъ дома послѣдовалъ въ тотъ самый день и часъ, когда видѣла это больная своимъ внутреннимъ духовнымъ зрѣніемъ. Она сказала однажды окружавшимъ ея роднымъ, что всѣ они въ слѣдующее воскресенье отправятся въ церковь и она вмѣстѣ съ ними. Думали также, что это бредъ, но въ назначенное ею воскресенье всѣ дѣйствительно отправились въ церковь, сопровождая ея гробъ. Не менѣе удивительно то, что она повторяла не разъ своимъ близкимъ роднымъ: „молитесь св. великомученицѣ Варварѣ“. Въ это время никто изъ нихъ не думалъ о возможности быть когда нибудь въ Кіевѣ, куда чрезъ нѣсколько лѣтъ они переселились потомъ на постоянное жительство вблизи Михайловскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи св. великомученицы. Другая дѣвушка съ высокимъ духовнымъ развитіемъ при такомъ же изнеможеніи тѣлесномъ предсказала день своей смерти. Описывая все это изъ личнаго наблюденія мы не въ состояніи вѣрить ясновидящимъ, которыхъ сеансы оплачиваются деньгами.

Сновидѣнія, въ которыхъ прозрѣвается будущее, составляютъ явленія рѣдкія, не констатированныя исторіею съ самой глубокой древности. Въ наше время одинъ молодой челоуѣкъ, получившій благочестивое христіанское воспитаніе, попалъ впоследствии въ общество не-

вѣрующихъ, которые всегда прикрываютъ свое невѣжество претензіями на высокое образованіе. Сомнѣніе закралось въ его умъ, но сердце возмущалось ученіемъ, убивавшимъ всякую любовь къ Богу и къ ближнему и отрицавшимъ все высокое и святое, что такъ тщательно было развито въ его умъ материнскимъ воспитаніемъ. Онъ говорилъ себѣ: еслибы я осязательно для ума убѣдился въ безсмертіи души, то снова сдѣлался бы христіаниномъ, какимъ былъ. Въ это самое время мать его, женщина высокой духовной жизни, умерла за 300 верстъ отъ него, но въ ночь и часъ своей кончины, она явилась ему во снѣ, благословила его и простилась, сказавъ: „я отправляюсь въ горній Іерусалимъ: мы долго съ тобою не увидимся“. Онъ проснулся съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что въ этотъ часъ онъ лишился матери.

Въ послѣдствіи, будучи женатъ, онъ отправился на службу въ Вильну, а жена его осталась на нѣкоторое время въ Орловской губерніи. Въ одну ночь онъ опять увидѣлъ во снѣ мать, которая привела къ нему отца, и они оба вмѣстѣ его благословили; проснувшись, онъ сказалъ: мать моя не обманетъ меня: я лишился отца; и въ тотъ же день написалъ о томъ къ женѣ, которая на одной почтѣ получила увѣдомленіе о смерти тестя отъ дѣвера, жившаго при отцѣ въ Смоленской губерніи, и отъ мужа, бывшаго въ Вильнѣ и узнавашаго объ этой кончинѣ изъ откровенія во снѣ. Не понятно ли, что душа матери не умерла вмѣстѣ съ ея тѣломъ, но посѣщала сына въ явленіяхъ для его ума реальныхъ, дабы убѣдить его въ безсмертіи души и въ святыхъ истинахъ христіанства, которыя были ему переданы ея благочестивымъ воспитаніемъ.

Людямъ, которые во всемъ сомнѣваются, мы можемъ повторить слова древняго мудреца: усомнитесь же и въ вашемъ сомнѣніи.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ проявленій духовной силы, удостовѣренной наблюденіемъ современнымъ. Почти на нашихъ глазахъ жилъ въ Саровской пустынѣ извѣстный Серафимъ; слову котораго повиновались дикіе медвѣди; въ брянскомъ уѣздѣ, какъ намъ лично извѣстно, жилъ пустыльникъ Арсеній, по зову котораго приходили дикіе зайцы и ѣли изъ рукъ его картофель, составлявшій его собственную, единственную пищу.

Одна дѣвушка, Александра Васильевна Л..., не смотря на свое бѣдное состояніе, посвятила себя съ самыхъ юныхъ лѣтъ попеченію и заботамъ о родителяхъ, сестрахъ, наконецъ о каждомъ страждущемъ ближнемъ. Ее никогда не видали на пирахъ и празднествахъ, но она являлась, какъ ангелъ утѣшитель, повсюду, гдѣ только слышится человѣческую скорбь. Развивая въ глубокомъ смиреніи свои духовныя силы, она достигла наконецъ той нравственной высоты, передъ которою смолкаетъ всякое злословіе. Начиная отъ малыхъ дѣтей, для которыхъ съ ихъ вѣрнымъ инстинктомъ добра, появленіе Александры Васильевны было встрѣчаемо съ шумнымъ восторгомъ и кончая людьми всѣхъ возрастовъ и сословій, всѣ любили ее; она всѣмъ была нужна. Чтобы принести наибольшую пользу ближнимъ, она изучала свойства многихъ травъ и лекарствъ, что было такъ важно въ той мѣстности, гдѣ она жила вдали отъ городовъ, аптекъ и всякихъ медицинскихъ пособій. Больные, особенно изъ бѣдныхъ людей, стекались къ ней во множествѣ, а между тѣмъ, при ея недостаточномъ состояніи, у ней часто не хватало средствъ купить нужныя имъ лекарства. Тогда въ самѣ ея замѣчали, что она, давъ съ вѣрой и молитвой одной чистой воды, молилась потомъ цѣлую ночь и трудно больные выздоравливали. Съ благоговѣніемъ произносимъ имя этой дѣвушки, зная, что есть еще много людей, сохранившихъ до сихъ поръ благодарную о ней память.

Ея подвиги добра и сила въ нихъ заключавшаяся, оправдаются изреченіемъ Спасителя: „и все что ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите (Ев. отъ Мат. XXI, 22)“.

Скажемъ словами Навиля *): „въ каждомъ изъ насъ заключается болѣе зла, чѣмъ мы предполагаемъ, но въ цѣломъ мірѣ содержится болѣе добра, нежели сколько намъ обыкновенно извѣстно. Есть сокрытыя добродѣтели, которыя обнаруживаютъ лишь вѣра ихъ отыскивающая и вниманіе ихъ открывающее.“ И въ нашемъ вѣкѣ, при оскудѣніи вѣры, порой являются тѣ же благотворныя для страждущаго человѣчества чудеса, какія описаны въ житіи святыхъ. Что было возможно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, то возможно теперь и во всякое время, но только для людей достигшихъ высшаго духовнаго совершенствованія путемъ постоянного и продолжительнаго очищенія ума, воли и сердца. На этой лишь высотѣ духа развивается та сила, о которой Христосъ сказалъ, „если вы будете имѣть вѣру съ зерно горчишное и скажите горѣ сей: перейди отсюда туда, то она перейдетъ; и ничего не будетъ вамъ невозможнаго (Ев. Мат. XVII, 20)“, Посылая апостоловъ на проповѣдь евангелія, Онъ сказалъ: „Больныхъ испѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте: даромъ получили, даромъ и давайте (Мат. X, 8).“ Если люди, сошедшіе на низшую степень животной жизни, не постигаютъ духовнаго въ молитвѣ общенія съ Богомъ, ни наитія свыше той силы, которая совершаетъ чудеса, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: они добровольно понизили свой умственный и нравственный уровень до неспособности постигать высокій строй духовной жизни. И чѣмъ можно объяснить ихъ ненависть къ житіямъ святыхъ? Причина одна: описаніе подвиговъ добра и вѣры,

*) Le Père céleste. p. 233.

коиими отличались святые угодники, есть прямое осужденіе животной жизни людей невѣрующихъ.

Жизнеописаніе святыхъ великихъ людей, имѣвшихъ міровое значеніе, каковыми были Аѳанасій Александрійскій, Василій великій, Григорій богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Августинъ, Іеронимъ и пр.,—гораздо поучительнѣй біографій Фламинія, Катона и другихъ, переданныхъ намъ Плутархомъ. Что же касается до чудесъ, то они со временъ евангельскихъ никогда не прекращались, проявляясь только чаще или рѣже, соответственно нравственному и религіозному уровню человѣческаго общества въ данное время.

Почитаніе мощей св. угодниковъ Божіихъ подверглось также глумленію людей невѣрующихъ съ ихъ претензіями на научное образованіе. Мы знаемъ, какъ и они, различныя мѣстности, обладающія химическими и физическими свойствами останавливать на болѣе или менѣе продолжительное время разложеніе животныхъ организмовъ; знаемъ и то, что египетское бальзамированіе предшествовало всѣмъ извѣстнымъ нынѣ способамъ сохраненія труповъ. Но все это не имѣетъ ничего общаго съ почитаніемъ мощей. Если мы съ благоговѣніемъ и любовью приближаемся къ мѣсту, гдѣ сокрытъ прахъ близкихъ сердцу нашему людей, то какъ же не уважать намъ мощи—останки великихъ подвижниковъ вѣры тогда, какъ сама Церковь сооружаетъ храмы на костяхъ мученическихъ? Поклоненіе мощамъ, равно какъ иконамъ, относится къ ихъ первообразу и нисколько не составляетъ обаянія, принадлежащаго единому Богу. Нѣтъ ничего естественнѣй и отраднѣй для человѣка, особенно въ тяжкихъ случаяхъ жизни, просить за себя и за милыя сердцу существа молитвъ предъ Богомъ св. угодниковъ,—молитвъ болѣе чистыхъ, чѣмъ наши.

Сохраненіе нетлѣнныхъ мощей есть явленіе частное, такъ какъ мощей большей части св. угодниковъ, мы все не имѣемъ, но это явленіе чрезвычайно драгоцѣнно для человѣчества, потому что оно уясняетъ на сколько чистота духа, способна очистить и сохранить плоть подлежащую тлѣнію. Въ одномъ обществѣ сгруппировалась толпа слушателей вокругъ проповѣдника безвѣрія; всѣ молчали, онъ ораторствовалъ одинъ. Въ это время вошелъ другой посѣтитель, на котораго всѣ обратили вниманіе и сказали оратору; вотъ кого спросите, — и онъ, не теряя своей важности возразилъ; „я увѣренъ, что мосье К... на столько образованный человѣкъ, что не можетъ вѣрить въ нетлѣнность мощей.“ Спрошенный посѣтитель спросилъ въ свою очередь: „случалось ли вамъ видѣть людей, которые живутъ, чтобъ только ѣсть, пить, предаваться однимъ физическимъ наслажденіямъ и дойти чрезъ свои излишества до состоянія скотскаго, до совершеннаго растлѣнія духа?“ — О, такихъ примѣровъ не искать стать: ихъ вездѣ много! — отвѣчалъ проповѣдникъ. „И такъ“ возразилъ первый, „если вы допускаете для развращенной плоти возможность оскотинѣться и растлѣть духъ, то нельзя не допустить, что высокимъ воздержаніемъ отъ всѣхъ физическихъ наслажденій и излишествъ можно на оборотъ постепенно очистить, одухотворить плоть и сдѣлать ее неподлежащею тлѣнію. Допустивъ одно вы должны допустить другое“. Ораторъ видимо сконфузился, а многіе вѣрующіе, не умѣвшіе возразить ему на его пошлыя выходки, бросились жать руки человѣку, который сказалъ имъ самую простую истину.

Голословное, ни на чемъ несоснованное отрицаніе всего что люди привыкли чтить, обличаетъ „лишь неспособность къ правильному мышленію, и потому неудивительно, если эти 'невѣрующіе' относятся презрительно

къ богомольцамъ, отирающимся съ благочестивою пѣлію въ дальній и долгій путь для поклоненія известной святыни. Но вѣдь всякій подвигъ, предпринимаемый съ вѣрою и любовію къ Богу и сопровождаемый трудомъ и лишеніями, составляетъ жертву по силамъ и средствамъ человѣка, такъ точно, какъ двѣ лепты пожертвованныя вдовицею и получившія высокую оцѣнку Христа Спасителя.

Не благороднѣй ли было бы сказать съ великимъ италіанскимъ поэтомъ, Манцони: „Богъ сосчитаетъ вамъ каждый шагъ (Dio vi contera i passi).“ Всего смѣшнѣе, что люди съ претензіями на знаніе ими политической экономіи высчитываютъ сколько затрачивается на богомолье непроизводительнаго труда и времени, которые могли бы съ большею пользою быть употреблены на заработки, увеличивающіе производительность страны. Между тѣмъ экономическая наука доказываетъ рядомъ неоспоримыхъ фактовъ, что нравственность есть самый могущественный двигатель и заработковъ и всякой производительности, слѣдственно паломничество, возвышая путемъ самовоздержанія нравственность рабочаго класса, тѣмъ самымъ способствуетъ большей производительности его труда и большому умноженію народнаго богатства, которое ни какъ не можетъ увеличиться отъ пьянства, праздности и другихъ пороковъ, обусловливающихъ обѣднѣніе простаго народа.

Проповѣдники нашего времени порѣшили съ такимъ же точно свободомысліемъ, что и всѣ священные обряды религіи нужны только для невѣжественной толпы, и что для людей образованныхъ достаточно сознавать Бога въ душѣ. Если бы эти мудрецы были болѣе знакомы съ исторіею, то убѣдились бы, что нигдѣ и никогда не существовало религіи безъ обрядовъ, слѣдственно послѣдніе выражаютъ законы человѣческой природы, не подлежащіе никакой произвольной передѣлкѣ. Никогда не

видаво было, чтобы въ продолженіе жизни душа отлучалась иногда изъ тѣла, а тѣло порой ходило безъ души, поэтому и богопочитаніе должно соответствовать этой двойственной потребности почитать Бога всѣми совокупными силами нашего бытія, соединяя вѣру съ подлежащими внѣшнимъ чувствамъ обрядами религіи.

Мы указываемъ здѣсь на сколько ничтожны всѣ отрицанія безвѣрія, отдѣльно взятыя, внѣ всякой общей связи съ исторіей религіи: еще въ 3 вѣкѣ самые даровитые языческіе философы, изучивъ въ подробности христіанское вѣроученіе, пытались опровергнуть его, и тѣмъ самымъ дали поводъ великимъ учителямъ церкви разъяснить его на вѣчныя времена, такъ что новѣйшимъ порицателямъ христіанства, по словамъ Боссюэта, не остается даже заслуги сказать что нибудь новое.

ГЛАВА VIII.

Русская семейная жизнь.

Въ Россіи, почти при самомъ основаніи русскаго государства, проявляется сильно организованная семейная жизнь, скрѣпленная христіанскимъ началомъ. И здѣсь вліяніе женщинъ на семью и государство также неоспоримо, начиная съ благовѣрной княгини Ольги, приготовившей для Россіи святую купель христіанства. Благодетельный кievскій князь Всеволодъ и жена его, греческая царевна, воспитали героя среднихъ вѣковъ, пришедшаго по сердцу русскимъ, — Владимира Мономаха. По свидѣтельству лѣтописцевъ, онъ былъ образцемъ благочестія, а супружеская жизнь его отличалась цѣломудріемъ. Онъ на столько почиталъ отца своего Всеволода, что на канунѣ великихъ праздниковъ отправлялся по утру верхомъ на конѣ изъ Чернигова и пріѣзжалъ въ

Кіевъ къ вечернѣ, проскакавъ въ одинъ день 150 верстъ для того, чтобы по тогдашнему обычаю встрѣтить съ отцемъ церковное торжество слѣдующаго дня. Онъ былъ щедръ для нищихъ, гостеприименъ для странныхъ, а дѣтямъ своимъ оставилъ такое высокое христіанское наставленіе, которое съ любовію передали намъ тогдашніе лѣтописцы. На войнѣ онъ страшенъ былъ *поганымъ*, поражая ихъ въ безчисленныхъ битвахъ, за что современники признали его *добрымъ страдальцемъ* (труженникомъ) за Русскую землю *).

Когда великій святитель и великій государственный человекъ — Митрополитъ Алѣксій — воспиталь для Россіи героя Дмитрія Донскаго, то онъ, понимая важное значеніе женщины въ семейной жизни, содѣйствовалъ ему и въ избраніи достойной жены въ лицѣ Евдокии, княжны суздальской. Это согласное, цѣломудренное супружество еще болѣе возвысило чистую, безупречную славу Дмитрія — героя по сердцу и складу русскаго человека. Его энергичная невѣстка, Софія, сдерживала властолюбіе своего отца Витовта во все то время, когда, до пораженія его татарами, у него было достаточно средствъ и силъ, чтобы покорить Россію. Въ самую кризисную для ея новаго отечества эпоху, она успѣшно и дѣятельно содѣйствовали умной политикѣ своего мужа.

Іоаннъ III, великій собиратель земли русской, всегда дорожилъ совѣтами своей матери и своей жены во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вновь пересозданнаго и собраннаго имъ государства. Слава царствованія Іоанна IV, грознаго, возникла и кончилась съ жизнію добродѣтельной жены его, Анастасьи Рамановой. При сильныхъ страстяхъ Петра I и при жалкой, развращенной обстановкѣ его юношескихъ лѣтъ, только добродѣтельная мать его, Наталья Кириловна, могла внушить ему

*) Ист. Рос. Соловьева т. II. ст. 92.

то высокое чувство долга—служить благу Россіи,—которое составило славу его царствованія. Другая женщина, Екатерина I, спасла подъ Прутомъ честь его и Россіи. Женщина—императрица, Елизавета, начала, а другая еще болѣе гениальная женщина,—Екатерина II, завершила уничтоженіе смертной казни въ Россіи, на основаніи христіанскаго принципа, допускающаго раскаяніе и послѣдующее исправленіе. Сердце и умъ этихъ женщинъ опередили современную имъ цивилизацію западной Европы. А сколько женъ, въ частномъ быту, воспитанныхъ въ роскоши, богатствѣ, нѣгѣ, среди всѣхъ обольщеній свѣта, послѣдовали въ различныя эпохи нашей исторіи за своими мужьями въ Сибирь, чтобъ дѣлать съ ними всѣ скорби, лишенія, нищету! Такое же высокое самоотверженіе выказали и сестры для облегченія участи осужденныхъ братьевъ: Елена Александровна Бестужева отправилась въ сопровожденіи двухъ другихъ сестеръ за братьями своими въ Сибирь. Когда же впослѣдствіи была дарована амнистія преступникамъ 14 декабря, она, возвратясь на родину, посвятила остатокъ жизни воспитанію двухъ сиротъ—дѣтей ея умершаго брата Михаила. Можемъ ли, наконецъ, пройти молчаніемъ тѣхъ русскихъ матерей, которыя воспитали героевъ 1812 года, сокрушившихъ колоссальное величіе Наполеона I и освободившихъ порабощенные имъ народы? Какъ не вспомнить Кутайсова, который обѣщалъ нѣжно имъ любимой, воспитавшей его матери прославить собою свою недавнюю фамилію, подымавъ ее до общественнаго сочувствія и уваженія! Онъ сдержалъ слово,—и налъ на бородинскомъ полѣ съ чистой, незапятнанной славою героя. Всѣ заботы Кульнева сосредоточивались на бѣдной оставленной имъ матери, которую онъ содержалъ изъ сбереженій своего незначительнаго жалованья. Памятникомъ семейной любви и связи героевъ Тучковыхъ остается мона-

стырь, основанный вдовою одного изъ нихъ на самомъ бородинскомъ полѣ.

Казалось бы страннымъ, что при такомъ высокомъ призваніи русской женщины, которое она такъ долго и такъ добросовѣстно выполняла, послѣдовалъ переворотъ почти внезапный въ ея понятіяхъ, воззрѣніяхъ, во всей ея семейной дѣятельности. Причинъ такой перемѣны много, приведемъ двѣ главныя: *во первыхъ*: русское народное просвѣщеніе со временъ императрицы Екатерины II развивалось своимъ естественнымъ путемъ на основаніи религіозно-нравственномъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія перешли какимъ-то скачкомъ къ верхушкамъ западной цивилизаціи, имѣющей передъ нами 300 лѣтъ труда и развитія впереди. Этихъ 300 лѣтъ русскіе не перескочили, а извлекли изъ тамошней цивилизаціи то, что было въ ней самага легкаго для воспріятія—ее дурную сторону, выразившуюся у насъ въ широкомъ растлѣніи нравовъ. Въ высшихъ и среднихъ кругахъ русскаго общества распространился индиферентизмъ религіозный и нравственный отрицательными ученіями, проводимыми во всѣхъ родахъ литературы. При маломъ знакомствѣ съ исторіею вообще и при совершенномъ незваніи исторіи христіанства въ особенности, нельзя дойти до твердаго сознательнаго убѣжденія, что отрицательными ученіями начинается разложеніе семейной жизни и государственнаго бытія народовъ. *Во вторыхъ*: бюрокритическая система народнаго образованія, основанная на указѣ 1809 года (о чемъ подробно будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ), сосредоточивъ всѣ привилегіи по службѣ на дипломахъ, полученныхъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, сдѣлало домашнее нравственное воспитаніе посредствомъ матерей безнужнымъ и безправнымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ образовывали дѣтей безъ участія родителей, возвращая ихъ потомъ семьѣ

съ умомъ и сердцемъ совершенно развращенными. Невѣжественные мальчики съ претензіями на высшее образование пропагандировали безвѣріе своимъ сестрамъ, — и вотъ образовалось цѣлое поколѣніе безъ всякихъ правилъ жизни, — поколѣніе, утратившее всѣ традиціи хорошаго воспитанія и поставившее матеріальныя блага конечною для себя цѣлію жизни. Эти волны распущенной мысли и ничѣмъ необузданныхъ дурныхъ наклонностей затопляютъ теперь Россію съ каждымъ днемъ.

Къ счастью нашему есть еще много исключеній, которыя, скрываясь нынѣ въ домашней тиши, способны принести свой плодъ добра, когда общественное сознаніе потребуетъ возстановленія добрыхъ нравовъ и благочестивой семейной жизни, создавшихъ величіе и могущество русскаго народа. Мы знаемъ еще высокопоставленныхъ по своему положенію женщинъ, которыя, соединяя въ себѣ истинное образование съ святымъ вѣрученіемъ православной церкви, могутъ примѣромъ своей безукоризненной жизни научить и сотворить. Онѣ всегда несли и несутъ священныя для нихъ обязанности жень и матерей въ согласіи съ закономъ евангельскимъ, и бремя это для нихъ пріятно и легко, потому что сознаніе въ исполненіи своего долга всегда возвышаетъ достоинство женщинъ въ ихъ собственной совѣсти. Онѣ не промѣняютъ своего высокаго призванія на легкомысленныя увлеченія женщинъ праздныхъ и потому мечтательныхъ, вдающихся во всѣ крайности, чтобъ отличить себя чѣмънибудь, не требующимъ на труда, ни мысли, ни твердыхъ правилъ жизни. И какъ жалокъ этотъ послѣдній типъ матерей, неспособныхъ воспитывать своихъ дѣтей и оттого подражающихъ всему тому, что дѣлаютъ другіе. Видятъ ли онѣ дѣтей своихъ знакомыхъ роскошно одѣтыхъ, наряжаютъ и своихъ, не помышляя о томъ, что онѣ приучаютъ ихъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ дорожить не

нравственнымъ совершенствованіемъ, а внѣшними нарядами, развивающими самое мелкое самолюбіе. Подрастаютъ ли дочери, матери заботятся лишь о томъ, чтобы онѣ граціозно танцовали, знали музыку, пріятно пѣли и бойко объяснялись на какомъ либо иностранномъ языкѣ, чтобъ только можно было блеснуть ихъ образованіемъ и привлечь къ нимъ богатыхъ жениховъ. Пусть же эти матери узнаютъ теперь съ стыдомъ и ужасомъ, что воспитаніе, которое онѣ даютъ своимъ дочерямъ, есть воспитаніе публичныхъ гетеръ Греціи и Рима съ тою еще разницею, что гетеры по своему образованію были несравненно выше ихъ дочерей. Мы неотвергаемъ со всѣми учителями церкви пользы образованія умственнаго, возвышающаго достоинство христіанина, а констатируемъ только тождественность воспитанія гетеръ и нынѣшнихъ свѣтскихъ дѣвушекъ съ тою опять разницею, что въ древнемъ мірѣ подобнымъ воспитаніемъ занимались промышленники, рассчитывавшіе выручить не только положенный ими на образование гетеръ капиталъ, но и процентъ съ него наиболѣе высокій: у насъ же мѣсто промышленниковъ заступаютъ сами родители. Не признавая никакого нравственнаго начала, гетеры впервые провозгласили принципъ эмансипаціи женщинъ, который паллаки, съ образованіемъ болѣе грубымъ, довели до послѣднихъ предѣловъ безстыдства, опираясь на философію циниковъ. Эта вторая низшая степень униженія женскаго достоинства проявилась у насъ въ дѣвушкахъ, которыя, при недостаточныхъ средствахъ, развивъ въ себѣ самолюбіе и зависть, ропщутъ на общество, несложившееся по ихъ понятіямъ, и наслышавшись, что все можно отрицать, отвергаютъ религію, нравственность, всякій честный трудъ, наконецъ и женскую стыдливость, считая ее предразсудкомъ, недостойнымъ эмансипированной женщины.

Въ 16—18 лѣтъ воспитаніе русской дѣвушки считается окончаннымъ, и она услаждаетъ свою послѣдующую праздную жизнь чтеніемъ романовъ, представляющихъ ей въ розовомъ свѣтѣ всѣ страсти, всѣ пороки и осмѣивающихъ самыя высокія обязанности женщины въ ея семейномъ кругу. Картины вымышленныхъ бѣдствій, страданій и опоэтизированныхъ преступленій, развращая умъ и сердце, поддерживаютъ ея нервы въ постоянномъ раздраженіи, такъ что по времени это опьяняющее дѣйствіе становится для нея потребностію, какъ опиумъ для китаеця. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ ни одна русская мать не позволяла своей дочери чтенія романовъ, теперь же путемъ тщательныхъ медицинскихъ изслѣдованій въ Германіи нашли ту же самую предосторожность необходимою для сохраненія женскаго организма въ здоровомъ состояніи. Дуализмъ жизни, не смотря на отсталые возгласы матеріалистовъ, признается истиной несомнѣнной: душа, какъ и тѣло требуетъ пищи: чтеніе же романовъ развивая лишь воображеніе и фантазію, притупляютъ умъ, отнимая у него способность разсуждать и дѣйствовать. Это повѣряется тѣмъ, что послѣ чтенія романовъ, всякое иное серьезное чтеніе становится скучнымъ и невыносимымъ. Притупленныя умственные способности женщины дѣлаютъ ее неспособною къ какому бы то ни было труду, потому что фантазія выбрасываетъ ее изъ колеи дѣйствительной жизни, а безпрестанно раздражаемые нервы приводятъ ее къ болѣзнямъ душевнымъ и физическимъ, которыхъ излечить нельзя, не устранивъ причины ихъ порождающей. Нужно, прекративъ чтеніе романовъ, остановить развитіе фантазіи и дать просторъ дѣйствию умственныхъ способностей. Повѣрка успешности леченія та же самая — серьезное чтеніе, на сколько страдающая нервами женщина можетъ къ нему привыкнуть. Изъ этого видно, что здравый смыслъ русскихъ ма-

терей опередилъ выводы науки, которая сама есть ничто иное, какъ индуктивное разслѣдованіе того же здраваго смысла. Къ сожалѣнію, чаще всего умственные способности дѣвушки на столько притупляются, что она становится неспособною понять свое болѣзненное положеніе.

Театръ, изъ котораго Малъеръ и другіе великіе драматическіе писатели предполагали создать школу нравственности, теперь открыто прославляетъ всякое развращеніе нравовъ, такъ что дѣвушка здѣсь окончательно теряетъ уваженіе ко всему доброму, прекрасному и высокому. Въ подражаніе древнимъ современный театръ далъ право гражданства каскаднымъ представленіямъ въ такомъ грубомъ и отвратительномъ видѣ, въ какомъ не узнали бы ихъ ни древнія Аѳины, ни Римъ цезарей.

Замѣчательно, что императрица Екатерина II, смотрѣвшая на театръ, какъ на средство къ нравственному совершенствованію общества и сама написавшая для него нѣсколько пьесъ, горячо возставала противъ театральныхъ злоупотребленій, и отчасти приписывала паденіе Франціи гнусному развращенію нравовъ, которое выносили тамъ изъ оперы Буфъ *).

Мудрено ли, что дѣвушка, пройдя такую школу заблужденій и съ такимъ ложнымъ направленіемъ въ жизни, перестаетъ, наконецъ, вѣрить въ добро и останавливается на одной мысли сдѣлать богатую партію, чтобы въ матеріальномъ довольствѣ создать себѣ полное счастье. Но всѣ матеріальныя блага и физическія наслажденія имѣютъ ту особенность, что къ нимъ скоро привыкаютъ и потомъ не придаютъ имъ никакой цѣны. Въ продолженіе времени однаково присматриваются и къ красотѣ и къ безобразію лица, и они не производятъ болѣе никакого впечатлѣнія, ни пріятнаго, ни дурнаго, такъ, что подъ конецъ приходится по неволѣ оцѣнить человѣка по

*) Записки Храповицкаго стр. 232.

его внутреннему достоинству. Также скоро привыкаютъ къ великолѣпному помѣщенію, къ изящной обстановкѣ, къ роскошному столу, и не придаютъ имъ потомъ никакого болѣе значенія, потому что физическіе органы не требуютъ болѣе, того, что нужно для поддержанія тѣлесныхъ силъ человѣка. Остается душа безсмертная съ ея требованіями подвиговъ добра, любви и долга, и человѣкъ становится несчастнымъ, не имѣя, какъ нищій, никакой пищи для своего духовнаго бытія. Женщина еще сильнѣе чувствуетъ, чѣмъ мужчина, отсутствіе духовныхъ наслажденій: она желаетъ любить мужа, но любви его своими капризами и фантазіями не заслужила и ею не пользуется; желаетъ привязать къ себѣ дѣтей и любя ихъ, быть ими любимой, но у ней недостаетъ тѣхъ святыхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя согреваютъ юныя сердца и примѣрами благочестія приучаютъ ихъ къ равному благочестію. Если же она сама не проникнута высокимъ чувствомъ любви къ Богу, то и въ дѣтяхъ не возбудитъ никакого чувства ни къ Богу, ни къ себѣ.

Физическое воспитаніе дѣвушекъ соотвѣтствуетъ ихъ воспитанію нравственному: изящная и приличная простота въ нарядѣ съ естественнымъ удобствомъ для развитія физическихъ силъ давно исчезла изъ русской жизни. Новѣйшіе наряды испортили вкусъ, исказили красоту естественныхъ формъ, стѣснили свободное и здоровое развитіе тѣлеснаго организма нынѣшнихъ женщинъ. Тугой перехватъ талии, останавливающей свободное кровообращеніе, корсеты, шнурованье, сдавливающие грудь, легкіе и животъ, на столько раздражаютъ организмъ въ его ненормальныхъ отправленияхъ, что по выходѣ въ замужество, однѣ молодыя женщины умираютъ при первыхъ родахъ, а другія, родивъ благополучно, неспособны питать ребенка грудью, въ которой изсякли сдавлен-

ные съ младенчества молочные органы. Но противоестественное воспитаніе дѣвушекъ на этомъ не останавливается: для притиранія лица онѣ употребляютъ въ разныхъ дозахъ и смѣшеніяхъ ядовитыя свинцовыя бѣлила, которыя, какъ можно видѣть на свѣже окрашенныхъ притолкахъ, имѣютъ сначала блестящую бѣлизну, а впоследствии принимаютъ желто-зеленоватый цвѣтъ. Однажды испортивъ лице подмалевкой его бѣлыми или розовыми металлическими или минеральными ядами, дѣвушка продолжаетъ пропитывать ими свой организмъ изъ опасенія выказать уже обезображенный видъ ея кожи, если она прекратитъ это медленное самоотравленіе. За тѣмъ балы, вечера, ею посѣщаемые, заставляютъ ее бодрствовать ночью и спать днемъ и тѣмъ разрушать организмъ, приспособленный природою къ дневной дѣятельности и отдыху ночному.

Воспитаніе мужчинъ едва ли не хуже воспитанія женщинъ, потому что образованіе первыхъ обусловлено полученіемъ дипломовъ, безъ которыхъ закрыты всѣ пути государственной службы. Мальчики хорошихъ семействъ, которыхъ мысли и поступки облагорожены были въ благочестивой домашней средѣ, должны не далѣе, какъ на 10-мъ году своего дѣтства поступить въ гимназію, гдѣ ультра-демократическія тенденціи смѣшали дѣтей всѣхъ классовъ общества, изъ коихъ многіе уже приобрѣли дурныя наклонности изъ примѣровъ старшихъ въ ихъ семейномъ быту. Ложь, обманъ, воровство этихъ мальчиковъ сперва кажутся отвратительными дѣтямъ хорошей семьи, но постепенно они привыкаютъ видѣть въ этихъ порокахъ явленіе обыкновенное, и потомъ, увлекаясь примѣрами, сами начинаютъ обманывать своихъ родителей. Уже въ гимназіяхъ недоучки низшихъ классовъ общества начинаютъ со слуха проповѣдывать равенство и раздѣлъ собственности по зависти къ высшимъ сословіямъ. Вся

эта пестрая толпа поступаетъ, не въ техническія и ремесленныя заведенія, въ которыхъ обученіе могло бы обеспечитьъ дѣтямъ бѣдныхъ классовъ средства къ честному и безбѣдному существованію,—а въ университеты, гдѣ всѣ безъ разбора становятся государственными людьми въ собственныхъ своихъ глазахъ. Эти юноши не подозреваютъ даже, что всякое публичное образованіе есть только элементарное и подсобное къ тому, которое человѣкъ долженъ самъ въ себѣ развить и совершенствовать по специальности имъ избранной. Но молодые люди, ложно убѣжденные въ томъ, что окончили свое образованіе и что никакого ученія имъ болѣе не нужно, рѣзко рѣшаютъ всѣ государственные и общественные вопросы, считая ниже своего достоинства всякую дѣятельность, удовлетворяющую обыденнымъ нуждамъ при посредствѣ труда и сбереженій, не посягающихъ ни на чью собственность. Развративъ умъ и сердце, и не имѣя той духовной силы, которую даетъ религія для всякой борьбы съ жизнью, они при первой неудачѣ по службѣ или иномъ встрѣченномъ затрудненіи, быстро переходятъ отъ самонадѣянности къ отчаянію и весьма часто къ самоубійству. Многие изъ нихъ, попавъ въ кругъ развращенной молодежи, впадаютъ, по слабости характера, во всѣ крайности, убивающія тѣлесныя и душевныя въ нихъ силы. Кто не видалъ молодыхъ людей не только со всѣми старческими недугами, но полусогнившими отъ заразительныхъ болѣзней? Залечивъ себя какъ нибудь, подобный человѣкъ нерѣдко вступаетъ въ бракъ по расчету, и самому ошибочному, потому что жена, которой воспитаніе не перешло, въ свою очередь, никакого сознанія своихъ обязанностей, скоро соскучится трупомъ, къ ней прикованнымъ. Предположимъ и на оборотъ, что жена, проникнутая своимъ долгомъ, свято исполняетъ его въ отношеніи къ мужу, но честно ли поступилъ онъ, сдѣлавшись отцемъ

семейства и передавъ заразу, таящуюся въ его крови, будущимъ поколѣніямъ? Развѣ это не дѣтоубійство, не преступленіе противъ цѣлаго народа, котораго силы вырождаются и ослабѣваютъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, какъ это испытали на себѣ и греки и римляне?

Намъ хотѣлось изъ любви къ истинѣ взвѣсить мѣру зла, тяготѣющаго надъ нашимъ отечествомъ, чрезъ сравненіе его нравственнаго состоянія съ тѣмъ, въ какомъ находятся западные народы. Намъ прокричали, что Парижъ съ его двухмилліоннымъ населеніемъ есть новый Вавилонъ, городъ развратнѣйшій въ мірѣ. Мы нашли на мѣстѣ не одинъ, по четыре Парижа въ одномъ и томъ же городѣ, живущихъ каждый своею особою жизнью. Парижъ аристократическій съ его разнородною аристократіею—дворянскою, сановною, финансовою. Индифферентизмъ религіозный, интересы личные, духъ партій липаютъ эту аристократію того вліянія на судьбы французскаго народа, какое имѣетъ въ своей странѣ однородная аристократія англійская. Другой Парижъ составляютъ 300 т. рабочихъ, сосредоточенныхъ большею частію въ предместьяхъ; изъ нихъ тысячъ 250 равнодушны ко всякому образу правленія лишь бы имѣли заработокъ для прокормленія себя и своихъ семействъ, но найдется тысячъ 50 лѣнтяевъ, пьяницъ, негодяевъ, образующихъ собою готовый элементъ для каждой революціи. Парижскіе коммунары не дѣйствуютъ, какъ наши, изъ любви къ искусству, они коммунары сознательные, имѣющіе въ виду нагнать по больше чужаго добра, чтобъ послѣ пропить его съ наслажденіемъ. Предводители ихъ также проповѣдуютъ социальную философію, какъ мошенники—честность, чтобъ только составить себѣ состояніе, какое нажили на счетъ человѣческой глупости Ледрю-Ролленъ, Врублевскій и др. Стыдно сказать, что въ одной Россіи мнимую социальную философію принимаютъ за что-то

серьезное, научное. Третій Парижъ есть Парижъ иностранцевъ — клоака, въ которую стекаются подонки всѣхъ народовъ. Эти иностранцы пируютъ въ ресторанахъ, посѣщаютъ клубы, гдѣ даются балы по 4 раза въ недѣлю съ платою на наши деньги по 25 коп. за входъ; для нихъ устроены *café-chantants*, даются каскадные оперетки и заведены всѣ возможные труппы. Никто не мѣшаетъ имъ обогащать городъ своимъ золотомъ и помогать уплатѣ государственнаго долга Франціи, но ни одинъ порядочный парижанинъ не посѣщаетъ этого Парижа, дорожа своимъ личнымъ достоинствомъ. Наконецъ, четвертый Парижъ, и самый обширный, состоитъ изъ полуторамилліоннаго населенія буржуазіи, къ которой принадлежатъ домовладѣльцы, негоціанты, фабриканты, заводчики, артисты, медики и пр. однимъ, словомъ—люди, посвятившіе себя честнымъ занятіямъ или промысламъ. Этотъ средній классъ есть самый трудолюбивый, самый приличный и самый нравственный изъ всѣхъ среднихъ классовъ общества въ остальныхъ государствахъ Европы. Нигдѣ не занимаются такъ тщательно нравственнымъ воспитаніемъ дѣвушки, какъ здѣсь, имѣя правиломъ, что для женщины не достаточно быть добродѣтельною, она должна и казаться таковою. Дѣвушка является на улицѣ или на гуляньи не иначе, какъ въ сопровожденіи старшихъ въ семьѣ. Мы видѣли дѣвочекъ отъ 12 до 14 лѣтъ, отправлявшихся въ пансіонъ и возвращавшихся оттуда всегда подъ наблюденіемъ шедшей вмѣстѣ съ ними взрослой женщины. Передъ нами проходили въ купальню 14—16 лѣтніе живые, веселые воспитанники въ сопровожденіи своего законоучителя. Нигдѣ здѣсь нѣтъ и слѣда распущеннаго воспитанія; если же это полуторамилліонное населеніе буржуазіи называютъ Вавилономъ, то мы желали бы, чтобъ подобный Вавилонъ былъ у насъ. Въ Англіи, въ южной Германіи, въ Бельгіи, въ Швейцаріи нравственное

воспитаніе мальчиковъ и въ особенности дѣвочекъ обращаетъ на себя самое тщательное вниманіе и родителей и общества. Русскіе бѣглецы, приводящіе въ смущеніе своими неистовыми выходками самыхъ ярыхъ заграничныхъ демагоговъ, приходятъ въ отчаяніе отъ того, что не могутъ подвинуть германскихъ студентовъ ни на какую революцію и восторгаются одною лишь русскою учащеюся молодежью, готовою, по ихъ указаніямъ, испровергнуть весь существующій въ Россіи порядокъ. Такая правда, по выраженію Грибоѣдова, хуже всякой лжи. Цюрихскія хозяйки, живущія доходами отъ пребыванія у нихъ иностранцевъ, отказались отъ собственныхъ выгодъ, когда нахлынули къ нимъ наши нигилистки: онѣ просили магистратъ удалить ихъ изъ города, чтобъ не оскорблять своимъ присутствіемъ и поведеніемъ нравственнаго чувства цюрихскихъ женщинъ. Факты эти, какъ они ни прискорбны для насъ, совершаются на глазахъ всего цивилизованнаго міра, и въ виду ихъ нельзя не сознаться, что нигдѣ въ западной Европѣ нѣтъ той распущенности нравовъ, доходящей до разложенія всѣхъ элементовъ семейной и общественной жизни, какую видимъ теперь въ нѣкоторыхъ классахъ въ нашемъ отечествѣ. Иностранцы сравниваютъ Россію съ древней Македоніею, имѣвшею великихъ государей, отличныхъ полководцевъ и замѣчательныхъ государственныхъ людей, которые быстро прославили и возвеличили эту страну, но какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ своего краткаго существованія, она не переставала быть странною полудикою со всѣми претензіями на греческую цивилизацію, изъ которой извлекала лишь одну ея дурную сторону, что вмѣстѣ съ присущимъ ей варварствомъ ускорило паденіе этого государства. Сравненіе это потому только несправедливо, что иностранцы не понимаютъ, что во всѣ времена нашей исторіи, при самомъ глубокомъ нравственномъ упадкѣ,

наше святое, великое Православіе всегда возраждало погибавшую Русь. Чтобы спасти Россію намъ нужно спасти православіе отъ его злѣйшихъ враговъ, подкапывающихъ его основанія индеферентизмомъ религіознымъ, пропагандою матеріализма и безвѣрія, проектами нововведеній, посягающими на святые каноны соборной церкви. При огражденіи православія отъ всѣхъ измышленій, у насъ есть идеаль, къ которому мы должны стремиться для возстановленія чистоты нравовъ, связи семейной и безопасности государственной: первые пять вѣковъ христіанства представляютъ намъ практическую возможность достигнуть той христіанской цивилизаціи, которая не представляетъ никакого разнорѣчія между вѣрой и наукой, между образованіемъ умственнымъ и воспитаніемъ нравственнымъ.

Другой принципъ, на которомъ установилось величіе Россіи, заключается въ единовластіи монархическомъ, выработанномъ историческою жизнію народа русскаго. Для насъ нѣтъ изобрѣтенной революціоннымъ лицемѣриемъ демократической монархіи: нашъ царь есть помазанникъ Божій и мы обязаны повиноваться ему, вслѣдствіе авторитета Божественнаго, переданнаго намъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ вѣроученіемъ церкви. Въ величіи царя, мы видимъ величіе Россіи, а это величіе, повторяемъ еще разъ, обусловлено утвержденіемъ Православія и единовластія царскаго.

Въ заключеніе намъ остается замѣтить, что развращеніе нравовъ, быстро охватившее Россію, не простирается далѣе 30—40 лѣтъ назадъ, слѣдовательно мы имѣемъ еще живыхъ свидѣтелей и свѣжія преданія лучшихъ, болѣе нравственныхъ временъ. Поворотъ къ лучшему у насъ возможенъ потому, что если одно поколѣніе развращено путемъ школьнаго образованія, то можно тѣмъ же самымъ путемъ возвратить слѣдующее за нимъ поколѣніе ко всей

чистотѣ нравственной, не ожидая того долговременнаго развращенія, которое, какъ въ древнемъ императорскомъ Римѣ, сдѣлало подъ конецъ всякую реформу нравовъ невозможною.

ГЛАВА IX.

О направленіи и развитіи народнаго образованія въ Россіи со времени изданія указа 1809 года.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія попеченіемъ императрицы Екатерины II и вѣрнаго ея сотрудника, принца Ангальта, Россія имѣла высшее учебное заведеніе въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ нравственное воспитаніе было неразрывно связано съ образованіемъ умственнымъ. Но какъ это учрежденіе не могло удовлетворить общей потребности просвѣщенія, то недостатокъ этотъ восполнялся временными домашними пансіонами, свободными отъ вмѣшательства учебной бюрократіи, потому что домашнее воспитаніе и образованіе совершались подъ наблюденіемъ родителей—самыхъ лучшихъ для своихъ дѣтей инспекторовъ. Богатые люди нанимали наставниковъ и учителей для дѣтей одной своей семьи, менѣе достаточные устраивали на общую складчину временный пансіонъ у одного изъ помѣщиковъ, наиболѣе уважаемыхъ въ сосѣдствѣ, какъ по своему или жены своей образованію, такъ и по своей семейной нравственности. Здѣсь воспитывались дѣти почти одинаковыхъ лѣтъ на глазахъ родителей, слѣдившихъ за ихъ успѣхами. По окончаніи домашняго воспитанія и образованія пансіонъ упразднялся, а молодые люди, сохраненные въ чистой нравственности поступали на службу, преимущественно военную, съ знаніемъ языковъ французскаго и немѣцкаго, которыхъ нынѣшніе воспитанники

публичныхъ заведеній почти не понимаютъ. Прочія науки изучались домашними воспитанниками тверже и серьезнѣе, чѣмъ нынѣшними учениками казенныхъ заведеній. Мы не говоримъ здѣсь о специальномъ образованіи по какой либо части человѣческаго знанія, которое, какъ тогда такъ и теперь, требуетъ особеннаго изученія въ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для той или другой специальности.

Что тогдашнее воспитаніе, соединенное съ образованіемъ умственнымъ, было вѣрно понято въ самомъ принципѣ, не смотря на недостатки, которые могли въ немъ находить, доказывается тѣмъ, что поколѣніе, воспитанное въ этой школѣ, вынесло на своихъ плечахъ борьбу съ 20 европейскими народами, и что русскіе офицеры, вступившіе въ 1814 году въ Парижъ, считались самыми образованными и самыми гуманными изъ офицеровъ всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ армій. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи 60 лѣтъ безпрестанно увеличивалось число низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, а между тѣмъ нравственный уровень русской жизни нынѣ замѣтно понизился, слѣдовательно въ самомъ обществѣ послѣдовалъ разладъ между образованіемъ умственнымъ и нравственнымъ, но когда онъ совершился, какими причинами вызванъ, при какихъ условіяхъ созрѣлъ и принесъ свои горькіе плоды—вотъ что нужно изслѣдовать и констатировать.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появился въ Россіи человѣкъ безспорно даровитый, имѣвшій роковое вліяніе на судьбы нашего народнаго просвѣщенія—Сперанскій. При условіяхъ, какими была обставлена его юность, онъ не могъ получить никакого тщательнаго воспитанія, и только посредствомъ быстрого ума и сильной воли, выработалъ въ себѣ то умственное образованіе, которое возвело его на степень государственнаго дѣятеля. Не

отличая нравственнаго воспитанія, начинающагося съ колыбели, отъ образованія умственнаго, приобретаемаго въ школѣ, онъ былъ творцемъ указа 1809 года, который сдѣлалъ безнужными не только воспитаніе, но и всякое солидное образованіе, предоставивъ всѣ привилегіи по службѣ однажды полученному изъ казеннаго учебнаго заведенія—диплому. Явилась потребность не ученія, а добыванія диплома, на что всегда достаточно самаго поверхностнаго образованія.

Дипломы эти даютъ отъ 1 до 4 чиновъ преміи, прежде чѣмъ получившіе ихъ принесутъ какую либо пользу государству или обществу. Тутъ—одна мѣрка для всѣхъ будущихъ заслугъ и даже для отсутствія всякихъ заслугъ. Съ 1809 года измѣнилось направленіе нашего народнаго просвѣщенія, не отрывавшагося дотолѣ отъ началъ православія, въ которомъ заключалась вся неотъемлемая сила русскаго народа. Новѣйшіе реформаторы, пересоздавая русскихъ въ европейцевъ, не приняли даже выработанной по складу народнаго характера системы англійскаго образованія, совмѣщающаго религіозное образованіе съ развитіемъ умственнымъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, подъ надзоромъ самаго общества: они ввели цѣликомъ безконтрольную систему нѣмецкихъ учебныхъ заведеній съ приходящими воспитанниками, не сообразивъ противоположности характеровъ, сложившихся вѣками понятій, политическаго и религіознаго строя обоихъ народовъ: нѣмецкаго и русскаго. Нѣмецкій мальчикъ, строго содержимый въ своей семьѣ, поступаетъ въ школу, проникнутый мыслию, что специальнымъ образованіемъ, имъ съ раннихъ лѣтъ избраннымъ, онъ обеспечитъ свое существованіе и не умретъ съ голода. Его не нужно побуждать къ ученію: съ 12 лѣтъ, онъ упорно преслѣдуетъ цѣль, которою задался и почти всегда достигаетъ ее. У насъ, на оборотъ, придумываютъ цѣли для образова-

ня,—то для полученія диплома и привилегій съ нимъ связанныхъ, то для приобрѣтенія льготъ по всеобщей воинской повинности и пр.; самъ же русскій мальчикъ при поступленіи своемъ въ учебное заведеніе, не знаетъ, что изъ него выйдетъ: ни ему, ни родителямъ его не дано права избрать для него специальное ученіе. Сложилось ошибочное мнѣніе, что до 16 лѣтъ нельзя опредѣлить призваніе мальчика, и потому онъ обязанъ до тѣхъ поръ изучать безъ разбора живые и мертвые языки и всѣ извѣстныя науки, чтобъ имѣть потомъ возможность избрать специальное свое образованіе. Но вѣдь такое энциклопедическое ученіе, не соразмѣрное съ интеллектуальными силами воспитанника, заставляетъ его довольствоваться лишь клочками отрывочныхъ знаній, что впоследствии входитъ въ привычку, дѣлая его навсегда не способнымъ къ многотрудному изученію какой бы то ни было специальности.

Подражаніе иноземнымъ образцамъ представляетъ еще болѣе опасныя стороны: рационализмъ, нынѣ разрушительно дѣйствующій въ Германіи, во многомъ умѣряется тамъ преслѣдованіемъ практическихъ средствъ и цѣлей жизни, у насъ же при избыткѣ многоученія всему заразомъ, онъ переходитъ въ полнѣйшій нигилизмъ, по неимѣнію цѣльнаго осмысленнаго знанія, изъ котораго только могутъ истекать разумныя убѣжденія человѣка.

Опытъ послѣднихъ 60 лѣтъ ясно доказалъ намъ, что русское народное просвѣщеніе только тогда войдетъ въ свою естественную колею, когда возвратится къ той христіанской цивилизаціи, которая согласуетъ вѣру съ наукою и которую мы приняли у самой купели крещенія русской земли. Мы никогда не были, ни славянофилами, ни сторонниками западнаго просвѣщенія, но не можемъ не признать что первые въ принципѣ совершенно правы: мы не можемъ замѣнить великую и святую

христіанскую цивилизацію греко-римскою, языческою, намъ навязываемою, не можемъ изъ угожденія западу сдѣлаться полурусскими, полуправославными, полуязычниками.

Когда домашнее воспитаніе, соединенное съ образованіемъ умственнымъ, подъ надзоромъ родителей, сдѣлалось съ 1809 года совершенно безправнымъ, тогда сами родители стали по неволѣ отправлять своихъ дѣтей въ казенныя заведенія, чтобы не закрыть имъ всѣхъ путей государственной службы. При самомъ изданіи указа 1809 года, Карамзинъ рѣзко осуждалъ всю нелогичность и непрактичность придуманной Сперанскимъ системы народнаго просвѣщенія, но протестъ его остался гласомъ вопіющимъ въ пустынь, тѣмъ не менѣе зло, имъ указанное, не только не подвинуло нашего образованія скачкомъ впередъ, а напротивъ придало ему то извращенное направленіе въ которомъ гаснетъ истинное просвѣщеніе и съ которымъ правительство и общество борются до сихъ поръ. Послѣдствіемъ указа 1809 года было то, что множество пролетаріевъ изъ семинарій и гимназій, добывъ себѣ изъ высшихъ учебныхъ заведеній дипломы, заняли видныя по службѣ мѣста, и хотя по уму и образованію не вышло изъ нихъ ни одного Сперанскаго, за то всѣ они сдѣлались литераторами, профессорами, бюрократами, реформаторами со всѣми претензіями на высшее образованіе, на государственное значеніе, на обстановку ихъ жизни богатствомъ и комфортомъ. Но какъ не всегда и не всѣмъ суждено было достигъ этихъ благъ, то явились болѣзненныя самолюбія, недовольныя существующимъ строемъ общества и жаждавшія переворотовъ и революцій для того, чтобы при всеобщемъ замѣшательствѣ захватить себѣ силой и сразу то, что при благоустроенномъ порядкѣ приобрѣтается лишь трудомъ и заслугами. Преступная дѣятельность этихъ людей обратилась прежде

всего на впечатлительное учащееся юношество, чтобы, развративъ его понятія и нравы, имѣть въ немъ готовое для своихъ замысловъ—орудіе. Образовались кружки, начались сходки невѣжественныхъ мальчиковъ, которыхъ увѣрили, что они государственные дѣятели, просвѣтители народа. Такая же пропаганда проникла въ женскія учебныя заведенія, гдѣ клеймили именемъ предразсудковъ женскую стыдливость, цѣломудріе, искреннюю дѣтскую набожность; наконецъ появилось ученіе о естественныхъ правахъ самца и самки, породившее нашихъ комунаровъ и нигилистовъ. Ложный принципъ, на которомъ съ 1809 года построена система нашего народнаго образованія, привелъ насъ подъ конецъ къ такому исключительному положенію, что мастеровыхъ и ремесленниковъ мы выписываемъ изъ заграницы, а непризнанные государственные люди, литераторы, реформаторы собственнаго нашего произведенія переполняютъ у насъ всѣ чердаки, подвалы и задніе дворы,—и всѣ они съ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ требуютъ себя значенія, довольства и такого простора своимъ дѣйствіямъ, какого не можетъ допустить ни одно уважающее себя правительство. Эта аномалія простирается такъ далеко, что въ одной только Россіи являются несовершеннолѣтніе государственные преступники, едва сошедшіе со школьной скамьи. Кто же приготовилъ ихъ быть преступниками, когда родители отдали своихъ дѣтей въ учебныя заведенія во всей чистотѣ и невинности ихъ младенческаго возраста? Кто? Какъ не школьные наставники, которые путемъ ложнаго образованія проводятъ лишь свои собственныя тенденціи, выдавая ихъ за сокровенное знаніе, жадно воспринимаемое юношествомъ, потому только, что оно считается недозволеннымъ, запрещеннымъ. Не касаясь тѣхъ немногихъ всѣмъ извѣстныхъ на перечетъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, въ

которыхъ наставники корпоративно преслѣдуютъ истинную цѣль образованія юношества, въ остальныхъ вся учебная дѣятельность воспитанниковъ, распущенныхъ по волѣ и преданныхъ праздности, ограничивается двумя, тремя недѣлями заучиванія передъ экзаменами, по тетрадкамъ, передаваемымъ другъ другу, того что ближе всего могутъ у нихъ спросить. Весь этотъ сумбуръ знанія, затверженнаго на скоро, на изусть, быстро исчезаетъ изъ памяти вмѣстѣ съ полученіемъ диплома. По этому воспитанникъ высшаго учебнаго заведенія, выпущенный съ званіемъ кандидата, и не знающій не только закона Вожяго, но даже отечественной исторіи и географіи, составляетъ нынѣ явленіе обыкновенное: причина одна: добиваются не образованія, а диплома. Никакія паллятивныя мѣры не устраняютъ этихъ дурныхъ послѣдствій, если не будетъ устраненъ принципъ ихъ порождающій. Попытка введенія коллегіальнаго въ университетахъ самоуправленія не оправдала возложенныхъ на нее ожиданій: при отстраненіи правительственнаго контроля (общественнаго никогда допускаемо не было) въ стѣнахъ университета, закрытаго, какъ крѣпость, развились интриги, дразги, своекорыстные расчеты, чуждые интересамъ обученія. Не рѣдко профессоръ, преподающій лекціи въ университетѣ, принимаетъ на себя въ то же время въ разныхъ обществахъ и компаніяхъ по нѣсколькимъ должностямъ, оплачиваемыхъ особымъ жалованьемъ, въ ущербъ обученію университетскому, за которое,—худо или хорошо оно преподается,—штатное жалованье всегда получается акуратно. Ректоръ и деканы могли бы остановить или уменьшить небрежность профессоровъ, но какъ они сами избираются ими, то не естественно, чтобы они поставили себя въ враждебныя отношенія къ своимъ избирателямъ. Къ тому же и сами они не безгрѣшны.

Ревизія учебныхъ заведеній, по распоряженію высшихъ властей, какъ бы она добросовѣстно ни была произведена, всегда будетъ имѣть характеръ смотровой, основанный на отчетахъ отлично и гладко составленныхъ, хотя истина всегда занимаетъ въ нихъ послѣднее мѣсто. Какъ узнать дальше, что творится въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, недоступныхъ никакому постороннему взгляду и наблюденію? Говорятъ, что воспитаніе и образованіе юношества не можетъ быть возложено на попеченіе одного правительства, что общество и родители обязаны содѣйствовать ему въ великомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Совершенно справедливо. Но откройте же обществу и родителямъ запертыя для нихъ двери школы, дабы они могли, по крайней мѣрѣ, путемъ печати сообщать правительству свои наблюденія о всемъ, что тамъ остается до сихъ поръ сокрытымъ. Если бюрократическую тайну изгоняютъ теперь изъ канцелярій судебныхъ и административныхъ, то не логично же укрывать ее въ учебныхъ заведеніяхъ, чтобъ ознакомиться потомъ съ ея послѣдствіями чрезъ мѣры правительственныя и рѣшенія судебныя. И какъ не трудно уничтожить эту тайну, сдѣлавъ преподаваніе лекцій не закрытымъ, но публичнымъ съ однимъ рядомъ скамей въ классѣ или аудиторіи позади учащихся для представителей общества (городскаго и уѣзднаго), родителей и прочихъ близкихъ воспитанникамъ лицъ по билетамъ, получаемымъ отъ предводителя дворянства и городскаго головы. Это незначительное число мѣстъ, предоставленное постороннимъ слушателямъ, не будетъ помѣхою для преподаваемыхъ лекцій, но зато послѣднія сдѣлаются въ содержаніи и въ смыслѣ своемъ извѣстными обществу, а чрезъ него и правительству. За нарушеніе установленной программы преподаванія или обнаруженіе въ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ, стремящихся къ ниспроверженію госу-

дарственнаго порядка или проногандирующихъ безвѣріе, нужно установить общія карательныя мѣры, какъ для цѣлаго корпуса воспитателей, такъ и особыя для тѣхъ, которые окажутся наиболѣе виновными въ развращеніи юношества. Нельзя образовать изъ учебнаго заведенія разсадника зла безъ вѣдома всѣхъ преподавателей, разница только въ томъ, что одни сѣютъ зло, а другіе безучастно смотрятъ на его развитіе, слѣдственно въ общемъ смыслѣ виновны и отвѣтственны всѣ. Тутъ можетъ быть лишь одинъ разборъ въ степени вины и соразмѣрнаго наказанія, начиная съ вычета лѣтъ изъ выслуги пенсіона до увольненія отъ службы и преданія суду въ случаяхъ болѣе важныхъ. Несправедливо было бы карать увлеченія однихъ учащихся, оставляя безнаказанными солидарныхъ съ ними ихъ воспитателей. Но можно полагать что до этого не дойдетъ, потому что сами преподаватели не станутъ выходить изъ предѣловъ своей программы, имѣя въ виду съ одной стороны слѣдящихъ за ними постороннихъ свидѣтелей, а съ другой — висящую надъ ними кару закона. А какъ въ каждомъ учебномъ заведеніи есть профессора и учителя, достойные своего призванія, то общественное мнѣніе ихъ скоро оцѣнитъ и выдвинетъ впередъ, доставивъ имъ достаточный авторитетъ, чтобъ не терпѣть въ средѣ своей развратителей юношества. Дабы не пострадать самимъ за недостойныхъ товарищей, они сперва предложатъ имъ оставить добровольно учебное заведеніе, которому наносятъ вредъ, въ случаѣ же упорства ихъ отнесутся о томъ къ высшему начальству. Такимъ образомъ зло, теперь созрѣвающее въ тайнѣ, раскрыто и уничтожено будетъ по чувству личного самосохраненія преподавателей благонамѣренныхъ.

Съ другой стороны, если бы появился въ заведеніи неисправимо развратный воспитанникъ, способный вредно

влять на своихъ товарищей, то вмѣсто награжденія его аттестатомъ или дипломомъ, его исключать изъ заведенія. Подобный примѣръ строгости удержитъ въ порядкѣ всѣхъ остальныхъ учащихся, которыхъ поощряетъ къ преступнымъ дѣйствіямъ одна лишь безнаказанность, принимаемая ими за безмолвное для себя одобреніе со стороны наставниковъ.

Невозможно также допустить, чтобъ учителя и профессора принимали на себя по нѣскольکو постороннихъ должностей, оплачиваемыхъ особымъ жалованьемъ. Пойдетъ ли на умъ лекція, когда предстоитъ составить отчетъ операціямъ какого нибудь банка или общества, или приготовить многосложный докладъ по городскому управленію?

Необходима, наконецъ, поименная записка въ началѣ каждой лекціи всѣхъ учащихся съ отмѣткою не-привывшихъ и причины ихъ отсутствія, потому собственно, что послѣ всякой ночной оргіи или сходки воспитанниковъ аудиторіи бывають замѣчательно пусты.

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о раздвоеніи исторіи на политическую и церковную съ исключеніемъ изъ учебниковъ и лекцій почти всего религіознаго элемента, составляющаго жизненную силу каждаго народа; оттого по теоріямъ намъ чуждымъ и вопреки собственнымъ лѣтописямъ, у насъ преподается такая космополитическая исторія, которую русскій народъ никогда не переживалъ и которая въ своемъ логическомъ выводѣ противорѣчитъ всей нашей церковной исторіи. Чтожъ удивительнаго, что окончившіе курсъ воспитанники не понимаютъ ни духа, ни склада русской жизни и впадаютъ въ заблужденія, имѣющія для нихъ самый горькій исходъ? По этому учебники исторіи должны быть вновь пересоставлены не литературными компиляторами, но комиссіей духовныхъ и свѣтскихъ людей, дабы выработать для

юношества одно цѣльное понятіе о тысячелѣтней политической и религіозной жизни русскаго народа безъ всякаго ея разъединенія по фантазіямъ преподавателей. Учебники по всѣмъ прочимъ наукамъ также подлежатъ пересмотру потому, что по большей части, составлены литературными спекулянтами, заинтересовавшими въ свою пользу то или другое вѣдомство, предписывающее своимъ подначальнымъ заведеніямъ руководствоваться ихъ компиляціями. Въ недостаточныхъ семействахъ, гдѣ мать или старшая сестра могли бы сами готовить дѣтей къ поступленію въ учебныя заведенія, нужно съ чувствительными для цѣлой семьи издержками нанимать репетиторовъ, чтобъ заставлятъ переучивать наизусть не правила науки, а ея опредѣленія и подраздѣленія различно принятыя во всѣхъ учебникахъ. Это затрудненіе тѣмъ прискорбнѣй, что при нынѣшнемъ низкомъ уровнѣ школьной нравственности, родители считаютъ себя обязанными продлить, какъ можно долѣе, домашнее обученіе своихъ дѣтей, дабы сохранить ихъ отъ слишкомъ ранняго соприкосновенія съ воспитанниками, уже достаточно въ школѣ развратившимися.

Обращаясь къ экзаменамъ, производимымъ въ учебныхъ заведеніяхъ, нельзя не согласиться, что они въ одинаковой мѣрѣ обусловливаются, какъ разумнымъ преподаваніемъ наставниковъ, такъ и прилежнымъ обученіемъ воспитанниковъ; если же сами преподаватели экзаменуютъ своихъ учениковъ, то они становятся судьями въ собственномъ дѣлѣ, и личную небрежность или тенденціозность своего преподаванія покрываютъ несходительностію къ воспитанникамъ. По этому выпускные экзамены должны, по мнѣнію нашему, производиться особою комиссіею, составленною изъ членовъ не принадлежащихъ къ учебному заведенію, въ которомъ производятся экзамены. Комиссія эта можетъ состоятъ

изъ духовныхъ лицъ, по назначенію епархіального архіерея, изъ представителей мѣстнаго суда и администраціи, получившихъ ученые степени, изъ депутатовъ обществъ городского и уѣзднаго, наконецъ изъ тѣхъ специалистовъ, которыхъ учебное вѣдомство сочтетъ нужнымъ командировать на этотъ предметъ. Трудно предположить, чтобы дѣйствительные успѣхи въ наукахъ или вредныя тенденціи, проводимыя въ обученіи, могли укрѣпиться отъ столькихъ опытныхъ лицъ, дѣйствующихъ на различныхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности.

При этомъ необходимо представить епархіальному архіерею экзаменовать въ законѣ Божіемъ воспитанниковъ и воспитаницъ всѣхъ находящихся въ его епархіи учебныхъ заведеній лично или чрезъ особо назначенныхъ имъ духовныхъ сановниковъ, во всякое время, а не въ единственный день экзамена, когда уже поздно будетъ вразумлять воспитанниковъ, если пропаганда безвѣрія преуспѣвала между ними цѣлые годы. Тѣмъ болѣе это нужно, что между духовными преподавателями появляются люди, ищущіе популярности въ учебныхъ заведеніяхъ своимъ напускнымъ свободомысліемъ, а между тѣмъ изъ 400—500 студентовъ православнаго исповѣданія лекціи закона Божіяго посѣщаются иногда 6—7-ю воспитанниками, а часто лекцій вовсе не бываетъ по отсутствію слушателей. За недѣлю или двѣ до экзамена студенты покупаютъ богословское сочиненіе своего профессора и выучиваютъ изъ него что нибудь, чтобъ отвѣчать, какъ попало, на экзаменѣ, зная, что въ удовлетворительныхъ балахъ отказа не будетъ. Когда спросили у одного студента, почему же онъ постоянно не посѣщаетъ лекціи закона Божіяго? Онъ отвѣчалъ: „такъ ведется въ университетѣ по преданію“. Другой, не зная даже краткаго катехизиса, утѣшалъ себя мыслию, что за послѣдніе 20

лѣтъ только два студента не выдержали экзамена въ законѣ Божіемъ, и то вслѣдствіе посторонняго вліянія;—и онъ былъ правъ, получивъ потомъ удовлетворительные балы на равнѣ съ другими. Мы не станемъ здѣсь повторять разказовъ самыхъ воспитанниковъ о томъ, какъ они исполняютъ свои религіозныя обязанности во время великаго поста, потому что не относимъ этого грустнаго явленія къ тому или другому учебному заведенію въ особенности: оно есть, за малыми исключеніями общее во всемъ, истекая изъ тенденцій, господствующихъ между преподавателями.

Если экзаменаціонныя комисіи будутъ состоять изъ лицъ, чуждыхъ личнымъ интересамъ преподавателей, то онѣ могутъ экзаменовать одинаково безпристрастно, какъ воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и тѣхъ, которые получаютъ свое образованіе дома или въ частныхъ и общественныхъ пансіонахъ и коллегіяхъ. Такая конкуренція казеннаго образованія съ частнымъ сдѣлалась неизбежною потребностію времени: *) *во первыхъ* потому, что оно положитъ конецъ бюрокритической системѣ обученія, которая, сохраняя одну лишь его внѣшнюю форму, предоставляетъ внутреннее содержаніе произволу и своеволю учащихся и учащихъ. *Во вторыхъ*: при устройствѣ частныхъ и общественныхъ пансіоновъ и коллегій, воспитанники которыхъ будутъ имѣть одинаковое съ обучающимися въ казенныхъ заведеніяхъ право на полученіе ученыхъ степеней, облегчится государственный бюджетъ по министерству народнаго просвѣщенія, отъ котораго непрестанно требуютъ новыхъ расходовъ на учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній безъ всякой гарантіи со стороны ихъ нравственной поль-

*) Недавнее распоряженіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о допущеніи къ экзаменамъ учениковъ домашняго воспитанія было сочувственно встрѣчено въ цѣлой Россіи.

зы. *Въ третьихъ*: прекратятся громкія и справедливыя жалобы родителей на непринятіе дѣтей ихъ въ среднія казенныя учебныя заведенія по недостатку вакансій, тогда какъ соотвѣтственныхъ частныхъ и общественныхъ заведеній нѣтъ, вслѣдствіе отнятія у частнаго воспитанія всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, какими пользуется казенное. Если же права того и другаго будутъ уравнины, то частныя и общественныя пансіоны и коллегіи, основанныя на собственные капиталы учредителей, станутъ заботиться не только о тщательномъ преподаваніи наукъ, но и о нравственномъ воспитаніи, иначе родители—плательщики возьмутъ обратно своихъ дѣтей и заведеніе обанкрутится. Сверхъ того само правительство всегда можетъ закрыть частное учебное заведеніе въ видѣ справедливой кары за нарушеніе утвержденной для него программы, чего нельзя сдѣлать съ заведеніемъ казеннымъ, на учрежденіе котораго затрачены значительныя государственныя капиталы. Это безысходное затрудненіе разрѣшится лишь тѣмъ, если дипломы, выдаваемые экзаменаціонными комиссіями, какъ казеннымъ такъ и частнымъ воспитанникамъ, станутъ приносить однѣ ученныя степени безъ всякой монополіи по службѣ, безъ всякихъ наградъ впередъ за такія заслуги, которыхъ еще нѣтъ, а можетъ быть и со всѣмъ не будетъ. При уничтоженіи незаслуженныхъ привилегій, сами воспитанники казенныхъ заведеній станутъ старательнѣй учиться, зная, что добытый ими лоскутъ бумаги, безъ дѣйствительныхъ познаній, останется для нихъ совершенно бесполезнымъ.

Особыя экзаменаціонныя комиссіи доставятъ возможность сдавать экзаменъ во всякое время, даже предъ самымъ поступленіемъ въ тотъ или другой родъ службы и потой спеціальной части, къ которой каждый себя готовилъ, не требуя по словамъ Карамзина (рук. о древ.

и нов. Россіи), „чтобы смотритель дома ума-лишенныхъ зналъ римское право, а предсѣдатель гражданской палаты—Гомера и Теокрыта“. И кто изъ насъ не знаетъ, что исправнику и становому приставу никогда не понадобятся въ ихъ службномъ кругу ни греческій, ни латинскій языки? За чѣмъ же отнимать у обучающихся время на изученіе того, въ чемъ никогда не встрѣтятся надобности, что по выходѣ изъ школы вскорѣ забудется, и на оборотъ лишать ихъ возможности совершенствовать себя въ тѣхъ познаніяхъ, которыя потребуются отъ нихъ при исполненіи ихъ спеціальной службы или профессіи. Мы не только не отвергаемъ, но признаемъ даже необходимость основательнаго изученія древнихъ языковъ по нѣкоторымъ спеціально изучаемымъ наукамъ, но не можемъ не замѣтить, что ихъ обзательно преподаютъ не для изученія христіанской цивилизаціи первыхъ вѣковъ, безъ которой нельзя ни понять, ни объяснить цивилизаціи греко-римской, а собственно для изученія этой послѣдней, какъ исходной точки всякаго просвѣщенія. Древніе учителя церкви, усвоившіе себѣ всѣ лучшія стороны классической литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергли лжеученія, которыми она была пропитана, вслѣдствіе всеобщаго развращенія нравовъ. Нынѣшніе же просвѣтители преподаютъ и объясняютъ классиковъ съ точки зрѣнія древнихъ софистовъ и философовъ, и потому современное классическое образованіе во Франціи, сѣверной Германіи и Россіи становится съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе языческимъ, такъ что вмѣсто христіанскихъ юношей, мы уже теперь встрѣчаемъ двойниковъ аѳинской и римской молодежи временъ цезарей, которая кичилась тѣмъ, что все отрицала и ни чему не вѣрила. Всѣхъ сбиваетъ съ толку преподаваніе классическихъ языковъ въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но вѣдь тамъ религіозное воспитаніе стоитъ во главѣ образованія ум-

ственного подъ надзоромъ самаго общества, и потому изученіе древней исторіи и литературы имѣетъ тамъ тоже осмысленное значеніе, какое придавали ему учителя церкви. Во Франціи же и въ сѣверной Германіи, откуда мы заимствуемъ свои образцы, преслѣдуютъ одно умственное образованіе, оставляя воспитаніе религіозное на заднемъ планѣ. Теперь, когда дошли до тѣхъ же послѣдствій, какія испиталъ древній міръ, когда увидѣли и тѣже самыя признаки разложенія семьи и государства, — во Франціи бросились съ лихорадочнымъ безпокойствомъ устраивать католическіе университеты, а въ протестантской Германіи возвышать авторитетъ церковныхъ генеральныхъ синодовъ, хватаясь за религіозное начало, какъ за послѣднюю достку спасенія, потому что власть, по словамъ Кархмана, *) при безпредѣльной личной свободѣ, не имѣетъ уже иной опоры, кромѣ физической силы. Что же нынѣ дѣлать намъ русскимъ, когда подлинники и образцы наши сами признали себя несостоятельными? По неволѣ приходится возвратиться на путь своего собственного народнаго развитія и въ этомъ смыслѣ нельзя не встрѣтить съ полнымъ сочувствіемъ благоую мысль нашего правительства о пересмотрѣ университетскаго устава. Преобразование университетовъ приведетъ по необходимости къ преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ по закону индивидуальнаго развитія, по личному складу ума и внутреннему призванію cadaго учащагося, нельзя подвести всѣ юныя интеллигенціи подъ одну общую бюрократическую мѣрку, недопускающую изученія той спеціальности, къ которой каждый юноша долженъ готовить себя съ раннихъ поръ. Широкая среднеобразовательная программа есть только необходимое условіе для заведенія, въ которомъ должны преподаваться всѣ

*) Culturkampf in Preussen. Kirchmann.

роды спеціальнаго образованія, какое кто изберетъ для будущаго честнаго обеспеченія своего существованія, но ни какъ нельзя въ подобныхъ заведеніяхъ обременять еще юный не сложившійся организмъ мальчика такою массою нужныхъ и безнужныхъ для него познаній, которыя подъ конецъ приводятъ его или къ отупѣнію или къ болѣзнямъ печени, а чаще всего къ недоученности. Ключки всѣхъ многообразныхъ наукъ, безсвязно перепутанные въ его понятіяхъ, нисколько не возрастаютъ во все пребываніе его въ университетѣ, откуда послѣ жизни празднои и посвященной различнымъ тенденціямъ, онъ выходитъ такимъ же недоучкой, какимъ вышелъ изъ гимназій. Ни чуть неудивительно, что такихъ юношей, несложившихся ни нравственно, ни умственно, легко обратитъ на всякій преступный путь, какой имъ укажутъ.

И вотъ тѣ дѣятели, тѣ наставники, которыхъ приготовили для воспитанія, а можетъ быть и для развращенія русскаго народа! Теперь, когда иныхъ болѣе надежныхъ нѣтъ, требуютъ величайшихъ жертвъ со стороны правительства и земства для обязательнаго, т. е. насильственнаго обученія народа. Тутъ удивляться нечему: аббатъ Мори сказалъ еще въ первомъ конституціонномъ собраніи во Франціи, что изъ всѣхъ родовъ деспотизма самый непошадный тотъ, который прикрываетъ себя маской либерализма. По этому и наши деспоты-либералы не спрашиваютъ у самаго народа какая ему нужна грамотность, а навязываютъ ему свою для него непонятную ни по смыслу, ни по содержанію. Императрица Екатерина II учредила въ городахъ народныя училища для удовлетворенія проявившейся тогда между горожанами потребности умѣть читать, писать, знать законъ Божій, церковное чтеніе и первыя правила ариметики. Впослѣдствіи потребность въ болѣе широкомъ образованіи постепенно возрастала сама собою до того,

что горожане доставляютъ теперь наибольшій контингентъ воспитанниковъ во всѣ среднія и высшія учебныя заведенія. Сельскіе обыватели чувствуютъ въ настоящее время ту же потребность въ обученіи не сложномъ, но религиозно-нравственномъ. Отчего же не удовлетворить этому разсудительному ихъ желанію, сообразному съ ихъ понятіями и средствами? За чѣмъ затрачивать громадныя суммы на счетъ тѣхъ же плательщиковъ, изъ какого бы источника ни исходили они—государственнаго или земскаго? Екатерина II указывала при учрежденіи своихъ училищъ на Марію-Терезію, которая „примѣромъ одной школы установила больше 800 школъ.“ *) Еще не давно кто-то печатно сказалъ: устройте хорошую школу и сами крестьяне поведутъ туда своихъ дѣтей; а мы добавимъ отъ себя: и оплатятъ съ охотою содержаніе школы, не обременяя излишними издержками ни правительства, ни земства. **)

При недостаткѣ учителей, нельзя не сочувствовать мысли объ учрежденіи учительскихъ семинарій, но для нихъ не выработано еще ни какой программы для распространенія грамотности въ средѣ сельскихъ обывателей, по потребностямъ ими самими сознаннымъ, а не по готовой мѣркѣ, выкроенной для нихъ въ кабинетѣ и неподходящей къ ихъ умственному развитію. И какъ теперь распознать тенденціи необдуманна, но исходящія изъ побужденій благонамѣренныхъ, отъ тѣхъ, которыя направлены къ прямому возвращенію народа путемъ школы? Во всякомъ случаѣ необходимо покамѣстъ назначить къ сельскимъ школамъ попечителей изъ высшаго образован-

*) Записки Храповицкаго стр. 4.

**) Крестьяне требуютъ грамотности по книгамъ Священнаго Писанія традиціонной въ Россіи а современные педагоги имъ навязываютъ свои эксперименты и затѣи, пассивно крестьянами отвергаемые.

наго сословія, по избранію мѣстнаго предводителя дворянства, для наблюденія за тѣми ярыми комунарами, которые посредствомъ самаго лицемѣрнаго смиренія успѣваютъ получить должности сельскихъ учителей для того, чтобы въ глуши, вдали отъ властей, развивать свою преступную дѣятельность развращенія народа. Впослѣдствіи, когда въ преобразованныхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитано будетъ цѣлое поколѣніе въ строгихъ правилахъ религіи и нравственности, тогда найдется достаточное число для сельскихъ школъ учителей и наставниковъ, которыхъ теперь въ строгомъ смыслѣ нѣтъ и неоткуда набрать.

Излишне было бы доказывать необходимость преобразованія нашей учебной части, когда само правительство нашло нужнымъ приступить къ пересмотру университетскаго устава; скажемъ только, что защитники нынѣшнихъ порядковъ, съ которыми связано столько интересовъ, возносятъ наше университетское самоуправленіе до уровня англійскаго, но достаточно присмотрѣться къ неконтролируемой у насъ свободѣ учащихся и учащихся, чтобы понять не сообразность подобнаго сравненія. Самоуправленіе англійскихъ университетовъ, выработанное вѣками, замѣняетъ министерство народнаго просвѣщенія, котораго въ Англій нѣтъ, какъ и нѣтъ дипломовъ съ исключительными служебными привилегіями. Англійскіе университеты, имѣющіе своихъ представителей въ парламентѣ и отвѣтственные въ своихъ дѣйствіяхъ предъ цѣлою націей, составляютъ закрытыя заведенія, гдѣ нравственность юношей, воспитанная въ семьѣ, сохраняется подъ надзоромъ особымъ туторовъ. Англійскіе юноши, по словамъ одного государственнаго чловѣка Англій, добровольно отрекаются отъ всякой свободы въ стѣнахъ университета для того, чтобы окончивъ тамъ свое образованіе, внѣ всякихъ развлеченій, выйти оттуда пол-

ноправными гражданами, достойными служить своему отечеству.

Замѣчательно, что практическій умъ Англичанъ не измѣнилъ себѣ въ приобразованіи учебной части въ Остѣ-Индіи, при условіяхъ совершенно иныхъ чѣмъ въ Англии. Они учредили тамъ 4 университета и 60 коллегій, соответствующихъ нашимъ факультетамъ. Въ коллегіяхъ преподаютъ образованіе специальное, университеты же имѣютъ прямое назначеніе производить экзамены воспитанникамъ, окончившимъ свой специальный курсъ въ коллегіяхъ.

Изъ этихъ наглядныхъ фактовъ видно, что система англійскаго народнаго образованія и наша имѣютъ совершенно различныя направленія.

Въ продолженіе 67 лѣтъ со времени изданія указа 1809 года, личный составъ нашего министерства народнаго просвѣщенія многократно измѣнялся: мы имѣли министровъ высоко просвѣщенныхъ, вполне преданныхъ дѣлу и окружавшихъ себя сотрудниками даровитыми и благомыслящими, а между тѣмъ наше народное образованіе принимало съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе неправильное направленіе, котораго послѣдствія нынѣ приобрѣли самую грустную извѣстность. Такой долговременный опытъ выясняетъ до очевидности, что дѣло не въ людяхъ, а въ ложномъ принципѣ, на которомъ съ 1809 года зиждется вся система нашего народнаго образованія.

Да и какую систему народнаго просвѣщенія возможно создать по чужимъ образцамъ, по готовымъ рамкамъ, въ которыя никакъ не укладывается историческая жизнь народа? И какъ опредѣлить это просвѣщеніе, не опредѣливъ сравнительнымъ изученіемъ двухъ противоположныхъ цивилизацій, изъ которыхъ оно истекаетъ: языческой греко-римской и христіанской первыхъ вѣковъ

церкви? Только путемъ этого сравненія можно логически придти къ исходной точкѣ для всякаго правильнаго умственнаго и нравственнаго образованія. Но теперь въ системахъ европейскаго просвѣщенія все смѣшано въ одномъ безысходномъ хаосѣ: истина съ ложью, нравственность съ развитіемъ умственнымъ, вѣра съ наукой ложной, язычество съ христіанствомъ.

Россія, неизмѣнно слѣдовавшая въ продолженіе девяти вѣковъ по пути христіанской цивилизаціи, которой обязана всѣмъ своимъ нынѣшнимъ могуществомъ и величіемъ, не можетъ имѣть никакой иной системы народнаго просвѣщенія, которая не былабы всецѣло основана на православномъ ученіи соборной и апостольской церкви, всегда умѣвшей согласовать вѣру съ истинной наукой.

ГЛАВА X.

Культурная борьба въ Германіи.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ парадоксовъ, заимствованныхъ нами изъ Германіи, заключается въ томъ, что достаточно одного умственнаго образованія, помимо всякаго религіознаго воспитанія, чтобъ поднять уровень народнои нравственности. Безспорными историческими фактами мы доказали противное. Когда Руссо представилъ свою диссертацию Дижонской академіи о томъ, что науки и искусства повсюду споспѣшествовали развращенію нравовъ и паденію государствъ, тотчасъ прокричали, что это парадоксъ, но никто до сихъ поръ не указалъ парадоксальной стороны его диссертации, которая до сихъ поръ вѣрна во всѣхъ своихъ выводахъ, если принять за базисъ челоѳческаго развитія одно умственное образо-

ваніе. Мы объяснили въ своемъ мѣстѣ, что Руссо имѣлъ въ виду осмѣять энциклопедистовъ, зная, что въ отпоръ ему, они, по ненависти къ христіанству, ни за что не укажутъ на первые пять вѣковъ христіанской цивилизаціи, когда наука согласовалась съ религіею и когда учителя церкви, будучи ученѣйшими людьми своего вѣка, защищали ее отъ нападка невѣжественныхъ фанатиковъ.

Въ настоящее время вышла въ Германіи замѣчательная брошюра *о Культурной борьбѣ въ Пруссіи* (Der Kulturkampf in Preussen und Seine Bedenken), Кирхмана. Этотъ протестантъ, одинъ изъ вождей либеральной партіи, человѣкъ извѣстный своими философскими сочиненіями, выступилъ, къ изумленію цѣлой Германіи, какъ защитникъ авторитета католической церкви. По его выводамъ всякое государство требуетъ для огражденія благоустроеннаго гражданскаго порядка согласованной дѣятельности двухъ великихъ началъ—*личной свободы и авторитета*, но съ половины прошедшаго столѣтія началось сперва теоретическое, а потомъ практическое расширеніе личной свободы на счетъ непрестанно подавляемаго авторитета: появилось самовозвышеніе индивидуальное съ его эгоизмомъ, отрицаніемъ и разлагающею критикой всего существующаго, между тѣмъ, какъ распатанный со всѣхъ сторонъ принципъ авторитета уменьшился до того, что повиновеніе законамъ и властямъ едва удерживается нынѣ посредствомъ внѣшней силы и страха наказаній. Много возлагали надеждъ на представительныя учрежденія, но они по своей природѣ, способны, на противъ, уничтожить всякое уваженіе ко власти и къ законамъ, при ежедневныхъ нападкахъ на правительство, при критикѣ существующихъ учреждений со стороны недовольныхъ партій. По этому общество нуждается для поддержанія необходимой для него правительственной власти въ авторитетѣ Церкви.

„Люди ученые, но индифферентные въ дѣлѣ религіи, полагаютъ замѣнить это пособіе лучшимъ школьнымъ образованіемъ, но тутъ ожидаетъ ихъ самое горькое разочарованіе. Какое бы чрезмѣрное число нѣколѣ ни учреждали, въ результатѣ окажется, что чѣмъ болѣе будетъ предметовъ обученія, тѣмъ отрывочнѣй и безсвязнѣй будутъ приобрѣтенныя знанія, тѣмъ скорѣе забудутся, когда поселенинъ или ремесленникъ обратится, по выходѣ изъ школы, къ занятіямъ, обеспечивающимъ ихъ существованіе. Въ городахъ, гдѣ всегда есть болѣе средствъ, чѣмъ въ селеніяхъ, завели для низшаго класса народа школы съ болѣе обширною программю, существующія уже нѣсколько поколѣній, и чтожь оказалось? Низшій классъ народа здѣсь несравненно развращеннѣй, чѣмъ въ деревняхъ, не смотря на то, что городскимъ ученикамъ набиваютъ голову большимъ количествомъ отрывочныхъ знаній, чѣмъ деревенскимъ.

„Только въ семьѣ, говоритъ Кирхманъ, возможно развитіе нравственнаго воспитанія и образованія. Для приобрѣтенія добродѣтели и нравственности не поможетъ никакое знаніе; нужны строгій присмотръ и добрый примѣръ. Дурныя наклонности не искореняются въ человѣкѣ ученіемъ, но дѣйствіемъ собственнаго нравственнаго чувства, привычкою къ повиновенію, постепенно возрастающимъ уваженіемъ къ тому, что повелѣваетъ долгъ и къ авторитетамъ, изъ которыхъ онъ истекаетъ. Основаніе всему этому полагается въ семьѣ: здѣсь ребенокъ научается повиноваться родителямъ единственно потому, что они такъ приказали, и что въ случаѣ нужды могутъ строгостію наказанія привести мальчика къ сознанію своего долга и власти повелѣвающихъ. Родители должны при этомъ сами подавать собою добрый примѣръ, потому что нравственное чувство мальчика или дѣвочки тогда только разовьется во всей силѣ, когда они увидятъ, что

родители и всѣ члены семьи исполняютъ свой долгъ, какъ прямое требованіе добродѣтели.“ *)

Евангелическая церковь, проникнутая со временъ реформаціи духомъ критики и саморѣшенія, не можетъ внушить уваженія къ повелѣніямъ власти и къ безпрекословному ихъ повиновенію, между тѣмъ какъ въ такой именно власти и нуждается современное человѣчество. Лишь католическая церковь еще можетъ поддержать авторитетъ власти, потому что не допускаетъ никакого индивидуальнаго саморѣшенія и не признаетъ за личными убѣжденіями никакой истины религіозной, истекающей единственно изъ заповѣдей самого Бога. Католическія государства и даже семейства набожныхъ католиковъ сознаютъ всѣ недостатки и злоупотребленія папскаго церковнаго управленія, но страдаютъ его реформы, чтобъ не поколебать власти католической церкви и не предать семьи и государства всеразлагающей силѣ личной свободы. Начинаютъ сознательно понимать, что настоящая борьба, есть борьба христіанства съ новѣйшимъ язычествомъ и личной свободы съ авторитетомъ власти. Вотъ почему правительство французское желаетъ скорѣе укрѣпить, чѣмъ ослабить авторитетъ католической церкви, и въ этомъ отношеніи невѣрующій Тьеръ дѣйствовалъ такъ же точно, какъ дѣйствуетъ теперь набожный Макъ-Магонъ. Въ Италіи, въ Австріи избѣгаютъ столкновенія съ этой церковью, чтобъ не лишиться необходимой опоры поколебленный и тамъ авторитетъ государственной власти.

Кирхманъ признаетъ евангелическую и прочія реформированныя церкви учрежденіями человѣческими и даже правительственными, и считаетъ ихъ на столько униженными, что онѣ уже лишены всякаго вліянія на нравственное состояніе человѣческаго общества.

*) Der Culturkampf in Preussen. S. 42, 43.

Не странно ли, что въ подраженіе нѣмецкому свободомыслию наши преобразователи проводили въ своихъ разныхъ проэктахъ мысль о реформѣ нашей православной церкви? Теперь же въ самой Германіи начинаютъ признавать, что реформированная человѣческой волею церковь совершенно безсильна возратить человѣчество на тотъ высокій нравственный путь, отъ котораго оно уклонилось, признавъ, что достаточно одного умственнаго образованія, чтобъ поднять нравственность людей, достаточно одной личной свободы, чтобъ обеспечить ихъ благосостояніе. Короче, католическая церковь, не смотря на злоупотребленія папской власти признается единственною на западѣ оградой противъ ничѣмъ неограниченной личной свободы, нынѣ подрывающей всякій авторитетъ, всякое повиновеніе власти. Преимущества нашей Церкви еще выше, чѣмъ католической. Западные богословы убѣдились наконецъ путемъ тщательныхъ историческихъ изслѣдованій, что одна лишь Восточная православная церковь сохранила во всей чистотѣ святое вѣроученіе древней вселенской церкви, и что только въ соединеніи съ нею возможно достигъ объединенія всѣхъ прочихъ христіанскихъ церквей, болѣе или менѣе уклонившихся отъ вѣковѣчныхъ правилъ единой соборной и апостольской церкви. По этому слѣдующую главу мы посвящаемъ обязанности, на насъ всѣхъ лежащей, оградить святую православную церковь отъ всякаго посягательства на ея божественный авторитетъ нашихъ невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ реформаторовъ.

Добавимъ при этомъ, что опасенія истинныхъ нѣмецкихъ патріотовъ за нынѣшнее религіозное и политическое состояніе Германіи — не напрасны. Въ первые три мѣсяца послѣ изданія церковныхъ законовъ, сдѣлавшихъ необязательными ни святое Крещеніе, ни брачное благословеніе Церкви, въ Пруссіи оказалось, (не считая ея недавнихъ завоеваній и даже прирейнскихъ провинцій)

24,000 оставленныхъ безъ крещенія младенцевъ, а евангелическихъ браковъ, заключенныхъ безъ благословенія и молитвъ церкви,—8281. *). Слѣдовательно новое язычество получило въ Германіи законную санкцію, вслѣдствіе продолжительной пропаганды безвѣрія, избравшей своимъ центромъ берлинскій университетъ, гдѣ Вюхнеръ, Вирховъ и другіе распространяли самый грубый атеизмъ, прикрывая его названіемъ *культурной борьбы*. Понятно, что далѣе за Германіей намъ идти нельзя, и что Россія, въ видахъ безопасности церкви и государства, не можетъ и не должна допустить этой нѣмецкой терпимости съ ея развращеніемъ нравовъ и понятій цѣлыхъ поколѣній.

ГЛАВА XI.

О Духовно-судебной реформѣ и бракоразводномъ производствѣ.

Древніе риторы, образование которыхъ заключалось въ звучной, выработанной фразѣ, считали себя людьми передовыми, рассуждая обо всемъ, что знали и чего не знали, и защищая сегодня, что опровергали вчера. Они рисовались своимъ краснорѣчіемъ на площадяхъ, въ садахъ, въ амфитеатрахъ, за роскошными обѣдами, приправленными ихъ спичами. Но древняя цивилизація имѣла то преимущество передъ нашею, что нотаріусы (стенографы) и либраріи (писатели рѣчей и книгъ) передавали исторіи только то, что было достойно вниманія потомства; все остальное мнимое краснорѣчіе разносилось и исчезало въ воздухѣ. Совсѣмъ не то съ риториками нашего времени, которые, благодаря успѣхамъ книгопечатанія, переполнили собою и своими измышленіями га-

*) *Latweschu arišes*, одна изъ старѣйшихъ латышскихъ газетъ, приведенная въ „Русскомъ Мирѣ“, № 114. 1876 г.

зеты, журналы, протоколы различныхъ обществъ и всѣ европейскія канцеляріи. Оттого самыя благодѣтельныя реформы, выработанныя новѣйшею цивилизаціей, почти всегда требуютъ, вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ, очистки ихъ отъ тендеціозныхъ началъ, проводимыхъ современными риториками въ видѣ экспериментовъ ихъ надъ чело-вѣческимъ обществомъ. Между тѣмъ сама жизнь указываетъ какія нужны ей въ данное время реформы, по мѣрѣ развитія наукъ, искусствъ, торговли, промышленности, земледѣлія, внѣшнихъ и внутреннихъ сношеній и прочихъ измѣняющимся условій народнаго быта. Обращаясь собственно къ Россіи, мы видимъ на примѣръ, что судопроизводство древнихъ воеводъ замѣнилось въ послѣдствіи времени коллегіальными судами Петра I и учрежденіями Екатерины II, которые, въ свою очередь, уступили мѣсто новѣйшей судебной реформѣ. Все это въ порядкѣ вещей, и каждая реформа была въ свою пору прогрессамъ, удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей общества въ его гражданской жизни. Со всѣмъ не такъовъ духовный міръ чело-вѣка, въ которомъ заключается истина вѣчная, неподлежащая никогда никакому измѣненію—истина религіозная. Правительство наше, сознавая всю важность поднятаго вопроса о преобразованіи духовнаго суда, само опубликовало представленный ему по этому предмету проектъ, дабы вызвать и взвѣсить всевозраженія, какія нужно ему знать для правильнаго и безошибочнаго мѣропріятія въ реформѣ, которая по своему необъятному значенію едва ли не важней (и въ случаѣ неудачи едва ли не опаснѣй) всѣхъ преобразованій новѣйшаго времени, взятыхъ вмѣстѣ. Достаточно сказать, что ни одинъ европейскій народъ, опередившій насъ на пути гражданскаго судоустройства, не отважится въ настоящее время ввести у себя духовно-судебную реформу, какая задумана у насъ. Ужели возможно для насъ однихъ

то, что другіе народы считаютъ не возможнымъ и нмыслимымъ? Вотъ почему мы всегда удивлялись той легкости, съ какою наша печать относилась къ этой реформѣ. Мы не имѣемъ въ виду защищать и отстаивать судъ консисторіи, устарѣвшій, какъ всѣ современныя ему учрежденія съ тѣмъ бюрократическимъ устройствомъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ постановленіями соборной церкви. При нынѣшнемъ, столь обыкновенномъ, невѣдѣніи ученія православной церкви, вынесенномъ изъ всѣхъ даже высшихъ учебныхъ заведеній, можетъ статься, что составители проекта смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія гражданской судебной реформы, считая духовную столько же возможною, какъ первая. Тутъ есть вмѣняемость; насъ удивляетъ только то, что лица, принадлежащія къ духовенству, получившія и сами преподающія духовное образованіе, вдались въ рационализмъ и въ пресбитеріанизмъ, дабы съ осуществленіемъ защищаемаго ими проекта освободиться отъ суда епископскаго, который сдѣлается инстанціею лишнею, какъ будетъ лишнимъ и апостольское призваніе самаго епископа. Но каковы бы ни были всѣ эти частныя и личныя стремленія нельзя же намъ примириться съ мыслию, чтобы у народа русскаго, какъ у Самсона, была сразу отрѣзана вся его сила, заключающаяся въ его непоколебимомъ православіи, недопускающемъ ни какихъ измышленныхъ нововведеній, противныхъ ученію церкви. На западѣ, гдѣ духовное образованіе приняло болѣе серьезное направленіе, теперь пришли къ убѣжденію, что нужны не нововведенія, а возвращеніе къ совершеннѣйшему изъ законодательствъ — канонамъ соборной и апостольской церкви. По этому мы замѣтимъ здѣсь только непримѣнимость предлагаемаго проекта въ его основныхъ началахъ:

Судъ епископа надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ установленъ самими апостолами (1 посл. къ Тим. V. 19).

Но какъ судъ епископа не есть еще непогрѣшимый, то 5 правиламъ 1 никейскаго вселенскаго собора постановлено имѣть ежегодные помѣстные соборы, на которыхъ подчиненное епископу духовенство можетъ приносить на него свои спрєведливья жалобы.

19 правиломъ 4 вселенскаго халкидонскаго собора подтверждено тоже самое созваніе ежегодныхъ помѣстныхъ соборовъ въ мѣстѣ, какое назначитъ начальникъ митрополи для разрѣшенія распрєй и всякаго прекословія.

Тожє самое подтвержденіе значится въ 8 правилѣ 7 константинопольскаго и въ 6 правилѣ 7 никейскаго вселенскихъ соборовъ, съ тою только разницею, что помѣстные соборы опредѣлено созывать одинъ разъ въ годъ, тогда какъ прежде они открывались дважды въ теченіе года.

По 7 правилу постановленій апостольскихъ, къ епископу не явившемуся по вызову собора, слѣдуетъ отправить двухъ епископовъ съ приглашеніемъ исполнить сообщенное ему требованіе, если же онъ не послушаетъ ихъ, то подвергается соборному осужденію.

По 6 правилу помѣстнаго антиохійскаго собора, духовнаго лица, отлученнаго своимъ епископомъ, другой епископъ разрѣшить не можетъ, такъ какъ право осудить или оправдать обвиненнаго принадлежитъ лишь собору.

Далѣе по правилу 12, апелляція на рѣшеніе помѣстнаго собора указана къ великому собору.

Правиломъ 13 того же антиохійскаго собора постановлено, что если какой епископъ самовольно поставитъ въ чужой области прєвитера или діакона или вмѣшается въ церковное управленіе, то самъ подлежитъ изверженію.

Правиломъ 14 указано, что если на помѣстномъ соборѣ раздѣлятся голоса оправданія и обвиненія епископа, то митрополитъ приглашаетъ для разрѣшенія прекословія другихъ епископовъ ближней страны.

По правилу 12 помѣстнаго кареагенскаго собора, епископа не могутъ судить на соборѣ менѣе 12 епископовъ, пресвитера—6, и діакона 3.

Въ виду этихъ постановленій, вполне ограждающихъ духовный судъ отъ всякаго единоличнаго пристрастія, странно подумать, что епископъ, который принялъ бы по проекту званіе председателя духовнаго окружнаго суда, подлежить по правиламъ соборной церкви изверженію, а рѣшенія его относительно духовенства чужой епархіи должны считаться преступными. И какъ поступить, если бы какой нибудь епископъ не призналъ компетентности новаго суда? Ужели придется примѣнить къ нему теперешніе нѣмецкіе распорядки? Но вѣдь въ Германіи лютеране тащатъ въ тюрьму католиковъ, непризнающихъ власти государственной. У насъ ничего подобнаго и въ мысли нѣтъ; изъ чего же затѣвать такую реформу духовнаго суда, которая подразумеваетъ реформу церкви, и чрезъ то напрашиваться на религіозныя смуты, которыхъ, благодаря Бога, во все не имѣемъ? Какъ ни стыдно, но мы должны, по правдѣ краснѣть предъ западными богословами, лучше насъ изучившими исторію христіанства и сознающими теперь, что исходною точкою для современнаго общенія христіанскихъ церквей можетъ послужить лишь неизмѣнность догматовъ и каноновъ соборной церкви, сохраненныхъ до сихъ поръ во всей чистотѣ однимъ восточнымъ православіемъ. Ужели мы дожили до такого страннаго времени, что защитниковъ православія должны искать внѣ православія.

Сколько сдѣлано было попытокъ и въ какихъ различныхъ формахъ и подъ какими благовидными предлогами, чтобы упразднить каноны православной церкви и святость семейнаго союза, ими охраняемую! Нынѣшній публичный, гласный разборъ семейныхъ несогласій родителей съ дѣтьми, супруговъ между собою уже фактически разрушилъ этотъ священный союзъ, потому что всѣ члены семьи по очередно выставленные на потѣху постороннихъ зрителей, никогда ни сойтись ни простить другъ другу этого униженія не могутъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что законы, выработанные жизнью русскаго народа и согласные съ духомъ православнаго ученія до сихъ поръ не отмѣнены. Теперь вся дѣятельность партіи враждебной благоустройству семейному и общественному, обращена на передачу бракоразводныхъ дѣлъ производству гражданскихъ судовъ, дабы свести Божественное таинство брака до нотаріальнаго договора, записаннаго у маклера. Такое условіе не нуждается въ благословеніи церкви и всегда можетъ быть разрушено при произвольномъ толкованіи судей и адвокатовъ. Если же это ретроградное движеніе къ худшимъ временамъ язычества удастся провести въ жизнь, то по примѣру древняго Рима, въ эпоху его упадка, разводы станутъ размножаться до тѣхъ поръ, пока самый бракъ сойдетъ на степень *узаконеннаго прелюбодѣянія*: Мы же съ своей стороны полагаемъ, что доколѣ Россія останется страной православною, до толѣ бракоразводныя дѣла не могутъ разрѣшаться иначе, какъ на основаніи божественнаго догмата и кононовъ церкви: всякое иное рѣшеніе будетъ признаваться нечестивымъ въ совѣсти и въ понятіяхъ русскихъ людей. Въ настоящее время нельзя не только допустить подобной профанаціи церкви и семьи, но необходимо пересмотрѣть новыя узаконенія, косвенно допускающія публичность разбора семейныхъ дѣлъ, дабы

возвратиться къ прежнимъ законамъ, согласнымъ съ вѣроученіемъ церкви и недопускавшимъ гласнаго посрамленія членовъ одной и той же родной семьи.

ГЛАВА XII.

О цензурѣ нравовъ и печати.

Законы, основанные на нравственныхъ истинахъ, провѣренныхъ исторіею, способствуютъ очищенію нравовъ, какъ и чистые нравы, въ свою очередь, обеспечиваютъ честное исполненіе законовъ. Безъ этого согласнаго взаимно—дѣйствія государственная жизнь народа раздвоится, и какъ ращепленное по поламъ дерево, изсохнетъ прежде чѣмъ успеетъ правильно развиваться. Многочисленныя и благотворныя реформы, составляющія честь и славу нынѣшняго царствованія, могутъ остаться мертвою буквою, бесполезнымъ стремленіемъ къ добру, если нравы впадутъ въ противорѣчіе съ законами, короче если одна рука будетъ разрушать то, что создавала другая. Самое высокое развитіе судоустройства, судопроизводства и вообще науки права совершалось въ Римѣ въ то самое время, когда въ немъ царствовалъ наглый произволъ, когда ни личность, ни имущество гражданъ не имѣли никакой для себя гарантіи, когда подкупъ или звѣрская прихоть рѣшали участь людей. А между тѣмъ римляне пользовались публичностію суда и самой даровитой адвокатурой, и мы до сихъ поръ благоговѣемъ передъ глубокомысленной разработкой права, котораго развращенные нравы не допустили примѣнить ко благу тогдашняго многострадальнаго человѣческаго общества. Но какъ остановить развращеніе нравовъ, чтобъ гарантиро-

вать исполненіе благихъ гражданскихъ реформъ? Исторія указываетъ неизмѣнные законы, которыми обуславливались сохраненіе, упадокъ и возстановленіе чистоты нравовъ. Крики распущенности и возгласы о потребностяхъ современной цивилизаціи въ исторіи не новы, дѣйствительная же потребность настоящаго времени заключается въ возстановленіи цензуры нравовъ, (*censura morum*) которая одна способна остановить разложеніе семьи и государства, неизбежное при нынѣшнемъ чудовищномъ развитіи эгоизма и своеволія. При вѣковѣчной неизмѣнности законовъ природы человѣка, цензура эта возможна теперь, какъ она была возможна въ лучшія времена Рима и въ первыхъ вѣкахъ христіанства, когда всѣ тогдашніе христіанскіе народы подчинены были въ отношеніи нравственномъ духовной цензурѣ соборной церкви. Заручившись этими безспорными въ исторіи фактами, мы смѣло спрашиваемъ: кто и кому далъ право развращать въ православной Россіи умъ и сердце русскихъ людей и въ особенности русскихъ женщинъ? Кто дозволилъ театру, начавшему съ насмѣшекъ надъ всякою семейною нравственностію, дойти прогрессивно до каскадныхъ представлений, пріучающихъ зрѣніе, слухъ и умъ женщинъ къ самому безстыдному цинизму? И это — школа матерей, наставницъ будущихъ русскихъ гражданъ! И проводятъ еще мысль, что подобнаго рода безстыдныя представленія должны быть въ видахъ коммерческихъ допущены во все продолженіе великаго поста, когда церковь призываетъ насъ къ покаянію, къ молитвѣ, къ сознанію нашихъ обязанностей передъ Богомъ. Ужели, подобно скоромному банкету, данному принцемъ Наполеономъ въ страстную пятницу, незадолго до седанской катастрофы, устроятъ и у насъ каскадныя представленія въ тотъ же день великой христіанской скорби, и пѣсни іереевъ сольются съ музыкой канкана въ одномъ и томъ же православномъ

русскомъ городѣ? *) Да сохранить насъ Господь отъ этого поруганія святыхъ каноновъ церкви, чтимыхъ цѣлымъ народомъ за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые посвятили себя его развращенію. Если не обращаютъ болѣе вниманія на то, что театральная пропаганда всякаго наглаго соблазна осуждена великими учителями церкви, глубоко изучившими человѣческую природу, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ припомнить, что по духу русскихъ законовъ развратители общественной нравственности подлежатъ уголовнымъ наказаніямъ. Если намъ возразятъ, что никакое въ этомъ случаѣ ограниченіе не соотвѣтствуетъ болѣе *духу времени и потребностямъ общества*, то мы отвѣтимъ, что тоже самое говорили и писали въ Греціи и въ Римѣ въ тѣ времена, когда въ слѣдъ за разложеніемъ жизни семейной, тамъ угасала и жизнь государственная. Осуждали іезуитовъ за ихъ принципъ: „цѣль освѣщаетъ средства“; что же сказать о принципѣ, по которому слѣдуетъ всеѣмъ жертвовать *духу времени и потребностямъ общества*, хотя бы этотъ духъ и эти потребности были совершенно безнравственны. Наконецъ, нельзя же не спросить отъ имени какого общества провозглашается этотъ принципъ? При добросовѣстномъ разборѣ окажется, что общество это состоитъ изъ сотрудниковъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, живущихъ крайнимъ закаломъ, какъ ремесломъ по заказу извѣстнаго числа потребителей, изъ тѣхъ студентовъ и школьниковъ, которыхъ уже успѣли развратить, изъ бюрократовъ съ претензіями на высшее образованіе, наконецъ изъ всякаго сброда мужчинъ и женщинъ неопредѣленныхъ занятій. Вотъ то общество, тотъ умственный пролетаріатъ, который не имѣя что терять, всегда вы-

*) Послѣдовавшее въ недавнемъ времени разрѣшеніе театральныхъ представленій во время великаго поста не простирается на первую и страстную недѣлю.

игрываетъ, если ничѣмъ необузданный разгулъ порочныхъ страстей вызоветъ насильственный въ государствѣ переворотъ. Но возможно ли отдать на жертву этихъ дикихъ апетитовъ участь восьмидесяти-милліоннаго народа? Театръ, образовавшій изъ себя возмутительную школу безнравственности долженъ быть подвергнутъ той строгой цензурѣ, необходимость которой доказана его собственною исторіею. Реформа эта не можетъ представить особыхъ затрудненій: нѣсколько возгласовъ людей, неимѣющихъ никакого нравственнаго значенія, покажутъ только, кто былъ заинтересованъ этой театральной распущенностію. Давно ли мы видѣли, что игорные дома на водахъ, развращавшіе общественную нравственность, считались *въ духъ времени и потребности современнаго общества*, но достаточно было изданія одного закона, чтобъ положить конецъ ихъ существованію и освободить Европу отъ этихъ гнусныхъ учрежденій?

Могутъ сказать, что при слишкомъ строгой цензурѣ придется выкинуть изъ репертуара двѣ трети драматическихъ и оперныхъ произведеній. Что за бѣда? Это самое очиститъ вкусъ, подниметъ истинное искусство и доставитъ намъ болѣе изящныя творенія, потому что никто не станетъ писать такихъ безнравственныхъ пьесъ, которыя навсегда должны остаться въ портфелѣ автора.

За тѣмъ предстоитъ вопросъ о безнравственной литературѣ, заключающейся преимущественно въ безчисленныхъ романахъ и тенденціозныхъ сочиненіяхъ, извращающихъ здоровое развитіе ума, разлагающихъ нравственность и дѣйствующихъ на нервную систему тѣмъ одурѣвающимъ раздраженіемъ, которое по времени становится потребностію болѣзненнаго организма. Поставщики этого литературнаго опиума умышленно смѣшиваютъ два разнородныхъ понятія, чтобы прикрываясь од-

нимъ, провести другое. Своеволие печати противъ религи и нравственности не имѣетъ ничего общаго съ свободою слова, необходимою для обличенія злоупотребленій и неурядиць въ сферѣ общественной, административной и судебной, потому что иначе правительство лишено будетъ средствъ знать истину, необходимую для него въ дѣлѣ государственнаго благоустройства. Относительно цензуры обыкновенно возражаютъ, что нѣтъ ничего произвольнѣй, какъ понятіе о нравственномъ и безнравственномъ и одинъ цензоръ найдетъ безвреднымъ для нравственности то, что другой строго осудитъ. Какъ же допустить подобный произволъ? Но не тоже ли самое можно сказать о всякомъ человѣческомъ судѣ, слѣдуетъ ли изъ того заключить, что не нужно никакого суда, какъ не нужно никакой цензуры. Римъ былъ всемогущъ и силенъ неумолимымъ произволомъ своихъ цензоровъ, каравшихъ всякую замѣченную безнравственность гражданъ;—онъ палъ, когда освободился отъ цензуры надъ нимъ тяготѣвшей. Христіанская церковь долго сохраняла чистоту нравовъ, подчиненныхъ ея духовному управленію народовъ, покамѣсть не ослабили въ примѣненіи строгости ея канонровъ. Современная Россія нуждается въ такой же строгой цензурѣ, чтобы сдержать всякую тенденціозную литературу, посягающую на святую христіанскихъ нравовъ и вѣрованій; необходимо только, чтобы назначеніе цензоровъ зависѣло, не отъ протекцій и ходатайствъ, но отъ строгаго изслѣдованія всей ихъ предшествовавшей безукоризненной жизни, какъ это дѣлалось при избраніи древнихъ епископовъ—блюстителей нравовъ ввѣренной имъ паствы. Такая цензура, непоколебимая въ отношеніи религіозномъ и нравственномъ, нисколько не стѣснитъ свободы печати во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, требующихъ гласности и общественнаго обсужденія.

.Домы терпимости—эти гнусные вертепы разврата, приняли къ стыду православной Россіи, характеръ общественныхъ учрежденій, а между тѣмъ исторія указываетъ на цѣлые народы, несправедливо названные варварскими, которые въ продолженіе многихъ столѣтій своего существованія, не допускали никакой у себя проституціи, и которые даже въ завоеванныхъ ими римскихъ областяхъ, сразу уничтожили ее, выдавъ всѣхъ проституткокъ замужъ *) Цезарь говоритъ о германцахъ: „они всю жизнь проводятъ на конѣ или въ воинскихъ упражненіяхъ, стараясь съ дѣтскихъ лѣтъ развить въ себѣ физическую силу. Чѣмъ далѣе кто сохранилъ въ себѣ невинность дѣтскаго возраста, тѣмъ большей удостоивается похвалы. У нихъ считается стыдомъ имѣть до двадцатилѣтняго возраста какое либо малѣйшее понятіе о женщинѣ“. Эти люди, сохранившіе цѣломудріе до мужественнаго возраста, воспитали и развили въ себѣ не только крѣпость тѣлесную, но вмѣстѣ съ нею энергію воли и силу душевную, предъ коими палъ столько же цивилизованный сколько и развращенный Римъ. Въ самой Россіи, не далѣе полвѣка назадъ нарушеніе женскаго цѣломудрія падало неизгладимымъ пятномъ на цѣлую семью, подвергавшуюся общественному посмѣянію. Теперь говорятъ, что бѣдныя дѣвушки, не имѣя въ виду обеспечивающаго ихъ участь замужества, принимаютъ проституцію, какъ всякое другое средство къ существованію; но вѣдь это значить—возвышать развратъ до уровня честнаго женскаго труда. И сколько самого безсердечнаго лицемерія заключается въ этомъ извиненіи, потому что проститутки, послужившія игрушкою для развратниковъ, кончаютъ жизнь или на соломѣ въ богадѣльнѣ или въ больницахъ—обезображенныя страшнѣйшею и отвратительнѣйшею изъ всѣхъ человѣческихъ болѣзней. Съ другой сто-

*) Hist. eccl. par l'abbé Fleury t. VI, p. 229.

роны оправдываютъ развратъ холостыхъ мушкетъ тѣми же доводами, какіе приводили древніе греки и римляне, не желавшіе стѣснять своей личной свободы. И за чѣмъ жениться? За чѣмъ нести семейныя обязанности, когда можно вести жизнь свободно порочную, ничѣмъ и никѣмъ не обузданную. Между тѣмъ исторія указываетъ, что эти развратники убиваютъ въ самомъ зародышѣ цѣлыя грядущія поколѣнія, которыя рождаются уже лишенными нравственной и физической силы, присущей всякому здоровому организму. Въ Римѣ достаточно было трехъ такихъ поколѣній, чтобъ опредѣлить неизбѣжность паденія государства. Мы не можемъ и не должны слѣдовать тѣмъ же путемъ, и, въ угоду дикихъ страстей и пороковъ, жертвовать благосостояніемъ, могуществомъ и самымъ бытіемъ народа. Жалко и смѣшно слышать и читать, что нынѣшняя умственная и нравственная распущенность — *въ духъ времени и составляетъ потребность современнаго общества*: сбродъ людей, самъ себя называющій обществомъ, есть не болѣе, какъ грязный осадокъ новѣйшей цивилизаціи; если онъ поднялся на поверхность какъ пѣна, то правительству не трудно будетъ снять эту пѣну для очищенія нравовъ цѣлаго народа. Слѣдуетъ, по мнѣнію нашему, обложить пропорціональнымъ налогомъ всѣхъ холостыхъ людей, начиная съ 25 лѣтняго возраста и усиливая оный постепенно до 50 лѣтъ. Сумма этого сбора, которую легко опредѣлить при нынѣшней земской оцѣнкѣ имуществъ или при штатномъ получаемомъ на службѣ содержаніи, должна быть передаваема женскимъ благотворительнымъ учрежденіемъ для раздачи въ приданное дѣвушкамъ, извѣстнымъ своимъ честнымъ безукоризненнымъ поведеніемъ. Не сомнѣвайтесь: такова природа челоука, что послѣшатъ устроить свою собственную семейную жизнь, чтобъ не оплачивать издержекъ чужаго благополучія. Налогъ этотъ не слѣдуетъ, разу-

мѣется, распространять на крестьянское сословіе, въ которомъ ранняя женитьба составляетъ потребность семейную, а развратъ проникаетъ лишь примѣрами изъ высшихъ слоевъ общества.

Учрежденіе цензуры нравовъ не представляетъ въ Россіи ничего новаго, потому что она существовала въ нашихъ законахъ. Въ дворянскомъ сословіи цензура эта возложена была на мѣстнаго уѣзднаго предводителя: ему одному предоставлено было входить въ разбирательство семейныхъ раздоровъ и въ разслѣдованіе поступковъ развратныхъ расточителей своего имѣнія, а при существованіи крѣпостнаго права, онъ самъ подвергался суду за допущеніе злоупотребленій помѣщичьей власти. Есть еще много бывшихъ предводителями дворянства, которые могутъ засвидѣтельствовать, какъ они исполняли эту высокую возложенную на нихъ обязанность. Въ неудовольствіяхъ семейныхъ они болѣею частію примиряли мужа съ женою, родителей съ дѣтьми безъ всякой компрометирующей огласки лицъ тѣсно связанныхъ между собою всеми интересами ихъ общей семейной жизни, тогда какъ нынѣшніе гласные суды, въ которыхъ цѣлая семья выставляется на общественный позоръ, дѣлаетъ всякое примиреніе невозможнымъ, вслѣдствіе понесеннаго стыда и униженія. Съ тою же цѣлію не окомпрометировать лицъ злоупотреблявшихъ помѣщичьей властью или расточавшихъ свое имѣніе развратниковъ, предводитель останавливалъ ихъ увѣщаніями съ глазу-на-глазъ, если же видѣлъ, что всѣ увѣжденія его бесполезны, то относился о томъ къ губернскому предводителю, который созывалъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ, равно какъ и самого обвиненнаго. Въ случаѣ признанной вины послѣдняго, собраніе постановляло отобрать имѣніе его въ опеку и правительствующій сенатъ всегда утверждалъ это рѣшеніе, потому что въ продолженіе почти ста лѣтъ

существованія этой цензуры, не слышно было, чтобы собраніе предводителей и депутатовъ, избранныхъ довѣріемъ дворянства цѣлой губерніи, произнесло несправедливое рѣшеніе.

Своевольное и разнузданное свободомысліе пропагандистовъ приходитъ въ самое неистовое раздраженіе при одной мысли о цензурѣ, но Григорій Богословъ сказалъ, что употребленіе, какое дѣлаютъ изъ вещей опредѣляетъ ихъ пользу или вредъ, слѣдовательно можно употребить во зло цензуру правовъ и печати, но это нисколько не опровергаетъ историческаго свидѣтельства всѣхъ вѣковъ о ея необходимости для разумной и долговѣчной связи всякаго человѣческаго общества.

ГЛАВА XIII.

З а к л ю ч е н і е.

Мы указали на ту эпоху въ жизни древнихъ народовъ, когда христіанство возстановило падшую семью, освятивъ бракъ всею силою Божественнаго догмата, неподлежащаго никакимъ измѣненіямъ человѣчаго измышленія. Христіанское воспитаніе совершалось въ то время не въ разладѣ, а въ союзѣ съ умственнымъ образованіемъ, и мы привели современное описаніе счастливаго христіанскаго супружества изъ Тертуліана, церковнаго учителя 3-го вѣка. Монталамберъ, основываясь на тщательно разобранныхъ историческихъ источникахъ, приводитъ примѣръ такой же благочестивой супружеской жизни, въ началѣ 13 вѣка, Лудовика, герцога турингенскаго, съ женою его Елизаветою венгерскою: „что наиболѣе, говоритъ онъ, отличало его съ самыхъ юныхъ лѣтъ, то была чистота души и тѣла, ничѣмъ незапятнанная. Скромный, цѣломудренный онъ легко краснѣлъ,

какъ молодая дѣвушка, а въ разговорѣ всегда былъ крайне воздерженъ. Не только въ первыхъ невинныхъ годахъ своей юности сохранилъ онъ сокровище этой чистоты, которая не была у него плодомъ молодости, ускользнувшей отъ опасностей или мимолетныхъ ощущеній и намѣреній искреннихъ, но готовыхъ исчезнуть при первой бурѣ чувствъ,—нѣтъ, то была въ немъ твердая и сильная воля, ставшая правиломъ всей его жизни, то было непреклонное сопротивленіе самымъ частымъ и самымъ опаснымъ искушеніямъ. Предоставленный самому себѣ при вступленіи въ юношескія лѣта, и въ 16 лѣтъ, обладавшій одною изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ областей Германіи, окруженный блескомъ власти, роскоши, жизни полной волненія, совѣтниками лукавыми, льстецами жаждавшими погубить его добродѣтель,—никогда онъ не поколебался, никогда не набросилъ ни малѣйшей тѣни на вѣрность, въ которой клялся Богу, самому себѣ и той, которую любилъ въ Богѣ *)“.

„Не преходящія чувства удивленія и влеченія чисто человѣческаго неразрывно соединяли сердца этихъ юныхъ супруговъ, но общая ихъ вѣра и строгое исполненіе добродѣтелей, которымъ она учитъ и обязанностей, которыя налагаетъ. Не смотря на свою нѣжную молодость и живую почти дѣтскую любовь къ мужу, Елизавета не забывала, что онъ—ея глава, какъ Иисусъ Христосъ—глава Церкви. Она соединяла съ своею горячею къ нему привязанностію величайшее уваженіе, и повиновалась ему по первому его знаку или слову, наблюдая за собою, чтобъ неоскорбить или не раздражить его даже самымъ незначущимъ выраженіемъ **).“

*) Hist. de S-te Elisabeth de Hongrie par Montalamberd. Brux. t. 1. p. 231, 232.

**) Id—244.

Такой типъ благочестиваго христіанскаго супружества мы видимъ въ Дмитріи Донскомъ и его супругѣ, таковъ онъ былъ и во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ христіанскихъ народовъ съ правилами одинаковыми для всѣхъ сословій для всѣхъ классовъ общества, для всѣхъ степеней человѣческаго образованія. Непростительно было бы обманывать себя: новѣйшее язычество достаточно проникло и съ каждымъ днемъ все глубже проникаетъ въ нравы культурныхъ слоевъ общества, но благодаря Божественному милосердію, всегдашняя возможность возрожденія человѣчества есть принципъ, присущій религіи Христа — Спасителя. Въ благочестивой семьѣ развивается религіозное чувство и вырабатываются чистые нравы, въ которыхъ сосредоточиваются сила и могущество народа.

Брачный союзъ, какъ таинство Вѣры, какъ условіе совокупнаго полнаго существованія человѣка, не подлежитъ никакому произвольному толкованію, никакимъ гражданскимъ реформамъ. Мы видѣли по всѣмъ текстамъ библіи, что мужчина и женщина составляютъ одного совокупнаго человѣка *), и самъ Спаситель подтвердилъ, что „они уже не двое, но одна плоть и такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ **).“ И какъ премудро устроено это единое въ двухъ частяхъ созданіе! Всѣ недостатки въ духовной и умственной природѣ мужчины восполняются именно тѣми качествами женщины, въ которыхъ ему отказано, и на оборотъ, ему дарованы тѣ особыя свойства ума и сознанія, которыхъ не достаетъ у женщины, такъ что счастье супруговъ зависитъ отъ согласованія ихъ взаимныхъ недостатковъ и достоинствъ. Два различныхъ способа мышленія, два различныхъ метода изслѣдованія свойственны мужчине и женщине и оба — необходимы, взаимно повѣ-

*) Быт. 21. V. ст. 2.

**) Ев. отъ Матѳ. XIX, 6.

ря другъ друга. Методъ индуктивный, слагающій свои выводы изъ частныхъ фактовъ, свойственъ логикѣ мужчинъ, тогда какъ — дедуктивный, переходящій отъ общихъ положеній къ частностямъ, принадлежитъ природѣ женщинъ. Последнія, сверхъ того, одарены интуиціей или способностію постигать истину мгновенно безъ предварительнаго анализа и болѣе проникательнымъ пониманіемъ характеровъ, что доказываетъ, по словамъ Бокля, что умъ женскій дедуктивнѣе мужскаго: во первыхъ, потому что онъ быстрѣе, чѣмъ у мужчинъ, а во вторыхъ потому что онъ живетъ въ болѣе идеальномъ мірѣ и оттого предпочитаютъ методъ изслѣдованія, переходящій отъ идей къ фактамъ, предоставляя мужчинамъ противоположный методъ перехода факта къ идеямъ. * Бокль еще болѣе выясняетъ это положеніе заявленіемъ, „что въ умѣ человѣческомъ есть духовное, поэтическое и, на сколько мы знаемъ, самобытное и безпричинное начало, которое по временамъ внезапно и неожиданно освѣщаетъ передъ нами будущее и побуждаетъ насъ постигать истину, какъ бы предчувствіемъ.“ *).

Мужчина не можетъ гордиться своимъ индуктивнымъ способомъ изслѣдованія истины, въ которомъ, обнимая видимые факты, онъ часто приходитъ къ заключеніямъ гадательнымъ: всѣ заблужденія, всѣ ложныя ученія нашего времени происходятъ оттого, что не были проверены дедукціей, свойственной мышленію женщинъ. Ихъ своеобразная логика, столько же сильная, какъ и логика мужчинъ, осуждаетъ сразу, путемъ синтезиса, всѣ субъективныя ученія противъ религіи, семьи и общества, что позднѣе подтверждаетъ и наука при болѣе тщательномъ аналитическомъ разслѣдованіи фактовъ. Очевидно, что только женскій умъ можетъ остановить заблужденія мужскаго, и на оборотъ, увлеченія, свойственныя женщинамъ, сдерживаются холоднымъ рассужденіемъ

*) Вліаніе женщинъ на успѣхи знанія Бокля стр. 24.

мужчины. Изъ этихъ сложенныхъ вмѣстѣ способностей и достоинствъ рождается гармонія чувствъ, мыслей, потребностей, интересовъ, составляющихъ счастье обѣихъ половинъ человѣческаго бытія, слитыхъ въ одной ихъ нераздѣльной жизни. Обѣ половины — слабы порознь, сильны — вмѣстѣ, и потому каждая ищетъ ту родную душу, съ которою можетъ слиться въ одно полное бытіе. Тутъ на всякое предложеніе продажи или купли супруговъ можно отвѣчать словами св. апостола Петра: „серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ даръ Божій получить за деньги“ *). Мужчина, избирая себѣ подругу жизни, другую половину самого себя, долженъ глубоко проникнуться тѣми обязанностями, которыя съ клятвой обѣщаетъ исполнить, принимая себѣ жену изъ рукъ Бога, передъ Его святымъ Престоломъ, передъ ангелами и человѣками.

Никому не дано нарушить безнаказанно свои супружескія обязанности даже въ этой жизни по непреложному закону возмездія, которымъ проникнута вся исторія человѣчества: „какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ“ **). Отрицательныя ученія, которыми человѣкъ ищетъ оправдать свое преступленіе противъ Бога и жены, еще глубже изрываютъ передъ нимъ его земной адъ безъ любви, безъ надежды, безъ вѣры, какъ первую ступень того вѣчнаго ада, въ которомъ мученія безконечны. Напрасно прибѣгаютъ къ лицемѣрію, не признавая, чтобы при милосердіи Бога были возможны вѣчныя муки: но ученіе о милосердіи Божіемъ, уничтожающимъ его правосудіе, было еще въ 3-мъ вѣкѣ осуждено, какъ заблужденіе, а вѣчность наказанія неизбѣжна потому что въ жизни будущей, при отсутствіи времени, нѣтъ разницы между одною се кундой и милліонами лѣтъ.

*) Дѣян. ап. VIII, 20.

***) Ев. отъ Луки. VI, 38.

Если бы нарушеніе святости супружскаго союза и сопряженная съ нимъ кара ограничивались одними преступившими свои обязанности лицами, то можно было бы сказать, что они сами посягаютъ на собственное свое счастье, но дѣло въ томъ, что они отравляютъ въ зародышѣ цѣлыя поколѣнія отъ нихъ происходящія, сообщая имъ недуги умственные и физическіе, постепенно увеличивающіеся до вырожденія и угасновенія цѣлой породы, какъ это мы видѣли въ фамилии Цезарей. Какой же Божескій или человѣческій законъ можетъ допустить такое чудовищное дѣтубійство? Научными изслѣдованіями доказывается ясно, что все живущія на землѣ творенія раздѣляются въ естественной исторіи на три особыхъ разряда: многоженныхъ (полигамы), многомужнихъ (полиандры), и одноженныхъ (моногамы). Къ первому разряду принадлежатъ въ дикомъ состояніи лошади, быки, пѣтухи и пр.: самый сильный конь, побѣдившій всехъ своихъ соперниковъ, становится единственнымъ родоначальникомъ въ избранной имъ семьѣ; сильнѣйшій быкъ или пѣтухъ также яростно побиваютъ совмѣстниковъ, чтобы имѣть семью, замѣненную отъ ихъ посягательства. Здѣсь ревность есть законъ сохраненія самой сильной и здоровой породы, недопускающій размноженія посредствомъ слабѣйшихъ индивидуумовъ. Если двѣ пчелы — матки изъ породы многомужнихъ появятся въ одномъ ульѣ, то сильнѣйшая изъ нихъ убьетъ изъ ревности слабѣйшую по тому же естественному закону самосохраненія породы. Къ разряду одномужнихъ и одноженныхъ принадлежатъ аистъ, горлица, человѣкъ и т. д. Были примѣры, что изъ подмѣненныхъ въ гнѣздѣ аиста яицъ, самка выводила, вмѣсто аистовъ, тѣхъ птицъ, къ породѣ которыхъ принадлежали подложенныя яйца, и такое явленіе всегда сопровождалось тѣмъ, что слетѣвшее стадо аистовъ заклеывало до смерти заподозрѣнную въ

невѣрности самку. Древніе народы имѣли свои проверенные тысячелѣтіями опыты, недоступные нынѣшнимъ понятіямъ, воспитаннымъ при совершенномъ упадкѣ нравственныхъ наукъ. Мы видѣли, что прелюбодѣяніе въ народѣ еврейскомъ наказывалось смертію, что такое же за него возмездіе считалось справедливымъ въ первыхъ вѣкахъ исторіи Греціи, что въ Римѣ за недостаткомъ заявленія изъ среды семьи, общественная власть обвиняла прелюбодѣевъ, а законъ государственный каралъ преступленіе, посягавшее на вырожденіе и разрушеніе будущихъ поколѣній римскихъ гражданъ. Цѣломудренныя матроны первыхъ вѣковъ Рима гордились тѣмъ, что по смерти останется на ихъ гробницахъ высокоцѣнимая ими надпись: *univira* (одномужняя). Этотъ естественный законъ былъ извѣстенъ первобытнымъ христіанамъ, и церковь до нынѣ допускаетъ къ священнодѣйствію священниковъ и дьяконовъ только одноженныхъ. Даже ревность въ самомъ болѣзненномъ ея состояніи, вызываемая неопытностію супруговъ не есть *фальшивое чувство* или прихоть, но всегда истекаетъ изъ высшаго закона самосохраненія человѣческой породы, и въ этомъ смыслѣ разумно ревнивая и добродѣтельная жена, устраниющая отъ мужа всѣ роды искушеній, всѣ опасныя для его нравственности знакомства и сближенія, не только сохраняетъ духовныя и физическія его силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ это здоровое нормальное состояніе рожденнымъ отъ нея поколѣніямъ. Мужъ любящій въ Богѣ свою жену, нисколько не тяготясь ея ревностію, самъ устранить всякой поводъ къ возбужденію въ ней этого чувства, которое угаснетъ само собою, какъ огонь, неимѣющій горячаго матеріала для своего питанія. Такъ же поступаетъ и жена въ отношеніи къ мужу въ которомъ замѣтитъ склонность къ ревности.

Въ семейной жизни каждый изъ супруговъ долженъ сознать собственные свои недостатки, чтобъ снисходить къ недостаткамъ другаго и тѣмъ вызвать одинаковое снисхожденіе къ самому себѣ. Мужчина имѣетъ свои слабыя стороны, которыя жена разумная и любящая сразу отгадаетъ, но никогда не коснется этого больного мѣста, не покажетъ вида что его знаетъ. Мужъ это пойметъ и тѣмъ болѣе станетъ дорожить деликатностію ея чувствъ, тѣмъ сильнѣе привяжется къ ней всѣми силами своей души. Только изъ закона христіанской любви можно почерпнуть эту деликатность, которая, сдѣлавшись привычкою, устанавливаетъ такую изумительную гармонію чувствъ и мыслей въ единой слившейся жизни супруговъ, что часто мужъ выражаетъ то, что уже было на умѣ жены, а жена высказываетъ то о чемъ только что думалъ мужъ.

Человѣкъ, вступившій въ супружество съ женщиною, которую полюбилъ святою, чистою любовью, не престанно молить у Бога дарованія ему силы сдѣлать счастливою ту, которая слила свою жизнь съ его жизнью, раздѣляя съ нимъ всѣ радости, всѣ скорби житейскія. И что сравнительно представляетъ положеніе холостаго человѣка? Иногда, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ неудачами и превратностями жизни, онъ изнемогаетъ до малодушія и нерѣдко доходитъ до самоубійства, или сумашествія, тогда какъ человѣкъ семейный, имѣя любящую жену, находитъ въ ней совѣтчицу, опору, источникъ новыхъ силъ, почерпаемыхъ ею въ ея высокомъ религіозномъ чувствѣ. И когда Богъ услышитъ ея горячія молитвы, и они оба снова выйдутъ на торную дорожку жизни, тогда мужъ, убѣжденный, что спасенъ вѣрой, энергіей и любовью своей жены, готовъ, въ свою очередь, принести всѣ жертвы для ея счастья, спокойствія, и возненавидѣлъ бы самого себя, еслибы не ис-

полнилъ этого святаго и пріятнаго для себя долга. Къ тому же въ самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ жизни сколько есть счастья молиться и плакать вмѣстѣ, и чѣмъ дружелюбнѣй и согласнѣй проходятъ оба супруга этотъ земной путь, тѣмъ легче и отраднѣе становится онъ для нихъ по слову Спасителя: „иго мое благо и бремя мое легко есть“ *).

Трудъ — высокое назначеніе человѣка, — застраховываетъ его нравственность и чистоту его семейной жизни. Если мужъ и жена потрудились съ утра, каждый въ сферѣ своей дѣятельности, тогда время, въ которое они сходятся, есть счастливое для нихъ отдохновеніе, и никогда не употребятъ они этого драгоценнаго для нихъ досуга на ссоры или пререканія, неизбѣжныя между супругами праздными, недовольными и собой и другъ другомъ. И какъ плодотворенъ ихъ общій, благословенный Богомъ трудъ! Мужъ пріобрѣтаетъ, а жена сохраняетъ; — сохраненіе же равно пріобрѣтенію. Изъ разумно собранной экономіи жена христіанская съумѣетъ накормить голоднаго, одѣть нагаго, помочь безпомощно больному или заключенному въ темницѣ, найдя слово утѣшенія для каждаго скорбящаго и передавая въ то же время дѣтямъ своимъ наглядный, всепроникающій въ ихъ юное сознаніе примѣръ добра. Нравственный уровень общества на столько понизился, что многіе (хотя, благодаря Бога, не всѣ) уже не способны понимать, что такая женщина собираетъ негнѣнное сокровище, которое не только послужитъ ей самой въ жизни лучшей, но отзовется здѣсь благословеніемъ Божиимъ на ея дѣтяхъ, когда ее уже не будетъ въ этомъ мірѣ. Бываютъ случаи, когда человѣкъ доходитъ до такого безнадежнаго состоянія, что перестаетъ вѣрить въ возможность спасенія, — и вдругъ независимо отъ него, обстоятельства бы-

*) Ев. отъ Мате. XI, 30.

стро слагаются такъ, что вмѣсто того, чтобы погибнуть, онъ выходитъ на самую лучшую въ жизни дорогу. Онъ не можетъ тогда не сознать по глубокому внутреннему чувству, что на вѣсы правосудія и милосердія Бога упали добрыя дѣла и молитвы его отца или матери, искупившія ошибки и грѣхи его молодости, неопытности, невѣрія, заблужденій.

Вотъ та чистая школа семейныхъ нравовъ, которыми ребенокъ пропитывается, какъ воздухомъ его окружающимъ, и которыхъ, по словамъ Кирхмана, не можетъ дать никакое ученіе. Еще не понимая добра, онъ научается и привыкаетъ его любить, видя примѣры благочестивой жизни родителей. Есть краснорѣчіе сердца, которое выше краснорѣчія ума, и одна мать способна передать сердцу ребенка прочувствованное ею самою все Божественное, благое и прекрасное, заключающееся въ вѣроученіи церкви. И это нравственное воспитаніе, въ которомъ заключается и изъ котораго истекаетъ вся сила, все могущество народовъ, было фактически упразднено въ Россіи изданіемъ указа 1809 года, сократившимъ на половину духовное человѣческое развитіе, ограничивъ его однимъ лишь умственнымъ образованіемъ. Тогдашняя бюрократія считала, что при такомъ способѣ легко и скоро можно поравняться съ западной цивилизаціей, имѣющей передъ нами 300 лѣтъ впереди. Но какъ никому не дано измѣнить законовъ исторіи, то мы постепенно дожили теперь до такого образованія, которое хуже всякаго невѣжества и которое отбросило насъ къ вѣкамъ упадка Греціи и Рима. Посѣянное зло уже принесло свои плоды: цѣлое поколѣніе, образованное по ложному принципу, дало множество отъ себя дѣятелей, которые внесли въ школу отрицаніе всего предъ чѣмъ тысячу лѣтъ благоговѣла, чѣмъ была сильна земля русская, и теперь явно пропагандируютъ въ средѣ народа безвѣріе и демокри-

тизацію монархической Россіи. Съ ^{друзья} ~~друзья~~ стороны и въ то же время, по инициативѣ правительства, введены и вводятся благодѣтельные въ гражданскомъ быту реформы. При такомъ противоположномъ стремленіи двухъ различныхъ силъ — созидающей и разрушающей, — мы видѣли, что въ Римѣ превозмогла послѣдняя, — и государство рушилось. Мы не можемъ выйти изъ той же самой дилеммы: или для осуществленія благихъ въ принципѣ реформъ должно возстановить добрые нравы ихъ охраняющіе, или допустить свободное развращеніе нравовъ, и тогда всѣ лучшія реформы сойдутъ на степень поминальныхъ, безъ всякаго значенія и смысла, по немѣннѣю гарантій для ихъ исполненія.

Мы привели историческія указанія вліянія женщинъ на благосостояніе, паденіе и возрожденіе человѣческихъ обществъ, изложили законы человѣческой природы, по которымъ это вліяніе неизбѣжно и теперь пришли къ заключенію, что при нынѣшнемъ упадкѣ нравственныхъ наукъ, понизившимъ уровень человѣческаго знанія, здравый разсудокъ женщинъ, ихъ трезвая оцѣнка прямыхъ интересовъ семьи и государства составляютъ тотъ спасительный маякъ при свѣтѣ котораго мы снова можемъ обрѣсть свой потерянный историческій путь. Если чрезъ ложное воспитаніе и образованіе погубили за малыми исключениями почти цѣлое поколѣніе, то изъ этого самого логически слѣдуетъ, что возможно, на оборотъ, воспитать и образовать новое поколѣніе на началахъ религиозно-нравственныхъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самихъ родителей и въ особенности матерей. Государство, послѣ всѣхъ горькихъ пройденныхъ имъ опытовъ, должно, наконецъ, возвратитъ матерямъ ихъ право радѣть о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, такъ какъ право это перенесенное на казенныхъ наставниковъ, не только не привело къ согласованію воспитанія съ об-

разованіемъ, но породило то умственное развращеніе, которое все отрицаетъ: и Бога и власть и всякой благоустроенный гражданскій порядокъ, требуя хаоса и разрушенія, въ подражаніе агитаторамъ первой французской революціи. Къ счастью, нравственный переворотъ къ лучшему всегда возможенъ въ средѣ каждаго христіанскаго народа по самому принципу Божественнаго вѣроученія, что доказываетъ исторія первыхъ пяти вѣковъ нашей эры; Россія же имѣетъ, сверхъ того, въ собственной своей исторіи примѣръ глубокаго развращенія и потомъ возстановленія у себя добрыхъ нравовъ. Первое привело Россію 1612 года къ полному разложенію: она не имѣла болѣе ни царя, ни правительства, была завоевана поляками... Но вокругъ святой хоругви православія незапно воспрянулъ развращенный и униженный русскій народъ. И какъ онъ это совершилъ? Приводимъ буквально слова историка: „явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ, признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренней духовный міръ свой, чтобы оттуда извлечь средства спасенія. *)“.

Не та же ли самая потребность чувствуется нынѣ для очищенія Россіи отъ ея внутренняго растлѣнія? Развѣ мы не можемъ такъ же искренно сознать свое нравственное паденіе, какъ сознали его наши предки? Восхищаются поступкомъ римскаго сената, который вышелъ на встрѣчу Варрона, погубившаго римскіе легіоны при Каннахъ, и благодарилъ его за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи республики; но эта побѣда Сената надъ собственнымъ негодованіемъ должна уступить побѣдѣ цѣлаго русскаго народа надъ самимъ собою:

*) Ист. Россіи Соловьева т. VIII. ст. 442.

„По совету всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздерживаться три дня даже и съ грудными младенцами: и по приговору, по своей волѣ православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего ниѣли, ни пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени *)“.

Очистивъ свой духовный міръ, Россія возстала съ обновленными силами, и какъ гигантъ, раздавила подъ пятой всѣхъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ: это фактъ историческій. И такъ, если Россія могла однажды утратить и опять возстановить добрые нравы, то нѣтъ сомнѣнія, что возможное тогда еще болѣе возможно теперь при одномъ и томъ же двигателѣ—воспитаніи религіозно—нравственномъ и при сильномъ, благоустроенномъ правительствѣ, котораго Россія 1612 года во все не имѣла.

Наше православіе не есть какая нибудь особенность вѣрованія, свойственная русскому народу, но заключаетъ въ себя ту великую христіанскую цивилизацію, которая истекая изъ Божественнаго авторитета, разрушила древній и создала новый міръ. Это сокровище вѣры и высшего знанія охраняли въ началѣ соборы и великіе учителя церкви Восточной и Западной, потомъ, когда Византійской церкви стало угрожать иго мусульманское, а римская устремилась за мірскимъ преобладаніемъ, тогда предвѣчный Промыслъ избралъ себя другой народъ для преемственнаго имъ охраненія истинъ Божественнаго От-

*) id. | VIII. ст. 442, 443.

кровенія,—народъ русскій, въ то время еще младенчествовавшій во всей чистотѣ своихъ первобытныхъ нравовъ. Подъ сѣнію православія Россія воспиталась, возмужала окрѣпла и забрала ту необъятную силу, которая дана ей подъ условіемъ сохранить врученный ей свѣточъ вѣры, необходимый въ будущемъ для всѣхъ земныхъ народовъ. Оттого понятіе о *святой Руси*, нераздѣльно съ понятіемъ о *святомъ* ею хранимомъ *златѣ*; оттого и русскій человѣкъ не можетъ, по своему внутреннему сознанію, отдѣлить православіе отъ отечества и отечество отъ православія. Россія, поставленная своими историческими судьбами во главѣ христіанской цивилизаціи, должна по необходимости со знать свое великое призваніе и навсегда отрѣшиться отъ нравственнаго растлѣнія греко-римской цивилизаціи, нынѣ усвоенной во Франціи и сѣверной Германіи и возвращающей человѣчество къ худшимъ, развращеннѣйшимъ временамъ язычества.

Возвратъ къ самостоятельному развитію, указанному намъ всею нашею тысячелѣтною исторіей, нисколько не можетъ служить помѣхою къ заимствованію нами всѣхъ открытій по части математическихъ и естественныхъ наукъ, выработанныхъ западными народами, и способствовавшихъ къ увеличенію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Такое разумное стремленіе ободряли Петръ I, Екатерина II, и еще раньше ихъ великіе учителя церкви, умѣвшіе согласовать вѣру съ наукой, безъ ущерба для религіи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Гл. I. Первобытный семейный союзъ по указаніямъ библейскимъ	5.
— II. Семейные и общественные нравы греческихъ народовъ	8.
— III. Семейные и общественные нравы римлянъ	21.
— IV. Христіанскій семейный союзъ, освященный таинствомъ вѣры	57.
— V. Зарожденіе и развитіе новѣйшаго язычества	79.
— VI. Сопоставленіе науки истинной съ наукою ложной	85.
— VII. Благочестивыя преданія, обыкновенія и различныя проявленія въ духовной и физической природѣ чловѣка	111.
— VIII. Русская семейная жизнь	124.
— IX. О направленіи и развитіи народнаго образованія въ Россіи со времени изданія указа 1809 года	139.
— X. Культурная борьба въ Германіи	159.
— XI. О духовно-судебной реформѣ и бракоразводномъ производствѣ	164.
— XII. О цензурѣ нравовъ и печати	170.
— XIII. Заключение	178.

Цѣна 70 коп.

125
1876
Списокъ Королевскаго Императорскаго
Библіотекарскаго
Семья
и
Государство.

В. А. Краинскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Н. Н. Милевскаго, на Крещатикѣ, въ домѣ Виска № 11.
1876.